

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (23)

Сыктывкар, 2019

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2019. № 1 (23).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Т.С. Садыков (Нур-Султан), В.А. Семенов (Сыктывкар), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар), С.А. Попов (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты № 18-6-6-27 «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата», № 18-6-6-30 «Этнокультурные процессы в циркулярной зоне Северо-Востока Европы в железном веке и в эпоху средневековья»

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2019

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

Е-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (отв. секретарь, рук. редакционно-издательской группы)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Леонтьев В.А. (Минусинск). О демографических условиях служилой колонизации Красноярского уезда в конце XVII – начале XVIII века	4
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-4-10	
Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Итеративные принудительные миграции на материалах Республики Коми и Вологодской области в 1940–1950-е годы.....	11
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-11-18	
Максимова Л.А., Беловол А.А. (Сыктывкар). Городское население в Коми АССР в 1930–1950-е годы.....	19
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-19-22	
Мацук А.М. (Сыктывкар). Специалисты среднего звена в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР в 1950–1980-е годы: численность, гендерный аспект	23
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-23-26	
Карбаинов Н.И. (Санкт-Петербург). Карымы и ясачные в Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX века: численность этноконфессиональных групп и их сословная структура.	27
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-27-31	

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Попова Л.А. (Сыктывкар). Демографический эффект и последствия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22.01.1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» в Республике Коми	32
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-32-38	
Обедков А.П. (Сыктывкар). Региональные особенности и тенденции демографического развития северных территорий России в первые десятилетия XXI века.....	39
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-39-46	

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Теребихин В.М. (Сыктывкар). К вопросу о валидности и актуальности использования идей Питирима Сорокина о самоубийстве для анализа суицидального поведения населения Республики Коми в конце XX – первом десятилетии XXI века.....	47
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-47-51	
Фаузер В.В. (Сыктывкар). История развития демографических и социологических исследований в Республике Коми	52
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-52-60	
Коровина Н.С. (Сыктывкар). Отражение миграционных процессов в коми фольклоре.....	61
DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-61-65	

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Содержание журнала «Историческая демография» за 2018 год	66
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»	68

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 94:314.728(571.51)"16/17"

DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-4-10

*Е.В. Леонтьев**

О демографических условиях служилой колонизации Красноярского уезда в конце XVII – начале XVIII века

Предметом настоящего исследования являются демографические особенности служилого населения г. Красноярска и Красноярского уезда, рассматриваемые в качестве факторов участия его в колонизации данной территории. При помощи статистических методов прослеживается как происхождение и статус служилых людей оказывали влияние на интенсивность их расселения, определяются наиболее активные в плане миграции социальные группы. Констатируется факт участия жителей г. Красноярска в заселении вновь осваиваемых территорий.

Ключевые слова: служилые люди, колонизация, старожилы, казаки, податная ревизия, расселение, город

E.V. Leontiev

About demographic conditions of serving colonization in Krasnoyarsk county at the end of the XVII – at the beginning of the XVIII centuries

The subject of this research is demographic features of serving colonization in Krasnoyarsk town and Krasnoyarsk county, which are considered as factors of their participation in this region. With a help of statistic methods is understood that origin and status of serving people had influence on intensity of their resettlement and is determined the most active groups according to their migration movements. It is stated the fact of participation of Krasnoyarsk residents in settlement in new territories.

Key words: serving people, colonization, oldtimers, cossacs, tax audit, resettlement, town

Тема заселения русскими территории Енисейского края в XVII–XVIII вв. являлась предметом специального изучения многих сибирских авторов. За последние более полвека в работах С.В. Бахрушина, В.А. Александрова, А.Н. Копылова, Г.Ф. Быкони исчерпывающе описаны направление, динамика и содержание этого процесса, определены состав его участников, условия миграции и быта первопоселенцев [1, 2, 3, 4, 5]. Тем не менее дальнейшая разработка массовых источников позволяет, на наш взгляд, существенно дополнить сложившиеся к настоящему времени представления о начальных этапах колонизации русскими указанного региона. В том числе речь идет о колонизации служилой, игравшей до середины XVIII в. главную роль в хозяйственном освоении земель в южной части Среднего Енисея. С целью изучения мотивов и факторов этого процесса, мы рассмотрим демографические особенности служилого населения г. Красноярска и Красноярского уезда, обозначившиеся в ходе его расселения в первые десятилетия XVIII в. Главными источниками статьи являются данные первой подушной переписи 1719–1722 гг. [6] и переписной книги по г. Красноярску и его уезду 1671 г. [1. С. 217–230].

При проведении ревизии 1722 г. в Красноярском уезде были зарегистрированы 55 населенных пунктов. 47 из них имели дворы, принадлежавшие казакам и членам их семей, 36 были преимущественно населены служилыми людьми. Всего в городе и уезде численность служилого населения составляла 3534 душ муж-

* **Леонтьев Евгений Викторович** (Минусинск) – старший научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. 662608, г. Минусинск, ул. Ленина 60\$ e-mail: eu.leontjew2017@yandex.ru

ского пола. Из этой цифры на долю Красноярска приходилось 29,15 %, что значительно превышает удельный вес горожан, зафиксированный среди представителей других социальных групп местного населения, например, посадских людей (2,66 %), гулящих, промышленных людей, бобылей и захребетников (у всех вместе – 22,86 %). И в уезде и в городе казаки составляли большинство жителей (соответственно 60,01 и 86,85 %).

На рубеже XVII–XVIII вв. **служилое население г. Красноярска и Красноярского уезда испытывало значительные изменения своего состава**, результаты которых видны при сравнении данных первой петровской ревизии и переписной книги 1671 г. В ходе этого сравнения мы выделили различавшиеся по своему происхождению фамилии служилых людей города и уезда и объединили их в четыре группы. Первые две составили потомственные казаки красноярского гарнизона, которые были показаны в переписной книге 1671 г. в городе или уезде, в дальнейшем (а) соответственно встречались там до 1722 г. и (б) переместились (мигрировали) в период между переписями из уезда в город или из города в уезд. Третью и четвертую группы составили лица, оказавшиеся в рядах красноярских казаков после 1671 г.; это были (с) старожилы из среды местного тяглого населения и (д) пришлые, вновь поселившиеся в уезде переселенцы из других городов/уездов Сибири и Европейской России.

Итоги проведенного анализа (табл. 1) свидетельствуют о том, что жившие в начале 1720-х гг. в деревнях красноярские казаки являлись в большинстве своем старожилками, носили фамилии, зафиксированные здесь при проведении переписи 1671 г. Они представляли, по меньшей мере, второе или третье поколение русских поселенцев на Енисее. Заметное место в их числе занимали «перешедшие на пашню» жители г. Красноярска. Данные о движении служилых фамилий между городом и уездом указывают на то, что в конце XVII – начале XVIII в. Красноярск терял часть своего населения в ходе внутриуездной миграции. Соотношение прибывших и выбывших в нем среди казаков-старожилков равнялось примерно 1 к 4 (в числе прибывших нужно учитывать также почти всех находившихся в городе казаков тяглого происхождения. – *Прим. авт.*); убыль восполнялась благодаря водворению в городе служилых и гулящих людей из других мест Сибири.

Таблица 1

Происхождение служилого населения г. Красноярска и Красноярского уезда. 1722 г. *

Категории служилого населения	г. Красноярск		Красноярский уезд	
	Душ м.п.	%	Душ м.п.	%
Однофамильцы (потомки) казаков – жителей г. Красноярска в книге 1671 г.	532	51,65	411	16,41
Однофамильцы (потомки) казаков – жителей Красноярского уезда в книге 1671 г.	29	2,82	1223	48,84
Однофамильцы (потомки) тяглых людей г. Красноярска и Красноярского уезда в книге 1671 г.	80	7,77	175	6,99
Служилые люди фамилии, которых не встречаются в переписной книге г. Красноярска и Красноярского уезда 1671 г.	389	37,77	695	27,76
Всего:	1030	100,00	2504	100,00

* Подсчитано по данным: *Перепись г. Красноярска и его уезда 1719–1722 гг. / Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Быконя, А.Л. Лифшиц. М.: «Ломоносов», 2014. 424 с.; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. Очерки Красноярского уезда XVII в. М.: Наука, 1959. С. 217–230.*

Согласно Г.Ф. Быконе, отток жителей Красноярска на территорию уезда начался в основном во втором десятилетии XVIII в. [4. С. 205]. Аналогичное движение, как показывают А.А. Люцидарская [7. С. 117], В.В. Пестерев [8. С. 139–140] и Г.А. Леонтьева [9. С. 130], происходило в это время и в других городах Восточной и Западной Сибири. На ранних этапах колонизации сибирский город сам создавал себе аграрное окружение, «выбрасывая на пашню» избыток своего населения.

Условием аграрного расселения казаков за Уралом являлась скудость казенного содержания, вынуждавшая служилых людей заниматься ведением собственного хозяйства. По подсчетам В.Н. Шерстобоева, стоимость оклада рядового казака, включавшая выплату денег, хлебное и соляное жалование, соответствовала стоимости 104 пудов зерна [10. С. 483]. Для сравнения, в XVIII в., среднелюдовой уровень потребления зерна в семьях крестьян Центральной России составлял 24 пуда в год [11, С. 129]. К середине следующего столетия он снизился до 17,4 пудов [12, С. 168]. Если соответствовать этим нормам, вознаграждение за службу (при условии его регулярного получения) давало служилому человеку возможность прокормить в течение года еще трех-четырех человек из состава своей семьи. Правда, речь в данном случае, очевидно, могла идти только о пропитании, не считая удовлетворения иных материальных запросов. Значит для того, чтобы создать семью

и «жить своим двором», поверстанному казаку требовались дополнительные доходы, не связанные с несением службы. Наиболее простым и надежным способом их получения, как правило, являлась разработка пашни.

Дальнейшему развитию служилого земледелия способствовала постепенная отмена администрацией выдачи хлебного жалования казакам, имевшим официально записанные у них наделы. В восточных уездах Сибири эта практика распространялась позднее и медленнее, чем на западе. В Енисейском уезде в 1669 г. «с пашни служили» лишь 36 чел. из 487 [3. С. 202], в Красноярском в 1693 г. – 42 чел. из 717 [13. С. 356]. В то же время, по данным дозорной книги 1700 г., земледелием среди красноярских служилых людей занимались 560 хозяйств, из них 241 в самом Красноярске [2. С. 97]. Выдача хлебного жалования пахотным казакам объяснялась участием их в несении отъезжих служб. Из-за «беспрестанных посылок» владельцы наделов были, по их словам, часто не способны обеспечить себя продовольствием. Размеры обрабатываемых участков обычно не достигали размеров официально установленного пашенного оклада. В этих случаях служилому человеку, владевшему землей, предписывалось выдавать не все хлебное жалование, а часть его, компенсирующую формальную недодачу надела. В начале XVIII в. в Красноярском уезде 310 казаков (более 40 % от штатно состава) служили с неполным хлебным окладом [14. С. 267]. С 1706 г. правительство запретило отпускать из казны хлеб всем без исключения служилым людям, имевшим собственную запашку, независимо от ее величины. Это увеличило количество пахотных казаков и усилило их миграцию из города в уезд; большинство получателей пашенных окладов старались селиться вблизи отведенных им земель [9. С. 121, 130].

Недостаточность казенного содержания не исчерпывала собою факторов, которые стимулировали хозяйственную активность служилого населения. Не менее важную роль в этом отношении играло естественное увеличение его численности. На рубеже XVII–XVIII вв. количество молодых мужчин среди красноярских казаков значительно выросло по отношению к количеству штатных мест в гарнизоне. К моменту проведения петровской ревизии многие из них фактически уже не имели шансов быть зачисленными в оклад [15. С. 14]. Поэтому значение казенного содержания в бюджете казачьих семей с течением времени неизбежно сокращалось.

В 1671 г. среди казаков г. Красноярска и Красноярского уезда насчитывалось 473 чел. в возрасте 15–49 лет. Из них состояли на службе 388 чел. (82,03 %) [подсчитано по: 1. С. 217–230]. К 1713 г. красноярский гарнизон вырос до 849 чел., но эта цифра составляла уже лишь 57,02 % от числа учтенных переписью служилых людей 15–49 лет [4. С. 201, 206]. Поскольку многие состоящие в штате казаки были старше 49 лет, является очевидным, что во время проведения ревизии, как минимум, половина мужчин в их семьях, «придя в совершенные лета», не служили и не получали жалование. Часть из них была жената, имела собственное дворовое хозяйство и учитывалась при проведении переписи в категории «неверстанных казачьих детей».

Анализ персонального состава данной категории домохозяев говорит о том, что продолжительность пребывания родственников служилых людей в этом звании значительно варьировала. Одним из обстоятельств, оказывавших на нее влияние, являлось происхождение человека, рассчитывающего на зачисление в штат. Среди потомственных казаков Красноярского уезда доля казачьих детей и членов их семей составляла в 1722 г. 14,60 % от численности мужского населения; среди представителей неместных фамилий и служилых тяглого происхождения – соответственно 21,40 и 27,43 % [подсчитано по: 6, 1. С. 217–230]. Разрыв показателей, очевидно, отражает ситуацию, когда предпочтение при заполнении вакансий в гарнизоне имели представители «старых» служилых фамилий [16. С. 91].

Обработка материалов ревизии дает возможность рассмотреть, как происхождение и статус служилых людей соотносились с их расселением и интенсивностью участия в освоении новых земель. Для этого целесообразно сравнить состав служилого населения отдельных территорий Красноярского уезда, различавшихся по времени своего заселения. Всего были выделены три таких района; первый – самый большой, включил деревни и села, находившиеся непосредственно вблизи г. Красноярска и ниже по Енисею до устья р. Кан*. Большинство этих селений были основаны еще в 40–60-е гг. XVII в, и в последующий период росли относительно умеренными темпами; во всем этом районе количество служилых дворов в 1671–1722 гг. увеличилось в 2,8 раза (с 128 до 363) [подсчитано по: 6, 1. С. 217–230]. Севернее, вниз по течению реки от села Бузимского до деревни Подъемной была выделена другая группа селений**. Они тоже в основном уже существовали во время проведения переписи 1671 г., но отличались в последующие годы гораздо более значительным увеличением числа дворов, – в 5,3 раза (с 31 до 164) [подсчитано по: 6, 1. С. 217–230]. Третий

* Село Ясаулово, деревни Бугачевская, Частоостровская, Лодейская, Куваршина, Березовская, Кононова, Кубекова, Барабановская, Хлоптуновская, Шиверская, Усть-Канская, Трифонова, Седельникова, Шахова, Балчюсская, Быковская, по Ботою-реке, Сухобузимская, Погорельна, Торгошинская, Базайская, Одинодворок, Овсянская.

** Село Бузимское, деревни Павловская, Кекурская, Таскина, Нахвальная, Малая Нахвальная, Юкseeвская, Подъемная.

район составили все вновь появившиеся после 1671 г. деревни Красноярского уезда, расположенные к югу от Красноярска*.

Таким образом, перед нами оказались три района и три популяции служилых людей Красноярского уезда, одна из которых представляла его старонаселенный центр, а две другие – вновь осваиваемые территории севернее и южнее города. Такое деление, разумеется, очень условно; в начале XVIII в. все малонаселенное пространство Приенисейского региона представляло собой, по сути, сплошную арену колониационного движения. И тем не менее различия в составе выделенных популяций оказались достаточными для того, чтобы сделать некоторые наблюдения, касающиеся мобильности изучаемого населения.

Начнем с данных относительно происхождения жителей данных территорий. Сравнение их в табл. 2 показывает, что освоение территории Красноярского уезда в конце XVII – начале XVIII в. являлось процессом, в котором преимущественно участвовали представители старых служилых фамилий, известные нам по книге 1671 г. Именно они играли здесь главную роль в заселении новых земель. Но интенсивность участия разных групп старожилов в этом движении была не одинаковой. Наиболее активный отток за пределы старонаселенной части уезда был характерен для казаков, являвшихся в 1671 г. жителями г. Красноярска. Более половины их (54,26 % – 223 д.м.п.) входили во время проведения ревизии в состав периферийных популяций на севере и юге уезда. Причем во вновь устроенных деревнях к югу от города бывшие горожане и их потомки представляли доминирующую в численном отношении группу. Менее активно на этом фоне выглядели потомственные казаки-землепашцы, расселившиеся под Красноярском в начале второй половины XVII в. Во вновь колонизируемых районах они насчитывали 464 д.м.п. (37,94 %) от общей своей численности. У служилых людей неместных по происхождению и выходцев из среды тяглого населения аналогичные показатели были соответственно 41,44 (288 р.д.) и 25,14 % (44 р.д.).

Таблица 2

Происхождение служилого населения отдельных районов Красноярского уезда. 1722 г.*

Группы населения	Количество душ м.п. и доля в составе населения			
	Старонаселенный центр уезда	Колонизируемый район на севере	Колонизируемый район на юге	Всего по уезду
Однофамильцы (потомки) служилых людей Красноярского уезда, записанных в книге 1671 г.	<u>759</u> 51,11**	<u>364</u> 53,85	<u>100</u> 29,15	<u>1223</u> 48,84
Однофамильцы (потомки) служилых людей г. Красноярска, записанных в книге 1671 г.	<u>188</u> 12,66	<u>107</u> 15,83	<u>116</u> 33,82	<u>411</u> 16,41
Однофамильцы крестьян и посадских людей по книге 1671 г.	<u>131</u> 8,82	<u>10</u> 1,48	<u>34</u> 9,91	<u>175</u> 6,99
Люди с неместными фамилиями, не показанными при составлении книги 1671 г.	<u>407</u> 27,41	<u>195</u> 28,85	<u>93</u> 27,11	<u>695</u> 27,76
Всего	<u>1485</u> 100,00	<u>676</u> 100,00	<u>343</u> 100,00	<u>2504</u>

* При подсчете использованы данные табл. 1.

** В знаменателе показан % в общей численности населения.

Таблица 3 содержит данные, которые соотносят место и статус служилых людей в составе войсковой организации с местом проживания их на территории уезда. Ее информация показывает, что верхушка служилого «мира» – дворяне и дети боярские, а также казаки конной сотни (по выражению Н.И. Никитина представители «более престижной службы» [17. С. 29]) – заметно реже других переселялась на новые земли. Во вновь колонизируемых районах преимущественно встречались казаки пешие, отставные и казачьи дети, т.е. рядовой состав красноярского гарнизона и не состоящие в штате члены войсковой общины. Последние, не имея жалования, жили исключительно за счет своих дворовых хозяйств или «кормились работой». На примере старожильского населения Томского уезда начала XVIII в. А.А. Люцидарская охарактеризовала указанную категорию казаков как «наиболее оторванную от города близкую к земле» [7. С. 118].

Обобщение данных о происхождении и социальной структуре красноярских служилых людей (табл. 4) дает возможность уточнить результаты наших наблюдений. В частности, оно показывает, что владение землей

* Деревни Бирюсинская, Донникова, Потапова, Погромная, Дербина, Езагашская, Даурская, Сисимская, Медведева, Еремеева, Бельцкая, Сыдинская, Бирьская, Караульный острог, Абаканский острог.

играло в это время важную роль в жизнеобеспечении всех слоев местного служилого населения, как высших, так и низших [18. С. 3]. Но первые чаще устраивались в деревнях, расположенных вблизи Красноярска, а вторые (особенно, выходцы из города) на вновь заселяемых окраинах уезда. Среди казаков тяглых и пришлых по своему происхождению данная закономерность имела одну особенность: а именно, будучи зачисленными в гарнизон, они реже покидали пределы старонаселенной округи, чем старожилы. Поэтому на новых землях доля неслужилых элементов – отставных, казачьих детей и членов их семей – у них была выше. Так, среди потомственных жителей уезда и выходцев из города она равнялась соответственно 26,39 и 31,22 %, у людей с неместными фамилиями – 40,97%, у выходцев из среды тяглого населения – 43,19%.

Таблица 3

**Социальная структура служилого населения отдельных районов
Красноярского уезда. 1722 г. (число д.м.п.)***

Статус главы домохозяйства	Старонаселенный центр уезда	Колонизуемый район на севере	Колонизуемый район на юге	Всего по уезду
Дворяне и дети боярские	$\frac{166}{11,18^{**}}$	$\frac{36}{5,33}$	$\frac{18}{5,25}$	220
Конные казаки	$\frac{398}{26,80}$	$\frac{111}{16,42}$	$\frac{79}{23,03}$	588
Пешие казаки	$\frac{576}{38,79}$	$\frac{321}{47,49}$	$\frac{125}{36,44}$	1022
Отставные казаки	$\frac{111}{7,47}$	$\frac{63}{9,32}$	$\frac{38}{11,08}$	212
Казачьи дети	$\frac{234}{15,76}$	$\frac{145}{21,45}$	$\frac{83}{24,20}$	462
Всего:	$\frac{1485}{100,0}$	$\frac{676}{100,0}$	$\frac{343}{100,0}$	2504

* При подсчете использованы данные табл. 1.

** В знаменателе показан % в общей численности населения.

Таблица 4

**Социальная структура и происхождение служилого населения
г. Красноярска и Красноярского уезда. 1722 г., %***

Статус главы домохозяйства	Город Красноярск	Старонаселенный центр уезда	Колонизуемые районы
Потомственные казаки, фамилии которых были записаны в 1671 г. среди жителей г. Красноярска			
Дворяне и дети боярские	4.32	11.45	3.62
Конные казаки	37.71	41.15	22.62
Пешие казаки	38.27	29.17	42.53
Отставные казаки	11.44	2.08	5.88
Казачьи дети	8.26	16.15	25.34
Всего:	100.0	100.0	100.0
Потомственные казаки, фамилии которых были записаны в 1671 г. среди жителей Красноярского уезда			
Дворяне и дети боярские	–	16.39	5.36
Конные казаки	–	27.21	20.82
Пешие казаки	–	36.20	47.42
Отставные казаки	–	7.66	8.15
Казачьи дети	–	12.55	18.24
Всего:	–	100.0	100.0
Служилые люди, фамилии которых были записаны в 1671 г. среди тяглых людей г. Красноярска и Красноярского уезда			
Дворяне и дети боярские	1.27	0.00	0.00

Статус главы домохозяйства	Город Красноярск	Старонаселенный центр уезда	Колонизуемые районы
Конные казаки	28.58	10.69	9.09
Пешие казаки	63.30	63.36	47.73
Отставные казаки	8.87	3.82	0.00
Казачьи дети	0.00	22.14	43.19
Всего:	100.0	100.0	100.0
Пришлые служилые люди, фамилии которых не встречались в 1671 г. среди жителей г. Красноярска и Красноярского уезда			
Дворяне и дети боярские	5.75	4.91	7.29
Конные казаки	20.53	24.82	9.09
Пешие казаки	44.76	39.56	38.89
Отставные казаки	12.73	11.55	17.36
Казачьи дети	16.22	19.16	23.61
Всего:	100.0	100.0	100.0

* При подсчете использованы те же данные, что и в предыдущих таблицах.

Полученные в ходе исследования факты говорят о том, что система содержания служилых людей за Уралом в XVII – начале XVIII в. не обеспечивала естественное воспроизводство их как социальной группы. Поэтому демографический рост способствовал превращению казаков в земледельцев, сочетавших военную службу с ведением пашенного хозяйства. После ухода кыргызов и «замирения ясачных земель» на юге Енисейского края расселение служилых людей привело к увеличению числа деревень, расположенных за пределами освоенной ранее русскими территории Красноярского уезда.

Наибольшую активность в переходе на новые земли демонстрировали казаки пешей службы и находившиеся вне штата неверстанные казачьи дети. Как правило, это были представители старых служилых фамилий, среди которых особенно выделялись люди, показанные в 1671 г. жителями г. Красноярска. По отношению к своей численности они чаще участвовали в миграции, нежели казаки, расселившиеся в окрестностях города в предыдущий период.

Объяснить данную ситуацию можно, приняв во внимание следующие обстоятельства: зачаточное состояние местного рынка исключало возможность регулярной занятости красноярских горожан в несельскохозяйственной сфере [4. С. 203]. Водворение их в деревнях, расположенных вблизи города, очевидно, было затруднено захватным землепользованием ранее поселившихся там казаков [19. С. 66]. В сочетании с переложной агротехникой, требовавшей частого обновления обрабатываемых угодий, вольные захваты земли, по видимому, являлись условием, которое выталкивало вновь прибывших в полубезлюдные, никем не занятые еще места [20. С. 121]. При этом переход на южные рубежи давал красноярским казакам не только землю. Одновременно это была еще и возможность уменьшить тяготы несения отъездных служб, заниматься лесными промыслами, выменивать пушнину и скот у ясачного населения.

Литература и источники

1. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. Очерки Красноярского уезда XVII в. М.: Наука, 1959. 234 с.
2. Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
3. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Наука, 1965. 294 с.
4. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. 247 с.
5. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (сословно-демографический аспект). Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. 416 с.
6. Перепись Красноярского уезда 1719–1722 гг. / Подготовка текста и комментарии – Г.Ф. Быконя, А.Л. Лифшиц. М.: «Ломоносов», 2007. 424 с.
7. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки XVII – XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1992. 227 с.
8. Пестерев В.В. Организация населения в колонизируемом пространстве. Очерки истории колонизации Зауралья XVI – середины XVIII вв. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. 237 с.
9. Леонтьева Г.А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: МПГУ, 2012. 321 с.

10. *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т. I. Пашня Илимского воеводства в XVII – начале XVIII вв. Иркутск: Иркутское областное государственное издательство, 1949. 596 с.
11. *Редин Д.А.* Структуры потребления и дохода как признаки социальной идентификации местной бюрократии России петровской эпохи // «Социальная история»: ежегодник. 2010. СПб.: Алетейя, 2011. 408 с. С. 127–159.
12. *Нефедов С.А.* Об уровне жизни крестьян и движении населения в связи с динамикой сбора хлебов, оброков и барщины в 1800–1860 гг. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 12 // Под ред. Л.И. Бородкина. М.: Изд-во МГУ, 2006. 216 с. С. 166–181.
13. *Шунков В.И.* Очерки истории земледелия в Сибири (XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 431 с.
14. *Барахович А.Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII в. (Енисейский и Красноярский уезды): Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Красноярск, 2016. 267 с.
15. *Зувев А.С.* «Выбрали мы товарищи меж собою»: традиции казачьего самоуправления в Сибири XVII в. // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв.: Бахрушинские чтения. 1994 / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1994. С. 11–20.
16. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество в Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
17. *Никитин Н.И.* Первый век казачества в Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 27–36.
18. *Горохов В.А.* Томск в XVII в. Материалы по истории города. Томск, 1903. 174 с.
19. *Быконя Г.Ф.* Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII – XVIII вв. (Материалы к спецкурсу). Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1979 с. 98 с.
20. *Шунков В.И.* Очерки колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М.; Л., 1946. 228 с.

Н.М. Игнатова*

Итеративные принудительные миграции на материалах Республики Коми и Вологодской области в 1940–1950-е годы

В статье вводится термин «итеративные принудительные миграции» для описания повторных насильственных переселений в отношении отдельных групп граждан, ранее перемещенных принудительно с мест постоянного проживания, на примере Коми АССР и Вологодской области в 1940–1950-е гг. Впервые в научный оборот вводятся документы о переселении спецпереселенцев-членов семей ОУновцев из Вологодской области в Иркутскую область и Якутию.

Ключевые слова: итеративные (повторные) принудительные миграции, итерации, трудпереселенцы, спецпереселенцы

N.M. Ignatova

Iterative forced migrations on materials of the Republic of Komi and the Vologda region in the 1940–1950s

The article introduces the term “iterative forced migrations” to describe repeated forced resettlements in relation to certain groups of citizens previously displaced by force from their places of permanent residence using the example of the Komi ASSR and the Vologda Oblast in the 1940–50s. For the first time, documents about the resettlement of forced immigrants who are members of OUN family from the Vologda region to the Irkutsk region and Yakutia are being introduced into the scientific circulation.

Key words: iterative (repeated) forced migrations, iterations, labor migrants, forced migrants

Принудительные миграции, применяемые как административная репрессивная мера в 1930–1950-е гг., совершались повторно по отношению к некоторым группам граждан. В данной статье вводится термин «итеративная принудительная миграция» для описания повторных насильственных переселений. «Итерация» (лат. *iteratio* – повторять) означает повторение какого-либо действия. Термин «итеративная миграция» используется в информативных технологиях и описывает повторный процесс для части данных при переносе объемных баз данных [1]. На наш взгляд, использование этого термина при описании социально-демографических процессов будет продуктивным. Повторные принудительные переселения на Европейском Севере, в частности, можно проследить на материалах Коми АССР (1929–1936 – Коми автономная область, 1936–1991 – Коми АССР, с 1991 г. – Республика Коми) и территории Вологодской области.

В 1941 г. в Коми АССР в рамках общего процесса эвакуации были переселены повторно для проживания в режиме спецпоселения трудпереселенцы**, ранее, в 1930-е гг., высланные из мест постоянного проживания в ходе коллективизации как «бывшие кулаки» для размещения в КФССР. По данным Л.И. Вавулинской, в 1941–1942 гг. из Карело-Финской ССР было эвакуировано в тыловые области СССР свыше 25 тыс. трудпереселенцев, преимущественно в Архангельскую область, Коми АССР, а также в Киргизскую, Казахскую, Узбекскую ССР, в Вологодскую, Кировскую, Молотовскую, Свердловскую области и др. [2].

С июля по декабрь из КФССР в Коми республику прибыло 7779 чел. [3]. В том числе по данным Отдела трудпоселений НКВД Коми АССР в августе 1941 г. в Коми АССР прибыло 710 семей (2529 чел.) трудпоселенцев немецкой национальности, эвакуированных из Беломоро-Балтийского комбината и УББЛАГ НКВД Карело-Финской ССР [4]. К концу 1941 г., на 25 декабря 1941 г. в Коми АССР было размещено 8147

* Игнатова Надежда Максимовна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заведующий сектором Историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26\$ e-mail: ignatova11@rambler.ru.

** Спецпереселенцы-«бывшие кулаки» во второй половине 1930-х гг. и первой половине 1940-х гг. именовались «трудпоселенцами (трудпереселенцами)», спецпоселки, в которых проживали «бывшие кулаки», стали называть «трудпоселками», при этом по социально-правовому статусу трудпоселенцы продолжали оставаться спецпереселенцами, высланными в отдаленные районы страны для проживания в режиме спецпоселения. Во второй половине 1940-х гг. «бывшие кулаки» были отнесены к «спецпоселенцам».

эвакуированных (вольных) граждан и 8410 эвакуированных трудпереселенцев (в том числе граждан СССР немецкой национальности – 2949 чел.).

На 1 апреля 1942 г. было учтено 13389 эвакуированных, в том числе 7930 трудпереселенцев, к которым относились и трудпереселенцы немецкой национальности. Из 7930 человек, насчитывалось 1601 трудоспособных мужчин, 1689 трудоспособных женщин, 1152 подростков от 12 до 16 лет, 1554 детей до 12 лет, 1934 человека «престарелых» [5].

По данным НКВД Коми АССР, в 1943 г. существовало 64 труд(спец)поселка, в которых проживали трудпоселенцы, в 37 из них на февраль 1942 г. были размещены эвакуированные трудпереселенцы, в том числе немецкой национальности [6]. Размещение и трудоустройство трудпереселенцев производились в основном в центральных и южных районах республики. Женщин и детей, как видно на примере трех районов, было значительно больше, чем мужчин, в среднем в два раза (табл. 1).

Таблица 1

Размещение эвакуированных в отдельных районах Коми АССР в 1942 г.

Пол/трудоспособность/возраст	Сысольский район 11.02.1942		Железнодорожный район 28.02.42		Усть-Вымский район 12.05.42	
	Прибыло	Устроено	Прибыло	Устроено	Прибыло	Устроено
Всего	932	553	1221	739	896	758
Мужчин трудоспособных	189	182	229	213	247	247
Мужчин нетрудоспособных	48	34	132	29	32	13
Мужчин всего	237	216	361	242	279	260
Женщин трудоспособных	237	171	337	253	264	264
Женщин нетрудоспособных	120	53	155	10	63	16
Женщин всего	357	224	492	263	327	280
Пенсионеров	8	–	–	–	–	–
Детей ясельного возраста	84	53	73	58	67	48
Детей дошкольного возраста	76	–	114	52	77	45
Детей 1–4 кл.	72	60	96	92	75	54
Детей 5–7 кл.	98	–	85	32	71	71
Детей всего	330	113	368	234	290	218

Составлено и подсчитано по: НАРК. Ф.Р-605. Оп. 1. Д. 1012. Л. 4, 5, 21, 21 об., 46.

В 1941–1944 гг. в Коми АССР при учете спецконтингентов велся особый учет категории «трудпоселенцы, в том числе немцы» (трудссылка, трудпоселенцы, трудпереселенцы), которых было учтено в 1942 г. 25077 чел. Основной приток в эту категорию произошел за счет трудпереселенцев из КФССР [7]. По официальным данным, указанным в документах, в некоторых случаях затруднительно установить, были ли расселены немцы в составе какой-либо группы эвакуированных. Но при сопоставлении определенных фактов общая картина может проясниться. Например, в Корткеросском районе летом 1943 г., исходя из документов Корткеросского райисполкома, было расселено 380 эвакуированных (121 муж. и 259 жен.) без указания социального положения и национальности [8]. При этом список эвакуированных гражданских (вольных) лиц составил 23 семьи численностью 44 чел. [9]. Следует предположить, что остальные 336 чел. были трудпереселенцами. Были ли среди них немцы, в отчетных документах по эвакуированным гражданам не указывается. Но в списке закрепленных на снабжение хлебом и обедом через Корткеросское сельпо на август 1942 г. было зарегистрировано значительное количество работников с немецкими фамилиями. В частности, в колхозе, амбулатории, артели инвалидов «Вычегда», Доме культуры, райпромкомбинате, доручастке, столовой и сельпо трудились рабочие и служащие по фамилиям Шульцер, Штоль, Бер, Биненфельд, Гольдшмитдт, Бергер, Шейнберг, Готлельф, Розенберг, Бресслер, Зайншток, Грамкер, Цертнер, Гринбаум, Горх. Такое количество лиц немецкой национальности в 1942 г. в с. Корткерос могли составить только эвакуированные немцы-трудпереселенцы [10].

Численность трудпереселенцев-немцев постепенно увеличилась с 2949 чел. в конце 1941 г. до 3654 чел. в 1944 г. Из 3654 чел. на работах было занято 2329 чел., из которых 2167 чел. (93 %) были заняты на лесозаготовительных работах [11]. Как видно из таблицы, увеличение происходило не за счет естественного прироста

(рождений), а за счет механического, то есть дополнительного переселения небольших партий спецпереселенцев (табл. 2).

Таблица 2

**Сведения о движении и наличии
спецпереселенцев-немцев-«бывших кулаков» за 1944 г.**

№ п/п	Наименование показателей	Количество спецпереселенцев			
		Человек	Мужчины	Женщины	Детей до 16 лет
	Состояло на 1.01. 1944.	3455	875	1144	1436
1	Прибыло за отчетный год	401	383	–	18
2	В том числе родилось		18		18
3	Убыло за отчетный год	202	125	51	26
4	Убыло в места лишения свободы	137	97	40	–
5	Умерло	65	28	11	26
	Состоит на 1.01. 45.	3654	1133	1093	1428

Источники: Архив МВД по РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 12.

Наибольшее число трудпереселенцев, переселенных из Коми АССР, было трудоустроено на предприятиях лесной промышленности. Что касается других ведомств, то, в частности, Наркомат местной промышленности использовал эвакуированных трудпереселенцев в различных мастерских. Например, в спецпоселке Воквад работала кустарная промартель, которая выполняла спецзаказ по изготовлению военных саней. Как указывалось в отчетных материалах НКВД Коми АССР, осенью 1942 г. «на данном производстве заняты исключительно немцы... В сентябре месяце были начаты военные сани 16 штук». Рабочий режим на этом предприятии предполагал 10-часовой рабочий день [12].

В начале войны государственная политика в отношении использования труда граждан СССР немецкой национальности, в том числе трудпереселенцев, изменяется в сторону трудовой мобилизации. Немцы не должны были призываться на фронт, а в обязательном порядке привлекались на производство и строительство. Те, кто уже находился в действующей армии, на фронте, отзывались в «рабочие колонны», «трудовую армию», на различные стройки, в основном, в лагеря [13].

Исследователь принудительных миграций немецкого населения в Западную Сибирь Т.В. Чебыкина считает, что «образование рабочих колонн означало повторное переселение – перемещение уже в том регионе, куда они были депортированы», и также отмечает, что причиной повторных переселений «стала острая необходимость в рабочей силе». Исследователь указывает: «В 1942 г. российским немцам пришлось пережить новую волну принудительных миграций. На территории современной Новосибирской области немцев направляли на строительство, заводы и комбинаты местной промышленности. В пределах современной Томской области труд их использовался в основном на лесозаготовках и рыбных промыслах. В шахтах Кузбасса спецпереселенцы трудились на основных угольных работах под землей и на поверхности. В Алтайском крае немцы были заняты на стройках. В Барнауле российские немцы строили и военные заводы» [14].

Итерации принудительных миграций в форме мобилизации в рабочие колонны «бывших кулаков» (трудпереселенцев) немецкой национальности, а также других категорий спецпереселенцев были характерны в нескольких формах. В работах современных исследователей термин «мобилизованные немцы» закрепился в основном за теми, кто был размещен в ИТЛ (лагерях). Для Коми АССР следует выделять несколько категорий мобилизованных: первая (о них речь шла выше) – трудпереселенцы («бывшие кулаки») немецкой национальности, мобилизованные для лесозаготовительных работ в спецпоселках; вторая – трудпереселенцы, мобилизованные из спецпоселков на территории Коми АССР для работы в ИТЛ, расположенных как на территории Коми АССР, так и в других регионах страны; третья, самая многочисленная, – немцы, мобилизованные из разных регионов страны для работы в ИТЛ, расположенных на территории Коми АССР.

В Коми АССР в октябре 1941 г. было распространено распоряжение в соответствии с постановлением ГКО № 2383 о проведении мобилизации немцев-граждан СССР мужчин в возрасте 15–16 лет и 51–55 лет и женщин в возрасте 16–45 лет, годных к физическому труду. В основном, немцы остались на предприятиях лесозаготовительной промышленности. В марте 1941 г. в тресте «Комилес» немцы были распределены по «военизированным отрядам на лесозаготовках». Для работы в лесной промышленности мобилизация немцев проводилась в спецпоселках республики. В итоге проведенной мобилизации, мужчины, «организованные по взводам», работали на дальних лесных делянках, а их семьи остались в спецпоселках [15]. Всего в спец-

поселках Коми АССР было организовано 17 взводов (606 чел.) непосредственно в леспромхозах на восьми участках в четырех районах республики [16].

Осенью 1942 г. прошел второй этап мобилизации на производство в Коми АССР, ужесточивший режим работы мобилизованных немцев. Секретный приказ по Управлению Государственного Лесозаготовительного треста «Комилес» № 382 от 10 ноября 1942 г., подписанный управляющим трестом «Комилес», гласил: «В связи с организацией рабочих колонн на лесозаготовки из мобилизованных немцев, финнов, румын и других, враждебно относящихся к Советскому Союзу элементов, приказываю организовать в Нючпасском участке рабочую колонну с количеством рабочих 350 человек, в Певском л/пункте с количеством рабочих 450 человек, в Тимшерском и Усть-Немском л/пункте с количеством 500 человек...» [17]. Устанавливался 10-часовой рабочий день «без дополнительной оплаты», и отряды из немцев работали на самых тяжелых участках лесозаготовки до конца войны [18]. Категорически запрещалось выдавать отпуска по болезни, это считалось «потворничеством саботажу» [19].

В СССР, согласно справки НКВД о численности трудпереселенцев, мобилизованных немцев и заключенных, работающих на стройках и предприятиях наркоматов промышленности (угольная, нефтяная, авиационная, танковая, химическая, целлюлозно-бумажная, рыбная, резиновая, судостроительная, пищевая, путей сообщения, металлургическая, машиностроительная и др.) и в военно-морском флоте на 28 июля 1943 г., на работах были задействованы трудпоселенцы – 259 678 чел., мобилизованные немцы – 141 950, окруженцы и военнопленные – 48 956, заключенные – 206 050, всего 656 634 чел. [20].

В послевоенные годы категория мобилизованных немцев (трудпереселенцев) не исчезает, но продолжает сокращаться. В середине 1946 г. численность мобилизованных составила 976 чел., четверть из которых, 236 чел., работало в Усть-Немском ЛПХ (спецпоселок Усть-Нем База), который и в 1942 г., при формировании рабочих колонн, был самым крупным предприятием по размещению мобилизованных немцев (ранее повторно переселенных как «эвакуированные трудпереселенцы» из КФССР. [21].

Мобилизация труд(спец)переселенцев из спецпоселков в ИТЛ, как в пределах Коми АССР, так и за пределы республики, осуществлялась в военные и послевоенные годы. В ноябре 1942 г. 700 человек мобилизованных немцев из спецпоселков Прилузского и Кожвинского районов были направлены на предприятия Челябинска [22]. НКВД СССР 13 апреля 1943 г. направил в НКВД Коми АССР распоряжение № 52/6758: «В целях обеспечения быстрее окончания строительства оборонных объектов, проведите мобилизацию по трудпоселкам республики для строительства Вятлага НКВД (станция Яр Фосфоритная Пермской жд) – 300 чел трудпоселенцев-мужчин (из числа семейств «бывших кулаков»). Мобилизации подлежат трудпоселенцы из числа занятых на работе в сельскохозяйственных, кустарно-промысловых артелях, совхозах и мелких предприятиях, не имеющих оборонного значения (подсобные хозяйства, госучреждения, конторы и пр.)... Обязать всех мобилизованных явиться на сборный пункт в исправной одежде и обуви с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и с запасом продовольствия, не менее чем на 15 суток. Мобилизованных оповестить, что они будут отправлены на работу на время войны. Предупредить их, что за уклонение от явки на призывные и сборные пункты, неявку к месту работы и самовольный уход с работы (дезертирство), они будут привлечены к ответственности по Указу Президиума Верховного совета СССР от 26 дек. 1941 г.» [23].

В 1943 г. в Воркутстрой планировалось мобилизовать 300 чел. спецпереселенцев. Однако при проведении мобилизации спецпереселенцев 108 чел. по заключению врачебной комиссии были признаны негодным к физическому труду для работы в условиях Воркуты и на этом основании возвращены обратно к прежнему месту жительства (в спецпоселки) [24]. В итоге мобилизация «бывших кулаков» по Коми АССР не была выполнена в запланированных объемах, как и в целом по стране. К 1 июня 1943 г. из предполагавшихся 14850 чел. в лагерь НКВД было мобилизовано 5360 трудпереселенцев (36%) [25].

Во второй половине 1943 г. мобилизация в лагерь продолжилась. В частности, 27 сентября 1943 г. в РО НКВД Сыктывдинского района была направлена телеграмма следующего содержания: «В Вашем районе имеются трудпоселенцы, ссыльно-поселенцы, не занятые на предприятиях оборонного значения 97 человек, из них в течение 48 часов отберите и мобилизуйте в Воркутстрой трудоспособных мужчин в возрасте 18–55 лет 40 человек. Мобилизованных направьте водным путем до ст. Айкино для проезда железной дорогой в Воркуту» [26].

Если выявлялось, что мобилизации на фронт подверглись дети спецпереселенцев, имевших национальность «воюющих с СССР стран», то они также, как и их родители, направлялись в рабочие колонны НКВД, то есть подвергались трудовой мобилизации. Например, в декабре 1943 г. выяснилось, что «при призыве в РККА граждан 1926 г. рождения, райвоенкоматами Коми АССР были приняты на учет призывники, воюющих с СССР стран, подлежащие передаче в рабочие колонны НКВД на все время. По Сысольскому р-ну –

8 немцев, Троицко-Печорскому – 9 немцев, 3 румын, Усть-Усинский – 1 немец, Усть-Куломский – 4 финнов, Усть-Вымский – 1 финнов» [27].

Практика мобилизаций уже других категорий высланных на спецпоселения за пределы Коми республики сохранилась и в послевоенное время. Во исполнение распоряжения Совета министров СССР за № 13756 от 22 сентября 1947 г. и указаний МВД СССР за № 2179 от 27 сентября 1947 г. было отправлено в распоряжение треста «Сталинск-промстрой» на станции Новокузнецк и Таштагон Томской ж/д – 1082 чел., из них «власовцев» – 852, немцев – 185, членов семей ОУНовцев – 45. Из этого количества спецпереселенцев было взято с предприятий министерства лесной промышленности – 601 чел., жилищно-гражданского строительства РСФСР – 123, коммунального хозяйства – 127, и из прочих – 201 (в том числе 128 человек из Печорлага и Воркутлага, это было вызвано «недостатком годных к отправке спецпереселенцев на предприятиях министерств республиканского значения») [28].

Относительно трудпереселенцев, эвакуированных из Карело-Финской ССР следует сказать о том, что они не смогли пройти реэвакуацию как вольные граждане, поэтому переселение из КФСР в Коми АССР с большей вероятностью следует отнести к повторным принудительным переселениям в правовом аспекте, чем к эвакуации. После войны в 1946 г. руководство Карело-Финской ССР неоднократно предпринимало активные усилия, чтобы вернуть эвакуированных трудпереселенцев на предприятия. Однако регионы, в которые они были переселены, препятствовали их выезду обратно, так как занятые на работах, в основном в лесозаготовительной отрасли, были важным рабочим кадром. В Коми АССР выезжал уполномоченный из КФСР, который установил, что в республике находится 7400 чел. эвакуированного населения, в том числе 7150 спецпереселенцев [29]. В 1946 г. председатель Совета Министров Карело-Финской ССР Прокконен в обращении в Обком Коми АССР и настаивал на возвращении «всего населения», высланного в 1941 г. – 7290 чел. [30]. Так как находящиеся на труд-спецпоселениях граждане немецкой национальности считались «высланными навечно» и возврату подлежать не могли, Прокконен особо указывал, что немцев среди высланных не было. По данным, представленным МВД Коми АССР, из 7290 чел. «без лиц немецкой национальности» насчитывалось 1398 чел., и это стало основным аргументом для отказа со стороны руководства Коми АССР [31]. Секретарем ЦК ВКП (б) Г. Куприяновым 10 августа 1946 г. была отправлена телеграмма Генеральному прокурору СССР Горшнину и заместителю министра МВД СССР В.В. Чернышеву. В ней сообщалось: «Несмотря на решение правительства и категоричные приказы МВД, местные организации Коми АССР категорически отказываются возвращать бывших трудпоселенцев». В результате работы из Коми АССР в Карело-Финскую ССР вернулось в конце 1946 г. по одним данным два человека [32], по другим – 248 чел. [33]. При тех или иных данных следует говорить о том, что реэвакуация не состоялась.

В Вологодской области повторные переселения осуществлялись в основном в отношении к спецпереселенцам – членам семей ОУНовцев* и частично к немцам. В 1948 г. в Вологодской области было запланировано переселение большой группы спецпереселенцев-«оуновцев» в Якутию для нужд добывающей промышленности. Основная причина была в потребностях предприятий Якутской АССР в рабочих руках, официальным поводом было подозрение в подготовке побегов. Был составлен список из 163 человек. Но в итоге число отправленных сильно сократилось. Начальнику Управления МВД Вологодской области 2 марта 1948 г. было направлено сообщение № 1/2937 под грифом «совершенно секретно» от заместителя Министра ВД СССР, в котором в том числе говорилось: «Сообщаю, что из списка представленного Вами на спецпоселенцев-«оуновцев», склонных к побегам в количестве 163 человека, отобрано для отправки только 36 человек. От отправки других спецпоселенцев, указанных в Вашем списке воздержитесь, так как среди них значительное количество престарелых и многосемейных, которые не могут быть использованы на работах в тяжелых климатических условиях Дальнего Севера... После отправки упомянутых спецпоселенцев, среди оставшихся провести широкую разъяснительную кампанию о том, что в Якутскую АССР отправлены спецпоселенцы, готовившиеся к побегам, и что эти мероприятия будут применяться и к другим спецпоселенцам, если будет установлена их подготовка к побегу» [34].

В районные отделения министерства Внутренних дел было направлено 13 марта 1948 г. из Управления МВД Вологодской области письмо № 2/532 в котором говорилось, что число отправляемых в Якутию «оуновцев» сокращается по Тотемскому р-ну с девяти до пяти человек, по Нюксенскому – с 59 до трех, по Сямженскому – с 13 до четырех, по Череповецкому с 15 до одного, по Велико-Устюжскому с 62 до 21 чел. По каждому району был составлен отдельный список. Также в письме указывалось: «Указанных спецпереселенцев «оуновцев» спецконвоем доставить в Вологду точно 1-му апреля, повторяю 1 апреля 1948 г. В момент отправки, как подлежащим к отправлению в Якутскую (А)ССР, а также и остальным спецпереселенцам объяснить, что они направляются на работу в гор. Вологду» [35]. В итоге число отправляемых сократи-

* Категория спецпереселенцев – членов семей ОУНовцев – включала в основном женщин и детей. В документах использовали сокращенное обозначение в кавычках – «оуновцы».

лось еще на пять человек. Заместитель начальника УМВД Вологодской области в направленном 17 апреля 1948 г. начальнику Отдела спецпоселений МВД СССР документе докладывал: «В соответствии с распоряжением заместителя министра Внутренних Дел Союза ССР за № 1/2937 от 9 марта 1948 г., нами 4 апреля с/года отправлено в вагонезе через Москву спецпоселенцев-«оуновцев» в количестве 31 человек в адрес Якутская АССР, ст. Б.Невер, Амурской ж/д, трест КВЧ Джугжур Золото Главспецметалла» [36]. Также 4 апреля было отправлено 26 ссыльных из Вологодской области «в распоряжение КВЧ Джугжир-Золото Якутской АССР» [37], вероятно, для некоторой компенсации невысокого числа спецпереселенцев.

В Вологодской области в спецпоселках на 1 октября 1949 г. из спецпереселенцев насчитывалось 824 членов семей ОУНовцев, которые были высланы на спецпоселения преимущественно в 1945–1946 гг., (также были учтены 9309 немцев, два человека «власовцев» и 156 чел. разных категорий были размещены в ИТЛ и на стройках) [38]. В результате итеративных переселений основная часть спецпереселенцев – членов семей ОУНовцев – со спецпоселений Вологодской области была переселена в 1950 г. в Иркутскую область.

Согласно справке от УМВД 22 апреля 1950 г. было направлено в Иркутскую область в распоряжение Управления Слюдяной промышленности эшелон № 97434 по распоряжению МВД СССР № 1238с/и от 22 марта 1950 г. (членов семей) ОУНовцев – 13 человек и немцев – 87 человек. Спецпереселенцы выселялись как семьями, так и по одиночке [39]. Причины данного переселения также экономические, так как в 1950-е гг. наблюдался бурный рост слюдяной промышленности, сырье для которой добывалось в рудниках. В 1950-е гг. были разработаны способы производства из слюдяных отходов новых, высококачественных материалов – слюдяной бумаги и слюдопласта, а также изделий из них [40]. Иркутская область была важнейшей сырьевой базой слюдяной промышленности СССР, а Иркутская слюдяная фабрика была самой крупной в России и поставляла сырье для радиотехнических предприятий страны [41].

В следующем месяце 1950 г. из Вологодской области в Иркутскую было отправлено уже более 500 чел. По информации в справке УМВД от 11 мая 1950 г. эшелон № 97624 по распоряжению МВД СССР от 6 мая 1950 г. в распоряжение треста «Братск» Минлесбумпрома были отправлены 291 чел. «оуновцев» и в распоряжение УМВД Иркутской области 358 «оуновцев» [42]. В том числе из Череповецкого р-на 133 чел., из г. Красавино Велико-Устюжского р-на 106 чел. [43].

После прибытия спецпереселенцев в Иркутскую область было составлено два акта о принятии спецпереселенцев учреждениями и организациями, в распоряжение которых они были направлены. Первый акт был составлен 28 мая 1950 г. по прибытии в Иркутскую область и передаче спецпереселенцев Братскому РО МВД: «Мы, нижеподписавшиеся Зам. Нач. эшелона 97624 капитан ..., Зам. Нач. конвоя лейтенант ..., представитель УМВД Иркутской области..., Начальник Братского РО МВД майор ... составили настоящий акт в том, что в соответствии с распоряжением МВД СССР за № 1/8199 от 6 мая 1950 г. первые сдали выселенцев «оуновцев», прибывших из Вологодской области в адрес треста Братск Минлесбумпрома, а вторые приняли. При чем при сдаче и приеме указанного контингента оказалось следующее: всего сдано и принято 201 человек, из них мужчин – 38 человек, женщин – 113, детей до 16 лет – 50. Кроме того, прибыло добровольно членов семей, не состоящих на учете, – 2 человека. При опросе выселенцев претензий к конвою и руководству эшелона заявлено не было. Санобработка в пути следования проводилась 10 и 20 мая 1950 г.». Под актом стояли подписи упоминавшихся в акте четырех ответственных лиц, заверенные гербовой печатью [44].

Второй акт был составлен в г. Усолье-Сибирское Иркутской области 29 мая 1950 г. Из документа следовало: «Мы нижеподписавшиеся Начальник эшелона № 97624 подполковник ..., Начальник конвоя этого эшелона лейтенант ... с одной стороны, Начальник 4-го отделения ОСП УМВД по Иркутской области капитан ..., командир отдельного дивизиона охраны Усольского ИТЛ МВД СССР лейтенант ... с другой стороны составили настоящий акт в том, что первые сдали, а вторые приняли спецпереселенцев-«оуновцев» в количестве 365 человек, из них добровольцев 8 человек. Контингент этого эшелона снабжен до 27 мая включительно. Претензий к начальнику эшелона и Начальнику конвоя со стороны контингента не предъявлено. Акт составлен в 4-х экземплярах, из коих один экз. Начальнику эшелона, один экз. Начальнику конвоя, один экз. Начальнику пересыльного пункта и один экз. отделу спецпоселения УМВ по Иркутской области. Приложение. Список на 29 листах». Акт, как и в первом случае, был подписан всеми ответственными лицами, в документе имелось четыре подписи и гербовая печать [45].

Следуя документам, из Вологодской области было определено к переселению в Иркутскую область и отправлено эшелон № 97624 всего 649 чел. В Иркутскую область, согласно актам, прибыло всего 566 чел. По установленным правилам, если бы были умершие в пути, то это должно было указываться в документах «приемо-передачи». Можно предположить, так как существовала практика исключения из списков на переселение в распоряжение отдельных предприятий, трестов и промышленных учреждений и ведомств больных, престарелых и других категорий малотрудоспособных граждан, то 83 чел. были исключены из списков по обозначенным обстоятельствам.

Вслед за переселенными «оуновцами» были отправлены их личные дела. В частности, 10 июля 1950 г. в адрес начальника ОСП УМВД Иркутской области из Велико-Устюжского РО МВД Вологодской области были направлены личные дела на 246 чел. «оуновцев», выбывших из Велико-Устюжского района «на основании указаний МВД СССР за № 1238 с/г от 22 марта 1950 г. и № 1/1899 от 6 мая 1950 г.» [46]. Также на основании распоряжения от 6 мая в июне 1950 г. в Иркутскую область было отправлено 50 личных дел «оуновцев» из Нюксенского РО МВД Вологодской области [47].

В целом по стране итерации принудительных переселений были распространенным явлением и могли быть однократными и многократными, в пределах одного региона или нескольких, проводиться в рамках общего глобального процесса как эвакуация или под конкретные экономические задачи. Из Коми АССР и из Вологодской области осуществлялись повторные насильственные переселения в другие регионы для определенных предприятий и конкретных видов работ как в рамках трудмобилизаций, так и в рамках переселения значительного числа спецпереселенцев одной категории в другие регионы.

Источники и литература

1. Тихомиров П. О., Емельянов П. В., Плотник Н. С., Зырянов А. В. Минимизация времени простоя процессов при их миграции в облачном приложении // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Информационные технологии. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 112–120; Маркин А.Л., Петров В.А. Система миграции виртуальных серверов в режиме реального времени // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Информационные технологии. 2008. Т. 6, вып. 3. С. 12–16.
2. Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 33.
3. Информационный центр МВД Республики Коми. Архивный отдел (далее – Архив МВД РК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 44. Л. 93.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 71. Л. 176.
5. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф.Р-605. Оп. 4. Д. 93. Л. 19.
6. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44. Л. 93.
7. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 74. Л. 207.
8. НАРК. Ф.Р-1164. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.
9. НАРК. Ф.Р-1164. Оп. 1. Д. 87. Л. 7.
10. НАРК. Ф.Р-1164. Оп. 1. Д. 66. Л. 8–14.
11. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44. Л. 110–110 об.
12. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 106. Л. 43 об.
13. Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008. С. 109–140.
14. Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.). – URL: <http://old.memo.ru/history/nem/chapter14.htm>
15. НАРК. Ф.П-1. Оп. 3. Д. 974. Л. 5; Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 2.
16. НАРК. Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 1, 2.
17. НАРК. Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 12, 13.
18. НАРК. Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 3250. Л. 2.
19. НАРК. Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 3262. Л. 33.
20. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 138. Л. 24.
21. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 66. Л. 40.
22. НАРК. Ф.П-1. Оп. 3. Д. 880. Л. 184.
23. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 34. Л. 78.
24. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 43. Л. 11.
25. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 139. Л. 46.
26. НАРК. Ф.П-1. Оп. 3. Д. 974. Л. 40.
27. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 33. Л. 103.
28. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 78. Л. 86.
29. Вавулинская Л.И. Указ. соч. С. 39.
30. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 265. Л. 73.
31. НАРК. Ф.П-1. Оп. 4. Д. 6. Л. 31–33.
32. Вавулинская Л.И. Указ. соч. С. 39–42.
33. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 66. Л. 14.
34. Информационный центр УМВД по Вологодской области. Архивный отдел (далее – Архив УМВД ВО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 99.
35. Архив УМВД ВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 119, 122, 125, 127, 129.
36. Архив УМВД ВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 97.
37. Архив УМВД ВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 106.
38. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 641. Л. 407.

39. Архив УМВД ВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21 Л. 55, 56.
40. История слюдодобычи в России. Слюдяная промышленность после революции URL:<http://sludairk.ru/o-slude/history/revolushion/>
41. Добыча слюды в Иркутской области // Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области URL:http://irkipedia.ru/content/dobycha_slyudy_v_irkutskoy_oblasti_vinokurov_ma_suhodolov_ap_ekonomika_irkutskoy_oblasti
42. Архив УМВД ВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21. Л. 63.
43. Архив УМВД ВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21. Л. 75, 92.
44. Архив УМВД ВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21. Л. 111.
45. Архив УМВД ВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21. Л. 89.
46. Архив УМВД ВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21. Л. 172.
47. Архив УМВД ВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21. Л. 180.

Л.А. Максимова, А.А. Беловол*

Городское население в Коми АССР в 1930–1950-е годы**

В статье исследуются демографические процессы в городах Коми АССР. Авторы выявляют особенности формирования городского населения, связанные с принудительной миграцией в регион. Отмечено, что темпы урбанизации в Коми в 1930–1950-е гг. были выше, чем в среднем по стране.

Ключевые слова: городское население, принудительная миграция, темпы роста населения

L.A. Maksimova, A.A. Belovol

Urban population in the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1930s – 1950s

The article examines the demographic processes in the Komi ASSR. The authors reveal the characteristic of the formation of the urban population associated with force migration to the region. It is noted that the rates of urbanization in Komi in the 1930s – 1950s were higher than the national average.

Key words: urban population, forced migration, population growth rates

Поступательное развитие северных территорий в дальнейшем во многом зависит от научного социально-экономического прогнозирования, которое не может существовать без полного представления об исторической характеристике, сути и ходе развития северных городов Республики Коми в прошлом.

Представляется важным выявление специфики демографических процессов в ходе урбанизации северных территорий Коми АССР в контексте экономической модернизации региона.

В изучаемый период все кардинальные демографические изменения были связаны с индустриальным развитием северных и центральных районов республики, с началом развития добычи полезных ископаемых – угля, нефти, радия и др. В Коми АО в 1926 г. численность населения составляла 225,6 тыс. чел. Доля рабочих среди всего населения Коми АО в 1920-е гг. была незначительной, согласно переписи населения 1926 г. она составила 2,5 %, при этом служащих было почти в два раза больше (4,2 %) [1].

Окончательное решение вопроса о рабочей силе для развития промышленности Коми АО связано с принятием решения об использовании труда уголовно-заключенных для развития отдаленных территорий СССР. Уже к концу 1929 г. в районе современного города Ухты работало более 140 чел. в составе Ухтинской экспедиции ОГПУ, большинство из которых были заключенными. К январю 1931 г. число заключенных выросло до 824 чел. [2], а в 1932 г. численность лагерного контингента составила уже 9012 чел. [3]. В формировании населения городов главную роль сыграл спецконтингент лагерных хозяйственных комплексов.

К 1955 г. на территории республики проживало уже 600,5 тыс. чел. Прирост населения за 29 лет составил 390,5 тыс. чел. (или 166,2 %). Главным фактором увеличения численности населения являлась миграция, которая дала 243,7 тыс. чел. (или 62,4 %) прироста. Большая часть приехавшего населения «трудоустраивалась» в топливно-энергетическом комплексе республики и концентрировалась в северных и центральных районах. До начала ускоренной урбанизации $\frac{3}{4}$ населения проживало в южных районах, а к 1959 г. почти 60 % населения – в районах Крайнего Севера и приравненных к ним. Благодаря естественному приросту население увеличилось на 146,8 (или 37,6 % прироста). Согласно статистическим данным за период 1926–1955 гг. прирост, обусловленный миграционными процессами, превышал естественный прирост в 1927–1938 гг. – на 0,6 %, в 1939–1950 гг. – на 215,6 %, в 1951–1955 гг. – на 64 %. Такие высокие темпы прироста на-

* Максимова Любовь Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», заведующая кафедрой истории России и зарубежных стран. 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55; e-mail: lmaks@syktsu.ru; Беловол Антон Александрович – кандидат исторических наук, заместитель директора ГУРК «Центр занятости населения Сыктывдинского района». 167000, с. Вьльгорт, ул. Домны Каликовой, 122; e-mail: antonbel@rambler.ru

** Работа выполнена при поддержке Правительства Республики Коми и РФФИ – проект № 17-11-11002, а(р).

селения в истории республики наблюдались только в 1930 – середине 1950-х гг. Начиная с 1956 г. естественный прирост стал превышать миграционный [4].

За годы советской власти доля городского населения СССР стала составлять до 2/3 (1/3 в 1913 г.) [5] от общей численности населения. Количество городов увеличилось более чем в три раза. В СССР 1930–1950-е гг. характеризовались урбанизационным взрывом, поскольку в этот период наблюдались особенно высокие темпы роста городов, образования новых городов и увеличения численности городского населения в целом. В результате доля городского населения СССР к 1960 г. составляла 47,9 %, в РСФСР аналогичный показатель был равен 52 % [6]. В свою очередь, темпы роста городского населения Коми АССР с середины 1920-х по конец 1950-х гг. превосходят показатели СССР и РСФСР. В начале XX в. территория Коми края была слабо урбанизированным районом страны. В Коми крае был всего один город Усть-Сысольск с населением 8,42 тыс. чел. (4,4 % от общего количества населения) [7]. Количество городов с 1926 по 1955 г. увеличилось до шести, причем все города обрели свой статус в период с 1943 по 1955 г. Численность городского населения с 1926 по 1939 г. выросла почти в 3,5 раза и составила 29,2 тыс. чел. или 9,1 % всего населения Коми АССР. К 1945 г. численность населения городов возросла в 2,6 раза по сравнению с предыдущим периодом (76,8 тыс. чел. – 27,7 % населения Коми АССР), к 1950 г. – в 2,2 раза (172,5 тыс. чел. – 40,7 %), к 1955 г. – в 1,7 раза (283,6 тыс. чел. – 47,2 %) и к 1960 г. составила 496,3 тыс. чел. (снова увеличение в 1,7 раза по сравнению с предыдущим периодом – 60 %). Всего же за три с половиной десятилетия численность городского населения Коми АССР увеличилась почти в 59 раз (см. Приложение 2), тогда как в СССР – в 3,8 раза, а в РСФСР – в 3,7 раза [8]. С 1954 г. численность городского населения стала превышать численность сельского [9].

В результате развития доля городского населения Коми АССР в 1960 г. на 8 % превышала долю городского населения в РСФСР, и на 12 % – в СССР. Из региона всего с одним городом республика превратилась в одну из самых высокоурбанизированных. Динамика роста городского населения и его доли в целом схожа со многими союзными республиками, в которых в 1930–1950-е гг. тоже происходило активное развитие промышленности, – Казахской ССР, Туркменской ССР, Армянской ССР [10]. Однако подобных сверхускоренных темпов урбанизации не было ни в одной из республик СССР [11]. Основным типом расселения стало городское, в городах республики стало проживать большинство населения республики (к 1955 г. – 47,2 %, а к 1960 г. – 60 %). Большинство городского населения (76,4 %) к 1959 г. проживало в районах Крайнего Севера (49,3 %) и приравненных к ним (27,1 %), и только 23,6 % – в южных [12].

Население северных городов формировалось из различных каналов. Одним из них являлся перевод бывших заключенных на колонизацию. В частности, постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 27 июня 1929 г. ставилась задача не только развивать полезные ископаемые в «районе Ухты», но и колонизовать необжитые и малозаселенные территории [13].

В постановлении Политбюро от 13 ноября 1932 г. «Об организации Ухто-Печорского треста» была определена подробная программа развития территории Коми АО. Одной из задач треста являлась колонизация всего Ухто-Печорского района освобожденным контингентом заключенных и спецпереселенцев, «приписанных» к лагерю. При этом лагерь должен был обеспечить колонизируемых жильем, культурно-бытовыми условиями, а также организовать доставку их семей и имущества на место колонизации [14].

Особо отличившиеся заключенные могли рассчитывать на досрочное освобождение и даже на возможность выехать за пределы лагеря, снова жить в столице и заниматься прежней работой. Однако в августе 1938 г., выступая на заседании президиума Верховного Совета СССР, И.В. Сталин отметил, что досрочное освобождение заключенных толкает их к скорейшему отъезду, а это нарушает хозяйственную работу лагерей. Вместо этой практики он предложил практику «добровольно-принудительного оставления» – освобождать заключенных, но не разрешать им выезжать за пределы региона, поощрять их грамотами, орденами, разрешить перевезти к себе семью. В дальнейшем освобожденным заключенным по прекращению дела (полностью реабилитированным) предлагали оставаться работать на прежнем месте, а всех освобожденных по окончании срока заключения закрепляли на этой территории по вольному найму, запрещая выезд за пределы региона [15].

Для реализации плана по колонизации края еще с середины 1930-х гг. в лагерных хозяйственных комплексах стали практиковать освобождение и колонизацию наиболее «ценных» специалистов, для которых создавали в определенном смысле комфортные условия для жизни и работы. Им нельзя было покидать территорию республики, однако они могли вызвать свою семью на постоянное место жительства [16]. Причем это весьма поощрялось лагерными начальниками. Таким образом, население городов увеличивалось и за счет членов семей колонизованных. Таким же правом после отбытия срока заключения пользовались заключенные, которым не разрешалось уезжать за пределы республики, их принудительно оставляли на поселение, и они тоже пополняли «вольное» население городов [17]. В 1953–1958 гг. происходил интенсивный процесс освобождения заключенных из лагерей, часть из них выезжала за пределы республики – начался отток, но

он прекратился после принятия в 1955 г. правительственного постановления о льготах для северян. Таким образом, большая часть репрессированных после освобождения оставалась на постоянное место жительства в республике, особенно в таких городах, как Воркута, Печора, Ухта и поселках по линии СПЖД [18].

Однако только силами заключенных невозможно было наладить сложное производство – добычу тяжелой нефти, радия и т.д. Так, в постановлении Политбюро «О Печоре» от 23 марта 1932 г. отмечалось, что работы в Печорском бассейне должны осуществляться как заключенными, так и вольнонаемными работниками. Привлечение вольнонаемных специалистов для работы на севере требовало создания более комфортных жилищно-бытовых условий. Именно поэтому массовый приезд вольнонаемных специалистов в республику наблюдается позже, наиболее активно этот процесс проявился в 1950-х гг. Вместе с тем следует отметить, что отдельные молодые вольнонаемные специалисты уже в 1930-е гг. прибывали по вольному найму из других регионов или по распределению после окончания учебных заведений, а также по направлению центральных ведомств. Часть вольнонаемных прибывала на работу в Коми АССР по комсомольским путевкам [19].

К категории вольнонаемных относились и работники лагерей, направляемые органами ОГПУ–НКВД–МВД СССР, – надзиратели, вооруженная охрана, начальники подразделений и т.д. Так, в начале 1938 г. более 3000 коммунистов и 1200 специалистов по решению ЦК ВКП(б) были направлены для работы в систему ГУЛАГа, а в 1954 г. – 2500 коммунистов и комсомольцев [20].

Еще одним источником пополнения городского населения, особенно в 1950-е гг., были «организованные наборы». Например, в 1953 г. был проведен масштабный оргнабор квалифицированных рабочих кадров для шахт Инты и Воркуты на предприятиях Донбасса [21]. Кроме того, происходил и механический отток сельского населения в города [22].

Метод лагерной индустриализации обусловил следующие демографические процессы: резкий рост численности населения в Коми АССР, в основном за счет миграций, стремительный рост численности и доли городского населения, сокращение доли коренного населения, в результате русские стали самым многочисленным населением республики.

К моменту создания рабочих поселков и городов в них проживало немногочисленное вольное население, в основном это были работники лагерных хозяйственных комплексов – инженерно-технические специалисты, обслуживающий персонал, вооруженная охрана, администрация. В новообразованных городах количество заключенных намного превышало свободное население.

В СССР в силу уже упоминавшихся причин развитие малоосвоенных, но богатых природными ископаемыми территорий пошло по пути масштабной колонизации и широкого освоения. «Покорение севера» проходило в рамках экстенсивного развития экономики. Советские ученые отмечали, что практика освоения советского севера путем «широкого освоения и прочного заселения» является экономически более эффективной, чем западный опыт [23]. Однако это утверждение более чем сомнительно. Практика градообразования в Коми АССР выявила крупные просчеты. Главным из них являлось то, что создание городов являлось побочным продуктом индустриального развития.

Источники и литература

1. Фаузер В. Население // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1. С. 59.
2. Канева А.Н. Ухтпечлаг. 1929–1938 // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 337.
3. Максимова Л.А. Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар, 2005. С. 14.
4. Фаузер В. Население // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1. С. 57–58.
5. Города России: энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо. М., 1998. С. 5.
6. Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985. С. 246–247.
7. Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 2000. С. 359.
8. Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985. С. 246–247.
9. Безносова Н.П. Всесоюзная перепись населения 1959 г. об этническом составе населения Республики Коми // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы (сборник статей). Сыктывкар, 2000. 566 с. (Коми научный центр УрО Российской академии наук). С. 285.
10. Марухан А.О. Хримлян С.И. Армянская ССР // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 50. С. 684–685; Бекмуратов Х. Туркменская ССР // Там же. С. 687; Чуланов Г., Баишев С., Степин Ф.Т. Казахская ССР // Там же. С. 663–664.
11. Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985. С. 247.
12. Фаузер В. Население // Республика Коми. Энциклопедия. Т. 1. Сыктывкар, 1997. С. 57.
13. Рождение ГУЛАГА: дискуссия в верхних эшелонах власти: Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) 1929–1930 гг. / Публ. С.А. Красильникова // Исторический архив. 1997. № 4. С. 152–153.
14. ГУ РК «НА РК». Фондохранилище № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 887. Л. 25–29.

15. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания / Отв. ред. А.Б. Безбородов, В.М. Хрусталеv; Сост. И.В. Безбродова (отв. сост.), В.М. Хрусталеv. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 71.
16. *Маркова Е.В.* Воркутинские заметки каторжанки «Е-105». Сыктывкар, 2005. С. 152, 171, 177. Этот феномен «декабристок» эпохи сталинизма подробно изучала Е.В. Маркова. (Маркова Е.В. и др. Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2001. С. 174–201; *Маркова Е.В.* Воркутинские заметки каторжанки «Е-105». Сыктывкар, 2005. С. 171–218).
17. *Морозов Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997. С. 117–119, 132.
18. *Безносова Н.П.* Всесоюзная перепись населения 1959 г. об этническом составе населения Республики Коми // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы (сборник статей). Сыктывкар, 2000. С. 285–286. (Коми научный центр УрО Российской академии наук).
19. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. М., 2001. Т. 2. С. 285; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 3. Экономика Гулага / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 574.
20. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 2. Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н.В. Петров. Отв. сост. Н.И. Владимирцев. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 42–43, 46, 81, 509–510.
21. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006. С. 76.
22. *Безносова Н.П.* Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Сыктывкар. 2003. С.27. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук. Вып. 460).
23. *Агранат Г.А.* Зарубежный Север: опыт освоения. М., 1970. С. 398.

А.М. Мацук*

Специалисты среднего звена в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР в 1950–1980-е годы: численность, гендерный аспект**

В статье рассмотрена динамика численности специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР в 1950–1980-е гг. Отдельно рассмотрен гендерный аспект состава специалистов среднего звена. Выделены приоритеты специалистов женского пола в тех или иных отраслях народного хозяйства.

Ключевые слова: среднее специальное образование, специалисты среднего звена, Европейский Север РСФСР, гендерный аспект

A.M. Matsuk

Mid-level specialists in the national economy of the European North of the RSFSR in the 1950s–1980s: number, gender aspect

The article deals with the dynamics of the number of specialists with secondary special education employed in the national economy of the European North of the RSFSR in the 1950s and 1980s. The gender aspect of the composition of mid-level specialists has been separately examined. Priorities of middle-level female specialists in various branches of the national economy are singled out.

Key words: secondary specialized education, middle-level specialists, European North of the RSFSR, gender aspect

Среднее специальное образование прочно вошло в жизнь советского общества как неотъемлемая часть образовательного процесса и профессиональной подготовки специалистов определенной профессии. За годы советской власти в стране в целом и на Европейском Севере РСФСР в частности была создана система среднего специального образования. Данная система была ориентирована на подготовку большого числа специалистов среднего звена для экономики и социальной сферы конкретных областей и республик.

Система среднего специального образования за 1950–1980-е гг. подготовила для различных сфер народного хозяйства областей и республик Европейского Севера РСФСР десятки тысяч квалифицированных специалистов. Вместе с выпускниками техникумов, приезжавшими на Европейский Север России из других регионов страны, они составляли большой отряд специалистов, при непосредственном участии которых район Европейского Севера РСФСР стремительно развивался. Так, если в 1954 г. на Европейском Севере РСФСР работало 72,5 тыс. дипломированных специалистов среднего звена, то в 1965 г. их было уже 189 тыс., в 1970 г. – 257,3 тыс., 1975 г. – 347,8 тыс. и 1980 г. – 442,7 тыс. чел. В разрезе областей и республик данные по числу специалистов со средним специальным образованием представлены в табл. 1 (для сравнения приведены данные по ряду территорий за 1941 г.).

Следует отметить, что основной приток специалистов среднего звена в народное хозяйство региона обеспечивали местные техникумы и средние специальные училища. В то же время стоит учитывать и факт (отмеченный, например, С.В. Бархатовой [1]) приезда для работы на Европейском Севере дипломированных специалистов из других республик, краев и областей СССР.

Система среднего специального образования привлекла в народное хозяйство в качестве специалистов и руководителей большое количество женщин. Например, в Архангельской области в 1961 г. отмечено 28,7 тыс. женщин – специалистов со средним специальным образованием (68,1% от общей численности специалистов

* Мацук Александр Михайлович (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26\$ e-mail: almmatsuk@gmail.com

** Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

среднего звена) [2]. В 1980 г. в народном хозяйстве области отмечена уже 71 тыс. женщин, имевших среднее специальное образование (64,55% от общей численности специалистов среднего звена). Следует подчеркнуть и тот факт, что абсолютная численность женщин среди специалистов среднего звена увеличивалась, в то время как относительная постепенно снижалась. Например, в 1970 г. в Архангельской области было 43,7 тыс. женщин среди работающих специалистов среднего звена (66,2 % от общей численности специалистов среднего звена), а в 1975 г. было отмечено 55,9 тыс. женщин (65,2 % от общей численности специалистов среднего звена) [3].

Таблица 1

**Число специалистов со средним специальным образованием
на Европейском Севере РСФСР, тыс. чел.**

Годы	Архангельская область	Вологодская область	Мурманская область	Карельская АССР	Коми АССР	Европейский Север РСФСР
1941	12,3	н.с.	4,4	8,1	н.с.	н.с.
1954	20,8	20,8	8,7	11,3	10,9	72,5
1955	23,6	23,4	10,6	11,8	13,1	82,5
1956	27,7	26,7	12,2	н.с.	16,8	> 83,4*
1957	35,6	29	15,9	18,1	19,1	117,7
1959	37,3	33,6	21,1	21	24	137
1960	41,1	35,1	22,2	н.с.	25,6	> 124
1961	42,1	37	25,1	22,8	27	154
1963	44,6	39,4	28,7	24	30,3	167
1964	48,3	41,5	31,2	25,5	33	179,5
1965	50,6	43,2	33,1	26,7	35,4	189
1966	50,8	45,9	35,2	28,5	38,5	198,9
1970	66	57,5	44,8	36,8	52,2	257,3
1973	77,1	68,8	54,8	44,2	65,1	310
1975	85,8	75,6	61,6	49,7	75,1	347,8
1977	97,4	н.с.	н.с.	53,8	н.с.	н.с.
1980	110	94	81,2	61,2	96,3	442,7
1983	н.с.	н.с.	н.с.	67,2	н.с.	н.с.
1985	121,5	107,2	н.с.	71,9	109,5	> 410,1
1987	127,9	111,5	н.с.	73,7	н.с.	н.с.
1989	131,1	114,2	н.с.	н.с.	116,3	н.с.

* Знаком > отмечены данные, вычисленные по информации четырех областей и республик Европейского Севера РСФСР из пяти.

Таблица составлена по: 40 лет Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск: Госстатиздат, 1960. С. 64–65; 70 лет Коми ССР. Статистический сборник. Сыктывкар, 1991. С. 42; Архангельская область в цифрах. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1967. С. 86; Вологодская область в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1987. С. 163; Вологодская область в цифрах (1980–1990 гг.). Статистический сборник. Вологда, 1991. С. 34; Карельская АССР в цифрах в 1976 году. Краткий статистический сборник. Петрозаводск, 1977. С. 72; Карельская АССР в цифрах в 1979 году. Краткий статистический сборник. Петрозаводск, 1980. С. 81; Карельская АССР за 50 лет. Статистический сборник. Петрозаводск: Карельское отделение издательства «Статистика», 1967. С. 98; Карельская АССР. 1987. Краткий статистический сборник. Петрозаводск: «Карелия», 1988. С. 68; Коми АССР 60 лет. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. С. 73; Коми АССР в девятой пятилетке. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. С. 106–107; Коми АССР в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. С. 106; Коми АССР за 50 лет. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. С. 114; Народное хозяйство Архангельской области в двенадцатой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск, 1991. С. 39; Народное хозяйство Архангельской области в десятой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1981. С. 148; Народное хозяйство Архангельской области в цифрах. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1976. С. 149; Народное хозяйство Архангельской области. Статистический сборник. Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1957. С. 110; Народное хозяйство Архангельской области. Статистический сборник. Вологда: Госстатиздат, 1962. С. 135; Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке. Статистический сборник. Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, 1971. С. 137; Народное хозяйство Вологодской области в девятой пятилетке. Статистический сборник. Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, 1976. С. 156–157; Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти. Статистический сборник. Вологда, 1967. С. 117; Народное хозяйство Вологодской области. Статистический сборник. Вологда: Государственное статистическое изд-во, 1960. С. 94; Народное хозяй-

ство Карельской АССР. Статистический сборник к 50-летию образования СССР. Петрозаводск: Карельское отделение в/о «Союзучиздат», 1972. С. 96; Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск, 1957. С. 81; Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск: «Карелия», 1985. С. 56; Народное хозяйство Коми АССР. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. С. 119; Народное хозяйство Мурманской области за 60 лет со дня образования СССР. Статистический сборник. Мурманск, 1982. С. 111–112; Народное хозяйство Мурманской области. Статистический сборник. Мурманск, 1957. С. 64, 67; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. Статистический ежегодник. М.: Государственное статистическое изд-во, 1959. С. 381; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1959. С. 435; Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1962. С. 453; Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. Статистический ежегодник. М., 1965. С. 415; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М., 1965. С. 375; Народное хозяйство РСФСР в 1967 году. Статистический ежегодник. М.: «Статистика», 1968. С. 395; Народное хозяйство РСФСР в 1973 году. Статистический ежегодник. М.: «Статистика», 1974. С. 373; Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. М.: Государственное статистическое изд-во, 1957. С. 275.

По данным Вологодской области в 1966 г. среди служащих и руководителей в народном хозяйстве было зафиксировано 32,7 тыс. женщин, имевших среднее специальное образование (71,3% от общей численности специалистов со средним специальным образованием) [4]. В 1985 г. в народном хозяйстве области отмечено уже 74,5 тыс. женщин со средним специальным образованием, что составляло 69,5 % от общего количества специалистов среднего звена [5]. В народном хозяйстве Карельской АССР в 1959 г. было отмечено 15,6 тыс. женщин, имевших среднее специальное образование (74 % от массы всех специалистов среднего звена) [6], а в 1983 г. их насчитывалось уже 44,1 тыс., или 65,6 % от всех специалистов со средним специальным образованием [7]. В Коми АССР по данным 1965 г. зафиксировано 22,8 тыс. женщин со средним специальным образованием (64,4 % от общей численности специалистов), в 1980 г. – 64,3 тыс. или 66,8 % от всей массы специалистов среднего звена [8; 9].

Имеющиеся данные позволили выделить приоритеты специалистов среднего звена женского пола в тех или иных отраслях. Например, в Архангельской области в 1966 г. женщины-специалисты составляли 35,12 % среди техников, 68 % среди агрономов, зоотехников, ветеринарных работников, 97 % среди медицинских работников и 95,45 % среди педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников [10].

По данным Вологодской области, в 1970 г. доля женщин от всей массы специалистов составляла 36 % среди дипломированных техников, 73 % – среди агрономов, зоотехников и ветеринарных работников, 97% – среди медицинских работников и 96% – среди педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников [11]. Данные за 1985 год показывают, что в области было зафиксировано 41,7 % женщин от общего числа техников, 78,3 % от агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов, 97,1 % от медицинских работников и 94,7 % от педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников [12].

В Карельской АССР, по данным 1970 года, среди техников доля женщин – специалистов составляла 37%; среди агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов – 80%; среди плановиков и статистиков – 91%; среди медицинских работников – 96%; среди педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников – 96% [13]. В 1983 году по республике было отмечено, что женщин среди техников насчитывалось более 38%, среди агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и лесоводов – 80,77%, среди медицинских работников – 97,96%, и среди педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников – 96,81% [14].

По данным 1965 г., в Коми АССР было зафиксировано 28,6 % женщин-специалистов среди дипломированных техников, в 1970 г. – 32,1 %, в 1975 г. – 33,75 %, в 1980 г. – 35,28 %; среди агрономов, зоотехников, ветфельдшеров, веттехников и лесоводов в 1965 г. – 64,3 %, в 1970 г. – 72,1 %, в 1975 г. – 75 %, в 1980 г. – 70,27%; среди плановиков и статистиков в 1965 г. – 77 %, в 1970 г. – 86,1 %, в 1975 г. – 89,66 %; среди товароведов в 1965 г. – 91,5 %, в 1970 г. – 91,1 %, в 1975 г. – 94,74 %; среди медицинских работников в 1965 г. – 94,4 %, в 1970 г. – 96,7 %, в 1975 г. – 97,08 %, в 1980 г. – 96,79 %; среди педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников в 1965 г. – 92,6 %, в 1970 г. – 93,6 %, в 1975 г. – 95,69 %, в 1980 г. – 95,62 % [15–17].

Следует отметить, что по абсолютным показателям выявляется тенденция к стремительному росту числа женщин, получивших квалификацию техника. Например, по данным 1965 г. в Коми АССР зафиксировано 3,9 тыс. женщин-техников, в 1970 г. – 6,5 тыс., в 1975 г. – 10,7 тыс. и в 1980 г. – 15,1 тыс. чел. Если сравнить показатели по более «женским» специальностям, например, таким, как медицинские работники и педагоги, библиотечные и культурно-просветительные работники с динамикой численности женщин-техников, то видно, что если в 1965 г. число женщин-техников было почти в 2 раза меньше числа женщин – медицинских работников – и составляло 60 % от числа женщин-педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работ-

ников, то через 15 лет, в 1980 г., численность женщин-техников сравнялась с численностью женщин – медицинских работников – и превзошла численность женщин-педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников [18].

Схожая картина наблюдается в Вологодской области и Карельской АССР. Если, по данным 1966 г., в Вологодской области было отмечено 5308 женщин-техников (52 % от численности педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников и 56 % от численности медицинских работников) [19], то в 1975 г. их насчитывалось уже 12214 чел. Причем число женщин-техников почти сравнялось с количеством медицинских работников (12743 чел.) и превзошло численность педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников (10665 чел.) [20]. По данным 1985 г., численность женщин-техников Вологодской области достигла 20146 чел. Этот показатель превзошел и численность медицинских работников (15108 чел.) и педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников (12149 чел.) [21]. В Карельской АССР, по данным 1965 г., отмечено 3,7 тыс. женщин-техников, тогда как женщин – медицинских работников – насчитывалось 4,7 тыс. чел., женщин-педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников – 5,8 тыс. чел. В 1975 г. женщин-техников в республике зафиксировано уже 8,3 тыс. чел. (для сравнения, в этом году в республике было отмечено 7,7 тыс. медицинских работников и 8,1 тыс. педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников). По данным 1983 г., женщин-техников в Карельской АССР стало уже 12,9 тыс. чел., в то время как количество медицинских работников составляло 9,6 тыс. чел., педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников – 9,1 тыс. [22].

Объяснить данный процесс, на наш взгляд, можно не только стремлением женщин овладеть более «мужской» профессией техника, но и тем, что к 1980 г. количество учебных мест в средних специальных учебных заведениях, готовившей специалистов более «женских» профессий, было значительно меньше числа абитуриентов. Это вынудило женщин выбирать другие средние специальные учебные заведения для получения образования.

Источники и литература

1. Бархатова С.В. Подготовка и состав специалистов высшей и средней квалификации в Карелии в послевоенные годы (1945–1960). Петрозаводск: КФАН СССР, 1988. С. 30–31. (Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 29 дек. 1988. / Карельский филиал АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории).
2. Народное хозяйство Архангельской области. Статистический сборник. Вологда: Госстатиздат, 1962. С. 117.
3. Народное хозяйство Архангельской области в десятой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1981. С. 148.
4. Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти. Статистический сборник. Вологда, 1967. С. 118.
5. Вологодская область в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1987. С. 165.
6. 40 лет Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск: Госстатиздат, 1960. С. 66.
7. Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск: «Карелия», 1985. С. 57.
8. Коми АССР за 50 лет. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. С. 115.
9. Коми АССР 60 лет. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. С. 74.
10. Архангельская область в цифрах. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1967. С. 86, 88.
11. Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке. Статистический сборник. Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, 1971. С. 139.
12. Вологодская область в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1987. С. 165.
13. Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник к пятидесятилетию образования СССР. Петрозаводск: Карельское отделение в/о «Союзучетиздат», 1972. С. 97.
14. Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск: «Карелия», 1985. С. 56, 57.
15. Коми АССР за 50 лет. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. С. 115.
16. Коми АССР в девятой пятилетке. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. С. 108.
17. Коми АССР 60 лет. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. С. 74.
18. Коми АССР 60 лет. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. С. 74.
19. Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти. Статистический сборник. Вологда, 1967. С. 118.
20. Народное хозяйство Вологодской области в девятой пятилетке. Статистический сборник. Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, 1976. С. 158.
21. Вологодская область в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1987. С. 165.
22. Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск: «Карелия», 1985. С. 57.

Н.И. Карбаинов*

**Карымы и ясачные в Иркутской губернии и Забайкальской области
в конце XIX века: численность этноконфессиональных групп
и их сословная структура****

В данной статье предложена методика оценки подсчёта численности и сословной принадлежности этноконфессиональных групп ясачных и карымов в Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX в. В случае подсчёта по сословному критерию карымы и ясачные отождествляются с оседлыми инородцами, при этом не учитываются представители других сословий, состояний и разрядов. Подсчёт по языковому критерию учитывает только носителей русского языка, но тогда выпадают из подсчёта двуязычные представители этих групп, которые по переписи указали бурятский язык в качестве родного языка. Наша методика помогает преодолеть слабые места подсчёта как по сословному, так и языковому критериям.

Ключевые слова: карымы, ясачные, Байкальская Сибирь, метисные сообщества

N.I. Karbainov

**Karymy and Yasachnyie in The Irkutsk Guberniya and Transbaikals Oblast' at
The End of the 19th century: The Number of ethno-confessional groups
and their estate structure**

The paper proposes a tool for assessing the number and estate structure of ethno-confessional groups of Karymy and Yasachnyie in The Irkutsk Guberniya and Transbaikals Oblast' at The End of the 19th century. In the case of calculation according to the estate criterion, karymy and yasachnyie are identified with «osedlyie inorodcy» while representatives of other estates and categories are not considered. The calculation according to the language criterion considers only native speakers of the Russian but then bilingual representatives of these groups who according to census indicated the Buryat language as their native language fall out the calculation. Our technique helps over weaknesses in the calculation of both estate and language criteria.

Key words: karymy, yasachnyie, Baikal Siberia, mixed communities

В процессе русской колонизации в XVIII–XIX вв. в Байкальской Сибири сформировались особые этноконфессиональные группы, известные в Прибайкалье под названием *ясачные*, а в Забайкалье – *карымы*. Эти группы населения сложились в результате смешанных русско-бурятских браков. Карымы и ясачные исповедовали православие, проживали оседло в особых оседло-инородческих или русских крестьянских селениях, занимались пашенным земледелием. Хотя в сфере духовной и материальной культуры они были ближе к русскому населению региона, они сохраняли многие элементы бурятской культуры. Карымы и ясачные как правило были двуязычными: использовали как русский, так и бурятский языки. Представители этих сообществ обычно идентифицировали себя как русских. Помимо этого этнонима они использовали и принимали этноним «карымы»: «Единственное название, терпимое христианами-инородцами, есть *карым*. Носить русскому, т.е. крещеному, инородческую одежду, употреблять их пищу и жить в юрте, по мнению самих язычников, значит поганиться» [1. С. 55–56].

Основоположителем изучения метисных сообществ Байкальской Сибири по праву можно считать А.П. Щапова [2; 3]. В XX – в начале XXI в. эти группы исследовались с точки зрения этнографии и истории [4–7], физической антропологии [8]. Как правило, историки и этнографы изучали эти сообщества в контексте

* Карбаинов Николай Иванович (Санкт-Петербург) – научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская 25/14; e-mail: nkarbainov@gmail.com.

** Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта «Метисные сообщества как культурные посредники в межэтнических отношениях (на примере карымов и метисов Бурятии)», 17-33-01151.

этнокультурных контактов русского и бурятского народов. В то же время до сих пор остается открытым вопрос о численности данных групп и сословной принадлежности их представителей.

Цель данной статьи – подсчитать численность этнокофессиональных групп карымов и ясачных и выявить их сословную структуру в конце XIX в. Как мы уже отмечали, важными отличиями карымов и ясачных от остальной массы бурятского населения были религия, хозяйственные практики, язык и самоидентификация. При этом религия не всегда становилась этнодифференцирующим маркером, отделяющим карымов от бурят. По материалам Всероссийской переписи населения 1897 г. в Иркутской губернии насчитывалось 45364 православных, выбравших бурятский язык в качестве родного языка, в Забайкальской области – 11477 чел. [9;10]. Также в Забайкальской области 375 человек, указавших бурятский язык в качестве родного языка, исповедовали старообрядчество [10]. Если к этим цифрам прибавить данные С. Патканова о количестве обрусевших бурят [11. С. 155–156], то в Иркутской губернии в 1897 г. проживало 59222, а в Забайкальской области – 21048 крещеных бурят. Многие авторы указывают на то, что далеко не все крещеные буряты становились карымами или ясачными. Принятие христианства часто носило поверхностный характер, крещеные буряты продолжали исповедовать шаманизм и (или) буддизм [5–7]. Также, как и хозяйственные практики не всегда были различны, особенно в Иркутской губернии, где было достаточно развито земледелие среди бурятского населения, как исповедующего православие, так и среди шаманистов [12].

Поэтому исследователи попытались вычленить эту группу по сословному и (или) языковому критериям. По сословному критерию ясачные и карымы стали отождествляться с группой оседлых инородцев. Исходя из этого критерия, Д. Подгорбунский оценивал численность ясачных в Иркутской губернии в размере 11984 чел., что составляло 11 % бурятского населения губернии [13. С. 4]. В Забайкальской области, по мнению Д. Подгорбунского, проживало около 5000 ясачных, что составляло около 3 % бурятского населения области [13. С. 4–5]. Данные цифры по Иркутской губернии Д. Подгорбунский взял из материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской губернии 1887–1888 гг., где приводились данные о численности сословных групп в четырех округах губернии [14]. Д. Подгорбунский не ссылается на источник, из которого он взял данные по Забайкальской области, но скорее всего он воспользовался материалами комиссии Куломзина 1897 г., согласно которым в области насчитывалось 5273 оседлых инородца [15. С. 44–45]. Из современных авторов данной позиции придерживается, например, С.Г. Жамбалова. Она выделяет среди крещеных бурят три группы: 1) кочевые инородцы, для которых принятие христианства не меняло традиционного образа жизни бурятского народа; 2) оседлые инородцы, проживавшие компактно в отдельных поселениях и формирующие особую этнографическую группу ясачных или карымов; 3) буряты, уходившие в русские села и города, в которых они переходили в сословия крестьян и мещан и в результате этого подвергались полной этнической ассимиляции [7. С. 77].

Действительно, значительное число карымов и ясачных было приписано к разряду оседлых инородцев. Но у этой точки зрения есть два слабых места. Во-первых, не все оседлые инородцы были представителями данных этноконфессиональных групп. Так, например, по данным Комиссии Куломзина, 125 оседлых инородцев исповедовали буддизм [15. С. 44–45], что является косвенным признаком, того, что эти люди не проживали в русских или карымских поселениях и соответственно не относились к карымам. Во-вторых, значительное число ясачных и карымов были формально приписаны к разряду кочевых инородцев. При этом де-факто они вели оседлый образ жизни, проживая в крестьянских или оседло-инородческих поселениях. Так, например, С. Патканов отмечает, что обрусевшие буряты Селенгинского округа Забайкальской губернии в 1897 г. почти наполовину принадлежали к оседлым инородцам, а вторая половина – к кочевым инородцам [16. С. 708]. Данная ситуация сложилась из-за того, что обычно массовый переход из разряда кочевых в разряд оседлых инородцев происходил после ревизий. При этом последняя десятая ревизия проводилась в 1857–1859 гг. В результате 40 лет без ревизий привело к появлению «особого вида инородцев – фактических оседлых – юридически кочевых» [15. С. 94].

Важно отметить, что представители этих групп могли переходить из инородческого состояния в другие сословия: крестьяне, мещане и духовенство. Так, например, по материалам Всеобщей переписи 1897 г. среди выбравших бурятский язык в качестве родного языка представителями крестьянского сословия были в Иркутской губернии 173 чел., а в Забайкальской области – 417 чел. [9; 10]. Особенно переход в сословие крестьян был актуален для карымов и ясачных, которые проживали в русских крестьянских селениях. Поэтому они, чтобы избежать двойного налогообложения, стремились перейти из инородцев в крестьяне. При этом они продолжали учитываться государством как выходцы из кочевых или оседлых инородцев и за ними сохранялось право не служить в армии.

Другим критерием, по которому попытались вычленить численность карымов и ясачных стал русский язык в качестве родного языка [17; 18]. Так, например, И.И. Серебренников, опираясь на данные С. Патканова о количестве «обрусевших бурят» по результатам всеобщей переписи населения 1897 г. фактически отождеств-

ляет эту группу с карымами (ясачными) [17]. По данным переписи населения, обработанным С. Паткановым, в 1897 г. в Иркутской губернии проживало 13858 «обруселых бурят» или 12,5 % бурятского населения [11. С. 155]. В Забайкальской области в 1897 г. проживало 9820 «обруселых бурят» или 5,2 % бурятского населения [11. С. 155–156]. С одной стороны, языковой критерий работает лучше сословного критерия при определении численности карымов и ясачных, но и у него есть слабое место. Многие авторы указывают на тот факт, что население карымских (ясачных) сел нередко было двуязычным, в равной мере владело как русским, так и бурятским языками [19–21]. Поэтому жители карымских поселений могли в ходе Всеобщей переписи населения 1897 г. указать в качестве родного языка не только русский, но и бурятский язык.

Наиболее точным критерием определения численности этих этноконфессиональных групп могла бы стать самоидентификация их представителей, но, к сожалению, подобные данные отсутствуют. Поэтому необходимо искать другие методики подсчёта их численности. По нашему мнению, к карымам и ясачным можно отнести православных русскоговорящих оседлых и кочевых инородцев и выходцев из этих сословных групп. Также к этим группам мы относим православных оседлых и кочевых инородцев и выходцев из сословий, которые выбрали в качестве родного бурятский язык, но при условии их проживания в карымских оседло-инородческих или русских крестьянских поселениях. При этом мы не относим к карымам и ясачным обрусевших бурят-казаков, так как последние, скорее всего, идентифицировали себя с казачеством, а не с карымами.

Далее мы попытаемся предложить свою методику и результаты вычисления численности и сословной принадлежности карымов и ясачных Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX в. Ключевым источником для подсчёта численности этих групп стала для нас работа С. Патканова, в которой он приводит и анализирует статистические данные о племенном составе населения Сибири по материалам переписи 1897 г. [16]. Ценность его книги заключается в том, что в ней приводится список поселений, в которых проживали «инородцы»*. Там же мы можем найти данные о численности инородцев в каждом поселении и данные об их родном языке.

В первую очередь, мы попытались составить полный список карымских и ясачных поселений. Сначала мы отобрали все населённые пункты с христианским населением (деревни и села) и временно отбросили поселения, в которых проживали буддисты и шаманисты (улусы). Далее мы с привлечением других источников провели работу по уточнению этого списка**. В качестве подобных источников использовались материалы комиссии Куломзина 1897 г., в которых приводится история некоторых поселений Забайкальской области [15], литература по истории и этнографии Байкальского региона [2–6; 22–25]. Важным источником также выступили отчёты православных миссионеров [1].

После уточнения списка мы приступили к подсчёту численности представителей этих групп в каждом из поселений. В ходе подсчёта мы учитывали не только, кто выбрал в качестве родного русский язык, но и тех, кто выбрал бурятский язык. В том случае если большинство жителей того или иного поселения выбирали русский язык, а небольшое число жителей бурятский язык, то тогда мы подсчитывали последних как карымов и ясачных. Здесь мы исходили из того, что карымы в 1-2 поколении могли выбрать бурятский язык. Если, наоборот, в поселении проживало, например, 100–200 человек, выбравших бурятский язык в качестве родного языка, 10–15 человек, выбравших русский язык, то в качестве карымов мы учитывали только последних. Особенно это было характерно для подсчёта данных по Иркутской губернии.

Далее мы обобщили данные о русскоязычных инородцах, проживающих в бурятских улусах, которых мы также подсчитали как карымов и ясачных. В результате наших подсчётов мы получили следующие данные о численности этих групп: в Иркутской губернии проживало 16362 ясачных, в Забайкальской области – 10491 карымов. Подробные данные по округам Иркутской губернии и Забайкальской области представлены в табл. 1.

Таблица 1

Численность ясачных и карымов в Иркутской губернии и Забайкальской области в 1897 г.

Округа	Общая числ. ясачных и карымов	Числ. ясачных и карымов, проживающих в бурятских улусах и за пределами ясачных и карымских поселений
Иркутская губерния	16362	1095
Иркутский округ	5062	277
Балаганский округ	8070	545

* С. Патканов рассматривал инородцев не в юридическом смысле как сословную группу, а как представителей коренного населения Сибири.

** К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет привести полный список карымских и ясачных поселений.

Округа	Общая числ. ясачных и карымов	Числ. ясачных и карымов, проживающих в бурятских улусах и за пределами ясачных и карымских поселений
Верхотенский округ	2022	273
Киренский округ	235	–
Нижнеудинский округ	973	19
Забайкальская область	10491	254
Верхнеудинский округ	5946	132
Селенгинский округ	4218	122
Читинский округ	327	–
ВСЕГО	26853	1349

Следующий наш шаг состоял в том, чтобы вычислить распределение представителей этих этноконфессиональных групп по сословиям (табл. 2). Изначально мы имели данные о численности оседлых инородцев. Как мы уже отмечали, по материалам Комиссии Куломзина в Забайкальской области проживало 5273 оседлых инородцев, из них православных было 5148, а буддистов – 125 чел. Поэтому к карымам мы отнесли 5148 православных оседлых инородцев. В Иркутской губернии из 11984 [14] или по другим данным из 9079 оседлых инородцев 2701 чел. проживали в бурятских улусах [26] и выбрали в ходе переписи бурятский язык, что свидетельствует о том, что они исповедовали шаманизм и (или) буддизм и не являлись ясачными. Соответственно к ясачным, если исходить из материалов Комиссии Куломзина, можно отнести 9283 оседлых инородцев, а если опираться на данные 1893 г. [26] – 6378 оседлых инородцев.

К крестьянам были отнесены не только те представители этого сословия, выбравшие бурятский язык в качестве родного, но все те, кто проживали в крестьянских поселениях и выбрали по Всеобщей переписи 1897 г. русский язык. Важно то, что по официальной статистике они учитывались как «крестьяне из кочевых или оседлых инородцев». Аналогично мы подсчитали представителей прочих сословий (мещане, духовенство, почетные граждане и др.). После того как мы узнали о численности основных сословных групп мы подсчитали количество кочевых инородцев. Получились следующие данные (табл. 2).

Таблица 2

**Сословная структура карымского и ясачного населения
в Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX в.***

Сословия	Иркутская губерния		Забайкальская область		Всего:	
Оседлые инородцы	9283 (6378)	56,7 % (39 %)	5148	49 %	14431 (11526)	53,7 % (42,9 %)
Кочевые инородцы	5057 (7962)	31 % (48,7 %)	1811	17,3 %	6868 (6167)	25,6 % (23 %)
Крестьяне из оседлых инородцев	1787	10,9 %	3223	30,7 %	5010	18,7 %
Представители прочих сословий и состояний	235	1,4 %	309	3 %	544	2 %

Таким образом, с помощью нашей методики мы преодолели слабые места подсчёта численности карымов и ясачных как по сословному, так и языковому критериям. Разумеется, результаты нашего подсчёта не являются окончательными и требуются дальнейшие исследования для их подтверждения.

Источники и литература

1. Вениамин, епископ (Благонаравов В.А.). Забайкальская духовная миссия в 1867 году. М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1868.
2. Щапов А. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия Сибирского отдела ИРГО. 1872. Т. III, № 3, 4, 5.
3. Щапов А.П. Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудино-Ленском крае // Известия Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1875. Т. VI, № 3.
4. Болонев Ф.Ф. Ясачные в русских селах Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2002. Т. VIII. С. 537–542.
5. Михайлов Т.М. Религии в этнической истории бурят (XVII – начало XX в.) // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ: Институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР, 1984.
6. Бурева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII–XIX вв. / Под ред. Т.М. Михайлова. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2000.
7. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука, 2000.

* В скобках приводятся цифры исходя из данных 1893 г. [26].

8. Петров Г.И., Редькина А.Н., Серпунин С.Т. Материалы Бурят-Монгольской антропологической экспедиции 1931 года. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1933. Ч. I: Обзор работ экспедиции.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV. Иркутская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Типография Э.Л. Пороховщиковой, 1904.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXIV. Забайкальская область / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Типография Т-ва «Народная польза», 1904.
11. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.). СПб., 1912. Т. I. Сводные таблицы и краткие выводы.
12. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1963.
13. Подгорбунский И.А. Буряты (физический тип и духовная личность бурят). Иркутск: Типография А.А. Сизых, 1903.
14. Материалы по исследованию землепользования их хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1892. Т. 2, вып. 6.
15. Высочайше утвержденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898. Вып. 6.
16. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.). СПб., 1912. Т. III. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин.
17. Серебрянников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование / Под ред. Н.Н. Козьмина. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское издательство, 1925. Т. I.
18. Бурят-Монгольская автономная область (экономическое и статистическое исследование). Отчёт Совету Труда и Оборона на 1-е октября 1922 г. Иркутск: Первая государственная типография, 1922.
19. Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического об-ва. Иркутск, 1867. Кн. IX, X. С. 1–95.
20. Рыбаков С.Г. К характеристике семейного быта у крещенных инородцев Цонгольской инородной управы (Усть-Киран) // Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. 1902. Т. V, вып. II. С. 46–48.
21. Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск: Издательство Государственного Иркутского Университета, 1921. Вып. 1.
22. Ровинский П.А. Очерки Восточной Сибири // Древняя и Новая Россия. 1875. № 3, 7, 11.
23. Ровинский П.А. О поездке на Тунку и на Оку до Окинского караула // Известия Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1871. Т. I. № 4–5. С. 31–53.
24. Кудрявцев Ф.А. Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII–XX вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 85–94.
25. Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических понятий. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1969.
26. Статистика Российской империи. Волости и населенные места 1893 года. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1894. Вып. 4: Иркутская губерния.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 314.152.2:314.3(470.13)

DOI: 10.19110/ 2304-5922-2019-1-32-38

Л.А. Попова*

Демографический эффект и последствия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22.01.1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» в Республике Коми**

Выявлено, что в Республике Коми за 1981–1988 гг. произошло 18,5 тыс. дополнительных рождений. Однако большая их часть была обусловлена изменением календаря рождений. Эффект истощенной плодovitости реальных когорт до конца 1996 г. способствовал снижению рождаемости.

Ключевые слова: демографическая политика, интенсивность рождаемости, календарь рождений, возрастная структура, Республика Коми

L.A. Popova

Demographic effect and consequences of the Resolution of 1981 No. 235 «About measures for strengthening of the state help to the families having children» in the Komi Republic

The author has revealed that 18,5 thousand additional births occurred in the Komi Republic in 1981–1988. However, their most part has been caused by change of the calendar of births. The effect of the exhausted fertility of real cohorts promoted decrease in birth rate until the end of 1996.

Key words: demographic policy, intensity of birth rate, calendar of births, age structure, Komi Republic

В 2017 г. исполнилось 10 лет материнскому капиталу, который ознаменовал собой начало реализации современной российской просемейной демографической политики. В этой связи логично вспомнить советский опыт проведения демографической политики в области рождаемости, оценить ее эффективность и последствия. Тем более что совсем недавно Постановлением Правительства Российской Федерации № 243 от 2 марта 2017 г. [1] основной нормативно-правовой акт демографической политики советского периода Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [2], наряду с другими устаревшими нормативно-правовыми актами РСФСР и СССР, был признан утратившим силу.

С начала 1950-х гг., после непродолжительного послевоенного компенсационного подъема рождаемости, в результате которого в целом по России довоенный уровень достигнут не был, но в регионах с масштабным миграционным притоком населения, к которым относилась и Республика Коми, он был даже превышен, рождаемость перешла в длительную фазу снижения. В России произошло уменьшение общего коэффициента рождаемости с максимального послевоенного уровня 27,2 рождений на 1000 человек населения в 1951 г. до минимума 14,1‰ в 1968 г. [3, с. 55]. В Коми за 20 лет общий коэффициент сократился втрое: с 50,8 ‰ в 1949 г. до 16,9‰ – в 1968–1969 гг. (табл. 1).

* **Попова Лариса Алексеевна** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; e-mail: popova@iespn.komisc.ru

** Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (2019–2021 гг.).

Таблица 1

**Динамика общего коэффициента рождаемости населения Республики Коми,
рождений на 1000 человек населения**

Год	Все население	Городское население	Сельское население	Год	Все население	Городское население	Сельское население
1940	45,0	48,6	44,6	1973	17,7	18,2	16,7
...				1974	18,0	18,0	17,9
1945	22,3	36,8	16,3	1975	18,1	18,2	17,8
...				1976	18,1	18,2	17,9
1948	37,1	47,0	30,4	1977	18,0	18,0	18,1
1949	50,8	57,9	45,5	1978	18,1	18,1	18,2
1950	45,7	54,1	39,5	1979	17,8	17,5	18,6
1951	47,4	49,3	45,5	1980	18,2	18,1	18,4
1952	44,9	43,7	46,3	1981	18,5	18,4	18,7
1953	39,3	36,8	42,3	1982	20,1	19,9	20,7
1954	40,9	40,1	41,7	1983	20,2	19,6	21,7
1955	36,4	33,7	39,0	1984	20,2	19,5	22,4
1956	33,4	33,9	34,4	1985	19,2	18,6	20,9
1957	33,4	31,5	35,7	1986	19,6	18,9	21,8
1958	30,6	27,9	34,3	1987	18,9	18,1	21,3
1959	32,0	29,6	35,6	1988	16,6	16,2	18,0
1960	30,6	28,1	34,4	1989	14,8	14,5	15,6
1961	29,1	26,6	32,9	1990	13,6	13,4	14,4
1962	26,4	23,5	30,8	1991	12,7	12,2	14,0
1963	24,0	20,9	29,0	1992	11,4	10,8	13,3
1964	22,1	19,9	25,8	1993	10,1	9,7	11,5
1965	20,2	18,5	23,1	1994	10,1	9,6	11,5
1966	18,7	17,4	21,0	1995	9,7	9,5	10,4
1967	17,6	16,7	19,4	1996	9,7	9,7	9,7
1968	16,9	16,1	18,6	1997	9,4	9,3	9,6
1969	16,9	16,7	17,4	1998	9,9	9,9	10,0
1970	17,0	17,3	16,4	1999	9,1	9,0	9,4
1971	17,4	17,9	16,4	2000	10,0	10,0	9,8
1972	17,8	18,4	16,7	2001	10,9	11,1	10,5

Источники: 5, с. 29; 6, с. 29.

С одной стороны, это был результат действия структурного фактора. В начале указанного периода в активном детородном возрасте находились многочисленные поколения предвоенного периода высокой рождаемости. Постепенно их сменяли поколения «детей войны». К концу 1960-х гг. они находились в самых активных репродуктивных возрастах и вносили заметный вклад в формирование уровня рождаемости. С другой стороны, такое значительное снижение менее чем за два десятилетия, продолжавшееся и в условиях достижения возраста фертильности поколениями послевоенного подъема рождаемости, свидетельствует о вхождении в массовую практику внутрисемейного регулирования рождаемости. В Республике Коми во второй половине 1960-х гг. определенный вклад внес и характерный для того периода миграционный отток населения [4].

Вступление в активный детородный возраст многочисленного послевоенного поколения периода компенсационного подъема рождаемости, а в Республике Коми также и новая волна миграционного притока, вызвали с начала 1970-х гг. рост общих показателей рождаемости, очень медленный, но достаточно устойчивый. Однако обусловлен он был лишь улучшением возрастной структуры населения. На уровне суммарного коэффициента снижение рождаемости продолжалось. В РСФСР в 1980–1981 гг. этот показатель составил 1,895 детей на одну женщину в течение всего репродуктивного периода против 2,007 в 1970–1971 гг. [7]. Республика Коми, население которой в конце 1950-х гг. характеризовалось суммарным коэффициентом рождаемости, значительно превышающим трех детей на одну женщину (табл. 2), к концу 1960-х вплотную приблизилась к границе простого воспроизводства (которой соответствует величина суммарного коэффициента 2,15 детей на одну женщину в течение всего репродуктивного периода). Городское население республики в это время уже отличалось суженным режимом воспроизводства. А в 1970-е гг., несмотря на наблюдающийся рост общего

коэффициента рождаемости, Республика Коми пересекла границу простого воспроизводства: за указанное десятилетие суммарный коэффициент рождаемости для всего населения снизился с 2,21 до 1,98 детей.

Все это не могло не вызывать серьезной озабоченности как научного сообщества, так и властей. 22 января 1981 г. было подписано Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». Как было отмечено в Постановлении: «Рассматривая помощь семьям в воспитании детей как важное направление социальной программы развития нашего общества, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР считают целесообразным осуществить дополнительные меры по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей, с тем чтобы обеспечить рациональное сочетание общественного и семейного воспитания детей, облегчить положение работающих матерей, уменьшить различия в уровне жизни семей в зависимости от наличия детей и создать благоприятные условия для жизни и быта молодых семей» [2]. Постановлением было предусмотрено ввести для работающих матерей, имеющих общий трудовой стаж не менее одного года, а также для женщин, обучающихся с отрывом от производства, частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года. Было установлено, что указанный отпуск в районах Дальнего Востока, Сибири и северных районах страны оплачивается в размере 50 рублей в месяц, а в остальных районах – 35 рублей в месяц. Предполагалось осуществить это мероприятие поэтапно по территории страны, начиная с 1981 г. с районов Дальнего Востока, Сибири и северных районов. Одновременно с введением частично оплачиваемого отпуска предусматривалось предоставление работающим женщинам права на получение дополнительного отпуска без сохранения заработной платы по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, а в дальнейшем и двух лет, с сохранением непрерывного трудового стажа работы по специальности [2]. Это были совершенно новые на тот момент мероприятия, поэтому они получили значительный отклик у населения, способствуя не только досрочной реализации рождений, запланированных на более позднее время, т.е. изменению календаря рождений, но и более полной реализации существующих репродуктивных установок населения, а также увеличению их уровня.

Таблица 2

Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения Республики Коми, на одну женщину к концу репродуктивного возраст

Год	Все население	Городское население	Сельское население	Год	Все население	Городское население	Сельское население
1938-1939	5,66	3,98	5,85	1989	1,93	1,83	2,30
1958-1959	3,34	2,81	4,29	1990	1,873	1,755	2,394
1969-1970	2,21	1,99	2,75	1991	1,779	1,634	2,418
1979-1980	1,98	1,83	2,48	1992	1,626	1,462	2,322
1980	2,01	1,88	2,45	1993	1,433	1,293	2,019
1981	2,02	1,89	2,51	1994	1,393	1,247	2,024
1982	2,23	1995	1,317	1,211	1,784
1983	2,24	1996	1,302	1,220	1,651
1984	2,29	1997	1,244	1,159	1,614
1985	2,22	2,07	2,74	1998	1,306	1,219	1,695
1986	2,32	2,16	2,90	1999	1,184	1,096	1,583
1987	2,31	2,14	2,92	2000	1,219	1,153	1,525
1988	2,11	1,99	2,54	2001	1,272	1,198	1,613

... – Данные отсутствуют.

Источники: 5, с. 30; 6, с. 40.

В Республике Коми наблюдалось два пика повышения уровня рождаемости: в 1984 и 1986 гг. Первый был вызван увеличением интенсивности рождаемости в возрастных группах до 39 лет вследствие роста первых, вторых и частично третьих рождений в семье. Второй – повышением рождаемости у женщин 35–39 и 40–44 лет, что свидетельствует о возрастании числа третьих–четвертых рождений. На протяжении 1982–1988 гг. величины суммарных коэффициентов рождаемости в Республике Коми соответствовали режиму расширенного воспроизводства населения. В 1986–1987 гг. слегка расширенный режим воспроизводства оказался характерным даже для городского населения. Однако уже с 1987 г. в республике вновь началось снижение показателей рождаемости, хотя рост первых рождений имел место практически до 1990 г.

Снижение рождаемости в эти годы во многом определялось очередным ухудшением возрастной структуры населения: к концу 1980-х гг. активных репродуктивных возрастов достигли малочисленные поколения,

родившиеся во второй половине 1960-х. С другой стороны, оно детерминировалось сокращением интенсивности рождаемости: стимулирующее действие мероприятий Постановления 1981 г., которое вызвало заметный рост показателей в первой половине – середине десятилетия, практически завершилось. В значительной мере этот рост был обусловлен изменением календаря, или таймингом, рождений, которое не способствует увеличению детности семей, а лишь вызывает досрочную реализацию репродуктивных планов населения. Рождения, намеченные на более поздние сроки, состоялись в первой половине – середине 1980-х гг. В результате репродуктивные планы когорт, которые еще и в начале 1990-х гг. не вышли за пределы активного фертильного возраста, оказались практически выполненными еще в середине 1980-х. После этого, вследствие эффекта истощенной плодовитости когорт, в процессах рождаемости начались обратные тайминговые подвиги, т.е. снижение чисел родившихся, зеркальное предшествующему повышению [8, 9, 10, 11].

Стандартизация коэффициентов рождаемости по возрастным коэффициентам рождаемости 1980 г. (табл. 3) позволила рассчитать демографический эффект Постановления 1981 г. в Республике Коми. Гипотетическим числом родившихся в таблице обозначено число родившихся, рассчитанное при реальной возрастной структуре, но при возрастных коэффициентах, принятых за стандарт. В нашем случае – это коэффициенты 1980 г., предшествовавшего принятию Постановления «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». Разница в каждом году между реальным и гипотетическим числами родившихся показывает, насколько изменилась интенсивность рождаемости по сравнению с уровнем 1980 г.

Данные таблицы показывают, что Постановление 1981 г. оказывало стимулирующее воздействие на уровень рождаемости в Республике Коми до 1988 г. включительно. Максимальные различия между гипотетическими и реальными числами родившихся – в 1984 г. и в 1986–1987 гг. В 1984 г. завершилась первая волна подъема рождаемости, обусловленная рождением первых трех порядков. В 1985–1988 гг. прошла вторая волна повышения рождаемости – с гребнем в 1986 г. – вызванная третьими–четвертыми рождениями у женщин 35–44 лет.

Таблица 3

Стандартизация коэффициентов рождаемости населения Республики Коми по возрастным коэффициентам рождаемости 1980 г.

Год	Гипотетическое число родившихся (ГЧР), чел.	Реальное число родившихся (РЧР), чел.	Разница между РЧР и ГЧР, чел.	Разница между РЧР и ГЧР, %	Суммирование разницы между РЧР и ГЧР, чел.
1980	20685	20685	0	0,0	0
1981	20963	21244	281	1,3	281
1982	21109	23420	2311	9,9	2592
1983	21258	23806	2548	10,7	5140
1984	21159	24217	3058	12,6	8198
1985	20893	23303	2410	10,3	10608
1986	20666	24176	3510	14,5	14118
1987	20305	23616	3311	14,0	17429
1988	19818	20916	1098	5,2	18527
1989	19271	18481	-790	-4,3	17737
1990	18788	16913	-1875	-11,1	15862
1991	18447	15589	-2858	-18,3	13004
1992	18008	13880	-4128	-29,7	8876
1993	17628	12158	-5470	-45,0	3406
1994	17607	11835	-5772	-48,8	-2366
1995	17498	11105	-6393	-57,6	-8759
1996	17497	10900	-6597	-60,5	-15356
1997	17527	10388	-7139	-68,7	-22495
1998	17254	10793	-6461	-59,9	-28956
1999	17199	9680	-7519	-77,7	-36475
2000	17449	9906	-7543	-76,1	-44018
2001	17473	10325	-7148	-69,2	-51166

Согласно нашим расчетам (подробно они приведены в [12, с. 98–106]), суммарный демографический эффект Постановления 1981 г., обусловленный повышением интенсивности рождаемости по сравнению с дореформенным 1980 г., за период до 1988 г. составляет в Республике Коми приблизительно 18,5 тыс. рождений: около 12,3 тыс. в городской местности и 6,2 тыс. – в сельской. По большей части это результат тайминга – перемещения рождений на более ранние сроки и концентрации их в молодых возрастах. Свидетельством этого может послужить, например, то, что в 1982–1984 гг. увеличение чисел родившихся

в возрастных группах до 40 лет, стандартизованных по возрастной структуре населения (стандартизация по возрастной структуре позволяет элиминировать влияние ее изменений), сопровождалось снижением их в группах старше 40 лет. Очевидно, что в период первой волны подъема рождаемости произошло уплотнение графика рождений.

Однако обе волны подъема рождаемости, и особенно вторая, были во многом обусловлены повышением показателей рождаемости у женщин старше 35 лет. В современных условиях репродуктивная активность населения к этому возрасту практически завершается. Увеличение рождаемости в старших возрастах, как правило, свидетельствует о более полной реализации репродуктивных планов населения и даже о повышении установок детности, первоначально сформировавшихся на более низком уровне. Превышение числа рождений в возрастных группах 35–49 лет в 1982–1984 гг. над количеством рождений в этих же группах в 1981 г. при стандартизованной возрастной структуре составило более 2,7 тыс. рождений. Оно полностью произошло за счет группы 35–39 лет. В течение 1986–1987 гг. наблюдалось второе заметное повышение стандартизованных чисел родившихся у женщин старше 35 лет, на этот раз охватившее и возрастную группу 40–44 лет. Превышение числа рождений в сравнении с уровнем 1985 г. составило почти 1,6 тыс. рождений.

Таким образом, на протяжении действия стимулирующего эффекта Постановления 1981 г. в Республике Коми наблюдалось два этапа повышения рождаемости у женщин старше 35 лет, вызвавших в общей сложности 4,3 тыс. дополнительных рождений. По всей видимости, эти 4,3 тыс. рождений можно оценить как прямой результат мероприятий демографической политики: повышение детности семей. Соответственно, демографический эффект Постановления 1981 г., связанный с изменением календаря рождений, составил в республике не 18,5 тыс. рождений, а приблизительно 14,2 тыс. И если увеличение детности семей является необратимым эффектом демографической политики, то повышение рождаемости, связанное с уплотнением графика рождений, имеет своим следствием «зеркальное» снижение примерно на такое же количество рождений.

Устойчивое снижение интенсивности рождаемости началось в Республике Коми с 1987 г. Однако в течение первых двух лет она оставалась еще выше уровня 1980 г., т.е. в эти годы эффект от изменения календаря рождений продолжал накапливаться. С 1989 г. суммарный коэффициент рождаемости опустился ниже уровня 1980 г. – началась нейтрализация таймингового эффекта. Согласно нашим расчетам, примерно к середине 1993 г. полученный ранее тайминговый эффект в 14,2 тыс. рождений в Коми был уже полностью нейтрализован. Однако необходимо учесть, что с 1992 г. заметное влияние на показатели рождаемости начали оказывать социально-экономические реформы, вызвавшие значительное ухудшение условий реализации репродуктивных установок, а также изменение структуры его потребностей и иерархии жизненных ценностей в результате социально-экономической, нравственно-психологической и социокультурной трансформации общества, которые также действовали в направлении снижения показателей рождаемости. К этому моменту результат обратного изменения календаря рождений составил в республике примерно 5,5 тыс. рождений. На нейтрализацию остальных тайминговых 8,7 тыс. потребовалось не полтора года, как можно было бы оценить без учета вмешательства в динамику рождаемости последствий социально-экономических реформ, а несколько более длительное время.

За «дореформенные» 1989–1991 гг. обратные тайминговые подвижки составили примерно по 1841 рождению в год. Если принять в качестве гипотезы условие сохранения такого же темпа и в дальнейшем, то в освобожденном от влияния изменений возрастной структуры снижении чисел родившихся на долю социально-экономических преобразований в 1992 г. остается 2287 рождений, что составляет 55,4 % от совокупного действия обратных тайминговых подвижек и последствий социально-экономических реформ. Аналогично в 1993 г. социально-экономические преобразования определили снижение рождаемости на 3629 рождений (66,3 % от совокупного действия двух факторов), в 1994 г. – на 3931 (68,1 %), в 1995 г. – на 4552 (71,2 %), в 1996 г. – на 4756 рождений (72,1 %). Соответственно, доля обратного изменения календаря рождений составляет в 1992 г. 44,6 % от совокупного действия двух факторов, в 1993 г. – 33,7 %, в 1994 г. – 31,9 %, в 1995 г. – 28,8 %, в 1996 г. – 27,9 %. По этим расчетам к концу 1996 г. обратное изменение календаря рождений в Республике Коми закончилось. Скорее всего, оно закончилось даже раньше, поскольку тайминговый эффект Постановления 1981 г. величиной в 14,2 тыс. рождений был оценен нами с определенным запасом. Вполне возможно, что еще некоторая часть из этих 14,2 тыс. является следствием более полной реализации репродуктивных планов семей, которые в отсутствие стимулирующих мер оказались бы невыполненными, а также повышения под действием мероприятий демографической политики уровня репродуктивных установок у молодых поколений женщин.

Итак, мы оценили вклад обратного изменения календаря рождений в снижение интенсивности рождаемости в 1989–1996 гг. Рассчитаем теперь влияние изменений возрастной структуры женщин детородного возраста на ежегодное уменьшение чисел родившихся на протяжении второй половины 1980-х – в 1990-е гг. Для этого можно воспользоваться данными табл. 3, поскольку не имеет значения, какие повозрастные коэф-

фициенты рождаемости принять за стандарт: вполне подойдут и коэффициенты 1980 г. Разность величин реальных чисел родившихся между смежными годами – это результат всех действующих на уровень рождаемости факторов. Влияние изменений возрастной структуры отражает разница смежных гипотетических чисел родившихся. Их сравнение показывает, что негативное влияние изменений возрастной структуры на показатели рождаемости началось в Республике Коми еще в 1984 г. Заметим, что в отсутствие такого влияния рост рождаемости в 1984–1986 гг. оказался бы в республике более существенным.

Согласно расчетам, в 1987 г. снижение уровня рождаемости почти на две трети – на 64,5% – было обусловлено ухудшением возрастной структуры фертильных контингентов. Остальные 35,5% – результат понижения в указанном году интенсивности рождаемости в возрастных группах от 20 до 39 лет. В последующие годы роль снижения интенсивности рождаемости в общем уменьшении чисел родившихся нарастает. Так, в 1988 г. лишь 18,0 % общего сокращения оказалось определено ухудшением структуры женщин репродуктивного возраста, в 1989 г. – 22,5 %, в 1990 г. – 30,8 %, в 1991 г. – 25,8 %. Более трех четвертей снижения рождаемости за 1988–1991 гг. (соответственно, 82,0 %, 77,5 %, 69,2 % и 74,2 %) были обусловлены уменьшением ее интенсивности в результате досрочного исчерпания итоговой плодовитости когорт под действием Постановления 1981 г. Причем с 1988 г. понижение интенсивности рождаемости было характерно уже для всех групп детородного возраста старше 20 лет.

Если до 1991 г. снижение интенсивности рождаемости было обусловлено трансформацией репродуктивного поведения населения лишь вследствие досрочной реализации населением установок детности под влиянием Постановления 1981 г., то с 1992 г. оно стало определяться и социальными последствиями экономических преобразований, значительно ухудшившими условия реализации репродуктивных установок. Конечно, определенную роль играли и углубление убывания потребности в детях, и нарастание негативных тенденций в процессах брачности, ухудшавших в этот период структуру населения по семейному состоянию, и неблагоприятные изменения в нравственно-психологическом состоянии общества в целом. Однако эти обстоятельства по большей части сами являются последствиями социально-экономического кризиса, поэтому проанализируем влияние на уровень рождаемости лишь трех основных факторов: возрастной структуры женщин фертильного возраста, обратных тайминговых подвижек и последствий реформ.

В результате сравнения разницы смежных гипотетических чисел родившихся за 1991 и 1992 гг. и разности величин реальных чисел родившихся за указанные годы получаем, что в 1992 г. снижение уровня рождаемости на 25,7 % было обусловлено ухудшением структуры женщин детородного возраста. Остальное – результат действия двух других факторов. Аналогично, в 1993 г. ухудшение возрастной структуры обусловило 22,1 % общего снижения рождаемости, в 1994 г. – 6,5 %, в 1995 г. – 14,9 % и в 1996 – 0,5 % снижения рождаемости.

В 1997 г. в целом по населению Республики Коми негативного влияния возрастной структуры женщин на уровень рождаемости практически не наблюдалось. Это произошло вследствие некоторого улучшения структуры репродуктивных контингентов в сельской местности, имевшего место в 1996–1997 гг. Можно даже сказать, что в 1997 г. в целом по населению республики, а в сельской местности и в 1996 г., изменение структуры женщин фертильного возраста действовало (правда, очень незначительно) в направлении повышения рождаемости. Иными словами, снижение уровня рождаемости в этот период было целиком обусловлено уменьшением ее повозрастной интенсивности. В 1996 г. это уменьшение определялось обратными тайминговыми подвижками и влиянием социально-экономических преобразований, а в 1997 г. – целиком последствиями реформ, поскольку, согласно нашим вышеизложенным расчетам, к концу 1996 г. обратное изменение календаря рождений свое влияние на уровень рождаемости уже завершило.

Следует отметить, что такие примеры омоложения возрастной структуры населения в 1990-е гг. – это прежде всего следствие сверхсмертности. В данном случае это результат того, что в Республике Коми самое значительное повышение повозрастных показателей смертности в начальный период реформ оказалось характерным для женщин от 25 до 54 лет. А в сельской местности омоложение структуры женщин фертильного возраста отчасти явилось последствием затруднения в неблагоприятных экономических условиях миграционного оттока сельских девушек в город.

В 1998 и 1999 гг. в республике вновь наблюдалось незначительное ухудшение возрастной структуры женщин фертильного возраста. При этом следует заметить, что повышение уровня рождаемости, наблюдавшееся в республике в 1998 г., оказалось бы более ощутимым – почти на 70 % – в отсутствие негативного влияния возрастной структуры. В 1999 г. постарение структуры фертильных контингентов обусловило 4,9 % снижения рождаемости. С 2000 г. намечилось относительно продолжительное улучшение структуры женщин фертильного возраста как отражение более высоких чисел родившихся в первой половине – середине 1980-х гг., обусловившее начало повышения уровня рождаемости.

Итак, после начала реформ влияние изменений возрастной структуры на снижение уровня рождаемости составило 25,7 % в 1992 г., 22,1 % – в 1993 г., 6,5 % – в 1994 г., 14,9 % – в 1995 г., 0,5 % – в 1996 г. и 4,9 % –

в 1999 г. Соответственно, изменения репродуктивного поведения населения, обусловленные обратными тайминговыми подвижками и социально-экономическими реформами, обусловили оставшиеся 74,3 % снижения в 1992 г., 77,9 % – в 1993 г., 93,5 % – в 1994 г., 85,1 % – в 1995 г., 95,5 % – в 1996 г., 100 % – в 1997 г., 95,1 % – в 1999 г. Напомним, что, согласно нашей гипотезе о сохранении обратных тайминговых подвижек на уровне 1989–1991 гг., в 1992 г. на долю последствий Постановления 1981 г. в снижении уровня рождаемости приходится 44,6 % от совокупного эффекта двух факторов, в 1993 г. – 33,7 %, в 1994 г. – 31,9 %, в 1995 г. – 28,8 %, в 1996 г. – 27,9 %. Проведя простейшие расчеты, получим, что от общего ежегодного снижения уровня рождаемости это составит 33,1 % в 1992 г., 26,3 % в 1993 г., 29,8 % в 1994 г., 24,5 % в 1995 г., 27,8 % в 1996 г. К концу 1996 г. действие обратных тайминговых подвижек исчерпалось.

Таким образом, Постановление 1981 г., а его называют единственным крупномасштабным мероприятием демографической политики советского периода, обусловив в Республике Коми за 1981–1988 гг. 18,5 тыс. дополнительных рождений, сыграло довольно негативную роль впоследствии – в период развернувшегося в стране демографического кризиса, став мощным дополнительным фактором снижения уровня рождаемости. Согласно нашим расчетам, примерно 14,2 тыс. из 18,5 тыс. дополнительных рождений были обусловлены изменением календаря рождений. С 1987 г. началось снижение уровня рождаемости. До 1991 г. оно обуславливалось ухудшением структуры женщин детородного возраста и обратным изменением календаря рождений, в 1992 г. добавился еще один фактор – неблагоприятный социально-экономический контекст. На протяжении 1987–1991 гг. от 35 до 82 % ежегодного снижения рождаемости было детерминировано ее предшествующим повышением под действием Постановления 1981 г., в 1992–1996 гг. – от 25 до 33 % ежегодного снижения. Действие тайминговых последствий Постановления 1981 г. завершилось в республике лишь к концу 1996 г.

Аналогичная ситуация наблюдается сегодня. Согласно нашим расчетам, за 2007–2015 гг. в Республике Коми произошло 21,7 тыс. дополнительных рождений (16,6 тыс. в городской местности, 5,1 тыс. – в сельской) за счет роста интенсивности рождаемости [13]. Часть из них – результат реализации рождений, отложенных в кризисные 1990-е гг., для которой нужны были какие-то стимулирующие меры. Часть – следствие увеличения детности семей в результате повышения репродуктивных установок. Эти две части можно будет оценить как прямой эффект современной российской просемейной демографической политики. Но определенная часть и, думаю, немалая – обусловлена уплотнением календаря рождений. А оно, как показывает опыт Постановления 1981 г., приводит к исчерпанию итоговой плодовитости реальных когорт, которые испытали этот тайминг – с последующим исключением их вклада в уровень рождаемости. Соответственно, в ближайшие годы снижению уровня рождаемости будут способствовать, по крайней мере, два сильнодействующих фактора: ухудшение возрастной структуры репродуктивных контингентов (начавшееся еще в 2010–2011 г. и продляющееся до конца 2020-х гг.) и обратные тайминговые подвижки в результате эффекта исчерпанной плодовитости когорт. В такой ситуации очень важное значение имеют уровень репродуктивных установок молодых поколений и степень их реализации. А, значит, демографическую политику следует не только продолжать, но и наращивать. Сказавши А, надо сказать Б. Иначе история повторится!

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации № 243 от 2 марта 2017 г. «О признании утратившими силу отдельных нормативных правовых актов РСФСР и признании не действительными на территории Российской Федерации отдельных нормативных правовых актов (положений нормативных правовых актов) СССР». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=290212> (дата обращения: 7.06.2018).
2. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=77334> (дата обращения: 7.06.2018).
3. Демографический ежегодник России. Статистический сборник. М., 2000.
4. Миграция населения Коми ССР: Стат. сб. Сыктывкар. 1991.
5. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001.
6. Демографический ежегодник Республики Коми. Сборник. Сыктывкар, 2007.
7. Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 7.06.2018).
8. Демографическое будущее России / Под ред. Л.Л. Рыбаковского, Г.Н. Кареловой. М., 2001.
9. Захаров С.В., Иванова Е.И. Что происходит с рождаемостью в России // Российский демографический журнал, 1996. № 1. С. 5–10.
10. Захарова О.Д. Демографический кризис в России // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 99–109.
11. Захарова О.Д., Акоян А.С., Харченко В.И. Эволюция рождаемости в России во второй половине XX века: история, современность и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2002. № 6. С. 94–106.
12. Попова Л.А. Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса (на примере Республики Коми). Екатеринбург, 2004.
13. Шишкина М.А., Попова Л.А. Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 1 (49). С. 161–177.

А.П. Обедков*

Региональные особенности и тенденции демографического развития северных территорий России в первые десятилетия XXI века

Дается анализ демографических процессов и тенденций в северных регионах России в первые десятилетия XXI века. Осуществлена группировка северных регионов по типам динамики населения с учётом степени влияния показателей естественного и механического движения населения. Рассмотрены меры по стабилизации демографических процессов в северных регионах.

Ключевые слова: численность населения, демографический процесс, демографический кризис, тип воспроизводства населения, тип динамики населения, демографическая политика, северные регионы России

A.P. Obedkov

Regional characteristics and trends of demographic development Northern territories of Russia in the first decades of the XXI century

The analysis of demographic processes and trends in the Northern regions of Russia in the first decades of the XXI century. Grouping of Northern regions by types of population dynamics is carried out taking into account the degree of influence of indicators of natural and mechanical movement of the population. Measures to stabilize demographic processes in the Northern regions are considered.

Key words: number of population, demographical process, demographic crisis, type of population reproduction, type of population dynamics, demographic policy, Northern regions of Russia

Широкомасштабное освоение Российского Севера, начавшееся в первой половине 1960-х гг., положило начало весьма длительному периоду устойчивого демографического роста, который продолжался до начала 1990-х гг. С 1959 по 1989 г. число жителей районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей увеличилось в 2,6 раза, в то время как численность населения РСФСР – всего в 1,3 раза [1]. В рассматриваемый период подавляющее большинство северных регионов, имеющих в своём составе законодательно утверждённые северные территории, демонстрировало устойчивый рост численности населения с постепенным замедлением темпов прироста населения. Исключение составил лишь Коми-Пермяцкий автономный округ, в котором депопуляция населения началась ещё в середине 1960-х гг.

В рубеже 1980–1990-х гг. в большинстве северных регионов активизировался миграционный отток населения, а в с 1993 г. состоялся переход от простого к суженному типу воспроизводства населения, вызвавший в них демографический кризис. Основной причиной усиления негативных демографических процессов и тенденций в северных регионах стали начавшиеся после распада СССР рыночные преобразования, которые сопровождалась спадом промышленного производства и закрытием нерентабельных предприятий, ростом безработицы и снижением уровня жизни населения.

В 1993 г. своего исторического максимума достигли численность населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (12,6 млн. чел.), их удельный вес в населении России (8,5 %) и средняя плотность жителей (106 чел. на 100 км²). С этого времени начался отсчёт современного этапа формирования населения Российского Севера, для которого характерны нарастание депопуляционных процессов и миграционного оттока населения. Кардинальная смена характера и направлений миграционных потоков, наметившаяся на рубеже 1980–1990-х гг., превратила Российский Север из территории миграционного притока в обширную зону миграционного оттока населения. В связи с включением в 1992–1994 гг. в состав районов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий новых территорий их общая площадь увеличилась до 11,9 млн. км². Между тем расширение состава и площади законодательно утверждённых северных территорий лишь замедлило на время

* Обедков Анатолий Павлович (Сыктывкар) – кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических проблем Российского Севера, Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН». 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая д. 26; e-mail: ObedkovAP@gmail.com

начавшийся в большинстве северных регионов демографический спад, который стал ведущим трендом демографического развития Российского Севера в постсоветский период.

За 10 лет после достижения пиковых показателей людности с 1993 по 2003 г. численность населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей сократилась на 14,3 % (с 12,6 до 10,8 млн. чел.). За этот же период население Российской Федерации уменьшилось на 2,4 % (с 148,6 до 145 млн. чел.). Иными словами, в эти годы сокращение населения законодательно утверждённых северных территорий происходило в 6 раз быстрее, чем в стране в целом.

В последующие годы темпы сокращения численности населения как в России в целом, так и в районах Крайнего Севера несколько замедлились. После 2014 г. в стране произошла неожиданная смена динамики населения, вызванная никем не предвиденным включением в её состав территории и населения Республики Крым и города Севастополя. С 2003 по 2014 г. численность населения Российской Федерации уменьшилась на 0,9 %, а районов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий – на 7,1 %. Однако при этом темпы сокращения численности населения законодательно утверждённых северных территорий были выше в 7,9 раза, чем в стране в целом. После воссоединения Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией численность её населения с 2014 по 2018 г. увеличилась на 2,2 %. За этот же период число жителей районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей уменьшилось на 1,2 %.

В первые десятилетия XXI в. в динамике и характере воспроизводства населения в большинстве северных субъектов Российской Федерации продолжали действовать негативные демографические тенденции 1990-х гг. Однако со временем они стали терять прежнюю остроту, что нашло отражение в замедлении темпов естественной и миграционной убыли населения. В период с 2001 по 2018 г. численность населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий сократилась с 10962,1 до 9920,9 тыс. чел. В абсолютном выражении она уменьшилась на 1041,2 тыс. чел., а в относительном – на 9,5 %. Одновременно с сокращением численности населения законодательно утверждённых северных территорий пропорционально понизились с 7,49 % до 6,75 % их удельный вес в населении Российской Федерации и с 92 до 83 чел. на 100 км² – средняя плотность населения (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности и средней плотности населения России
и законодательно утверждённых северных территорий на 1 января 1991–2018 гг.**

Годы	Численность населения на начало года, тыс. чел.		Доля зоны Севера в населении РФ, %	Площадь зоны Севера, млн. км ²	Число жителей на 100 км ²	
	РФ	Зона Севера			РФ	Зона Севера
1	2	3	4	5	6	7
2001	146303,6	10962,1	7,49	11,9	856	92
2002	145649,3	10876,1	7,47	11,9	852	91
2003	144963,7	10802,8	7,45	11,9	848	91
2004	144333,6	10754,3	7,45	11,9	844	90
2005	143801	10709,6	7,45	11,9	841	90
2006	143236,6	10650,3	7,45	11,9	838	89
2007	142862,7	10601,7	7,42	11,9	835	89
2008	142747,5	10579,9	7,41	11,9	835	89
2009	142737,2	10525,5	7,37	11,9	835	88
2010	142833,5	10511,1	7,36	11,9	835	88
2011	142865,4	10151,1	7,11	11,9	835	85
2012	143056,4	10124,5	7,08	11,9	837	85
2013	143347,1	10092,4	7,04	11,9	838	85
2014	143666,9	10039,1	7	11,9	840	84
2015	146267,3	10004,7	6,84	11,9	855	84
2016	146544,7	9971,1	6,8	11,9	857	84
2017	146804,4	9953,7	6,78	11,9	858	84
2018	146880,4	9920,9	6,75	11,9	859	83

Источники: Численность населения Российской Федерации по городам, посёлкам городского типа и районам на 1 января в 2002–2010 гг. М.: Росстат, 2002–2010; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января в 2012–2018 гг. М.: Росстат, 2012–2018; Статистические бюллетени «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2018 гг.». М.: Росстат, 2000–2018.

В 1990-е гг. демографический и трудовой потенциалы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей сокращались главным образом за счёт убыли населения из северных регионов Сибири и Дальнего Востока. Однако с начала XXI в. и поныне основной территорией демографических потерь на Российском Севере является Европейский Север. С 2001 по 2018 г. численность населения Европейского Севера сократилась за счёт естественной и миграционной убыли населения на 704,2 тыс. чел., что составило 67,6 % от общей убыли населения законодательно утверждённых северных территорий Российской Федерации (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика численности постоянного населения субъектов Российской Федерации
в границах законодательно утверждённых северных территорий в 2001–2018 гг.
(на 1 января соответствующего года; тыс. чел.)**

Субъекты Российской Федерации с северными территориями	Оценка численности населения на 1 января						Прирост населения с 2001 по 2018 г.
	2001 г.	2006 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2018 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8
Российский Север	10962,1	10650,3	10511,2	10124,5	10039,1	9920,9	-1041,2
Европейский Север	4104,6	3875,4	3762,3	3562,3	3499,3	3400,4	-704,2
Республика Карелия	728,8	697,5	684,2	639,7	634,4	622,5	-106,3
Республика Коми	1042,9	985	951,2	889,8	872	840,9	-202
Пермский край	40,9	36,9	35,8	31,3	30	28,4	-12,5
Архангельская область	1328,2	1249,4	1212,1	1171,1	1148,8	1111	-217,2
Ненецкий АО	40,9	42	42,3	42,4	43	44	3,1
Мурманская область	922,9	864,6	836,7	788	771,1	753,6	169,3
Западно-Сибирский Север	2167,9	2283,1	2354,3	2350	2385,0	2446,2	273,2
Республика Алтай	28,7	29,9	31,5	29,6	29,9	30,8	2,1
Томская область	238,1	225,1	218,1	203,2	198,8	192,6	-45,5
Тюменская область	19,4	19,2	19,6	19,4	19,4	19,2	-0,2
Ханты-Мансийский АО – Югра	1383,4	1478,2	1538,6	1561,2	1597,2	1660,0	276,6
Ямало-Ненецкий АО	498,3	530,7	546,5	536,6	539,7	538,5	40,2
Восточно-Сибирский Север	1663,5	1599	1559	1477,5	1444,4	1411,7	-251,8
Республика Бурятия	119,4	113,8	110,8	103,9	100,1	94,9	-24,5
Республика Тыва	305,7	308,5	317	308,1	311,7	321,7	16
Забайкальский край	26,6	25,5	25,1	23,1	21,9	21	-5,6
Красноярский край	540,1	513,9	489,1	454,6	448,1	439,3	-100,8
Иркутская область	671,7	637,3	617	587,8	562,6	534,8	-82,9
Дальневосточный Север	3026,1	2892,8	2835,6	2734,7	2710,4	2667,7	-358,4
Республика Саха (Якутия)	957,5	949,9	949,3	955,8	954,8	964,3	6,8
Камчатский край	366,4	349,3	342,3	320,2	319,9	315,6	-50,8
Приморский край	125,9	118,5	115,2	106,5	104,1	99,2	-26,7
Хабаровский край	643,8	612,3	597,5	555,3	539,9	510,3	-133,5
Амурская область	121	114,5	111,1	103,5	99,9	94,7	-26,3
Магаданская область	193,9	171,6	161,2	154,5	150,3	144,1	-49,8
Сахалинская область	560,1	526,2	510,8	495,4	491	490,2	-69,9
Чукотский АО	57,5	50,5	48,6	51	50,5	49,3	-8,2

Источники: Статистические бюллетени «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2018 гг.». М.: Росстат, 2000–2018.

При этом в рассматриваемый период численность населения Европейского Севера уменьшилась на 17,2 %, Восточно-Сибирского Севера – на 15,1 %, а Дальневосточного Севера – на 11,8 %. Единственным макрорегионом Российского Севера с положительной динамикой населения пока остаётся Западно-Сибирский Север, увеличивший в эти годы численность населения на 273,2 тыс. чел., или на 12,8 %.

Анализ тенденций изменения численности населения законодательно утверждённых северных территорий с 2001 по 2018 г. позволил выделить три группы северных регионов, различающиеся темпами и типами динамики населения. Состав первой группы определили 17 северных субъектов Российской Федерации с отрицательным приростом населения. В числе северных регионов, которые за рассматриваемый период понесли наибольшие демографические потери, выделяются Пермский край (-30,6 %), Магаданская область (-25,7 %), Амурская область (-21,7 %), Забайкальский край (-21,1 %), Приморский край (-21,2 %), Хабаровский край (-20,7 %), Иркутская область (-20,4 %), Республика Бурятия (-20,4 %), Республика Коми (-19,4 %), Красноярский край (-18,7 %), Томская область (-19,1 %), Мурманская область (-18,3 %), Архангельская область (-16,4 %), Республика Карелия (-14,6 %), Сахалинская область (-14,3 %), Чукотский АО (-14,3 %), Камчатский край (-13,8 %). Вторую группу образуют два северных региона, в которых численность населения за последние 18 лет практически не изменилась. В их числе – Республика Саха (Якутия) (+0,7 %) и Тюменская область (-0,2 %). В третью группу входят пять северных регионов с положительной динамикой численности населения. Среди них выделяются Ханты-Мансийский АО – Югра (+20,0 %), Ямало-Ненецкий АО (+8,1 %), Ненецкий АО (+7,6 %), республики Алтай (+7,3 %) и Тыва (+5,2 %).

В первой половине 1990-х гг. основной вклад в миграционную убыль населения Российского Севера вносили регионы Азиатского Севера. С середины 1990-х гг. по настоящее время большинство из покидающих законодательно утверждённые северные территории составляют жители регионов Европейского Севера. В период с 2001 по 2016 г. суммарная убыль населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей составила 87633 чел., из них 38,4 % приходилось на Европейский Север, 35 % – на Дальневосточный Север, 25,3% – на Восточно-Сибирский Север и всего 1,3% – на Западно-Сибирский Север. При этом убыль населения наблюдалась в течение всего периода во всех макрорегионах Российского Севера, кроме Западно-Сибирского Севера, где положительный миграционный прирост был зафиксирован в 2001–2003, 2007, 2009, 2011 и 2012 гг., но суммарный миграционный прирост оказался отрицательным и составил 11730 чел. (табл. 3).

Таблица 3

Динамика миграционного прироста населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в макрорегиональном разрезе в 2001–2018 гг., чел.

Годы	Зона Севера России в целом				
		Европейский Север	Западно-Сибирский Север	Восточно-Сибирский Север	Дальневосточный Север
1	2	3	4	5	6
2001	-3315	-16705	13212	-7864	-22058
2002	-35207	-17653	10710	-8453	-19811
2003	-40798	-18500	5196	-8263	-19231
2004	-43951	-15701	-801	-10427	-17022
2005	-49647	-17498	-3119	-12930	-16100
2006	-51604	-17679	-2825	-14807	-16293
2007	-38822	-14122	3073	-14951	-12822
2008	-62771	-23003	-3730	-15791	-20247
2009	-47288	-17584	1093	-14161	-16636
2010	-60741	-24457	-2238	-15083	-18963
2011	-55774	-27340	10364	-15526	-18963
2012	-71164	-30630	792	-19795	-21531
2013	-94332	-31824	-15229	-20616	-26663
2014	-73823	-22924	-11283	-16654	-22962
2015	-69209	-22194	-15720	-12607	-18688
2016	-47785	-19152	-1225	-13347	-14061

Источники: Статистические бюллетени «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2018 гг.». М.: Росстат, 2000–2018.

Несмотря на негативные миграционные тенденции, Российский Север и в первые десятилетия XX века остаётся территорией активной миграционной подвижности населения. В 2001 г. в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности прибыло 238873 чел., выбыло из них – 272288 чел. В 2016 г. по сравнению с 2001 г. число прибывших и выбывших увеличилось пропорционально в 1,8 раза и достигло соответственно 430518 и 478303 чел. При этом рост числа прибывших и выбывших наблюдался в подавляющем большинстве северных регионов России. В рассматриваемый период только в Пермском крае и Магаданской области было отмечено одновременное уменьшение потоков прибывших и выбывших, в Амурской и Иркутской областях – только прибывших, а в Чукотском автономном округе – только выбывших [2].

В связи с политикой укрупнения субъектов РФ, осуществлённой в период с 2003 по 2010 г., число законодательно утверждённых северных регионов сократилось с 28 до 24 и остаётся неизменным до настоящего времени. При этом с 2001 по 2016 г. число северных регионов с убывающим населением сократилось с 23 до 13 (в т.ч. за счёт естественной убыли и миграционного оттока – с 16 до 6, превышения миграционного оттока над естественным приростом – с 5 до 7), а с растущим населением увеличилось с 5 до 11 (в том числе за счёт естественного и миграционного прироста – с 4 до 5, превышения естественного прироста над миграционным оттоком – с 1 до 6) (табл. 4).

Таблица 4

Группировка северных субъектов Российской Федерации по степени влияния показателей естественного и механического движения на изменение численности населения в период с 2001 по 2016 г.

Источники формирования населения	Число северных субъектов Российской Федерации, входящих в группу							
	2001 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2015 г.	2016 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Общее число северных субъектов Российской Федерации								
Всего	28	27	24	24	24	24	24	24
Число северных субъектов Российской Федерации, в которых население сократилось								
Всего, в том числе за счёт	23	21	16	14	15	15	15	13
естественной убыли и миграционного оттока населения	16	15	9	8	7	4	4	6
превышения естественной убыли над миграционным приростом	2	2	3	1	2	–	–	–
превышения миграционного оттока над естественным приростом	5	4	4	5	6	11	11	7
Число северных субъектов Российской Федерации, в которых население увеличилось								
Всего, в том числе за счёт	5	6	8	9	9	9	9	11
естественного и миграционного прироста	4	3	3	5	7	4	4	5
превышения естественного прироста над миграционным оттоком	1	3	4	4	2	5	5	6
превышения миграционного прироста над естественной убылью	–	–	1	–	–	–	–	–

Источники: Численность населения Российской Федерации по городам и посёлкам городского типа на 1 января 2002, 2007, 2012 гг. М.: Росстат, 2002, 2007, 2012; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. М.: Росстат, 2017.

В период с 2001 по 2016 г. в группу северных субъектов Российской Федерации, в которых происходило сокращение численности населения, неизменно входили республики Карелия и Коми, Забайкальский, Камчатский, Пермский, Приморский и Хабаровский края, Архангельская, Иркутская, Магаданская и Мурманская области. По мере улучшения демографической ситуации из группы с убывающим населением в группу с растущим населением перешли республика Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, Красноярский край, Сахалинская и Томская области, а также Ненецкий АО. При этом в рассматриваемый период в число северных субъектов Российской Федерации, где в эти годы сохранялась положительная динамика населения, неизменно входили Республика Алтай, Тюменская область, Ханты-Мансийский – Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Анализ степени влияния источников формирования населения на динамику и характер изменения демографического потенциала северных регионов России за 2016 г. позволил выделить две примерно равные группы северных регионов, в которых наблюдается либо сокращение, либо увеличение численности постоянного населения. В 2016 г. в 13 из 24 северных субъектов Российской Федерации произошло сокращение численности населения, в том числе в шести (Республика Карелия, Приморский край, Амурская, Архангельская, Магаданская и Мурманская области) – за счёт естественной убыли и миграционного оттока населения, в семи (Республика Коми, Забайкальский, Камчатский, Пермский и Хабаровский края, Иркутская область, Чукотский АО) –

за счёт превышения миграционного оттока над естественным приростом населения. В то же время сформировалась группа из 11 северных регионов с растущим населением, из которых пять (Республика Алтай, Красноярский край, Томская и Тюменская области, Ханты-Мансийского АО – Югра, Чукотский АО) за счёт естественного и миграционного прироста и шесть (республики Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, Сахалинская область, Ненецкий и Ямало-Ненецкий АО) – за счёт превышения миграционного прироста над миграционным оттоком (табл. 5).

Таблица 5

Группировка северных субъектов Российской Федерации по степени влияния показателей естественного и механического движения на изменение численности населения в 2001, 2006, 2011 и 2016 гг.

Источники формирования населения	Северные субъекты Российской Федерации, входящие в группу			
	2001 г.	2006 г.	2011 г.	2016 г.
1	2	3	4	5
Северные регионы, в которых произошло сокращение населения				
Всего в том числе за счёт:	23	19	15	13
естественной убыли и миграционного оттока населения	Республика Бурятия, Республика Коми; Красноярский, Приморский и Хабаровский края; Амурская, Архангельская, Иркутская, Камчатская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская, Томская, Читинская области; Коми-Пермяцкий АО и Корякский АО	Республика Коми; Красноярский, Пермский, Приморский и Хабаровский края; Амурская, Архангельская, Иркутская, Камчатская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская и Читинская области	Республика Карелия; Пермский край; Амурская, Архангельская, Магаданская и Мурманская области	Республика Карелия; Приморский край; Амурская, Архангельская, Магаданская и Мурманская области
превышения естественной убыли над миграционным приростом	Республика Карелия; Пермская область	Республика Карелия; Томская область	Приморский и Хабаровский края	–
превышения миграционного оттока над естественным приростом населения	Республика Саха (Якутия), Республика Тыва; Ненецкий АО, Чукотский АО и Эвенкийский АО	Республика Бурятия; Ненецкий АО, Чукотский АО	Республика Бурятия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия); Забайкальский и Камчатский края; Иркутская область; Чукотский АО	Республика Коми; Забайкальский, Камчатский, Пермский и Хабаровский края; Иркутская область; Чукотский АО
Число северных субъектов РФ, в которых население увеличилось				
Всего в том числе за счёт:	5	6	9	11
Источники формирования населения	Северные субъекты Российской Федерации, входящие в группу			
	2001 г.	2006 г.	2011 г.	2016 г.
1	2	4	4	5
естественного и миграционного прироста населения	Тюменская область; Таймырский (Долгано-Ненецкий), Ханты-Мансийский АО – Югра и Ямало-Ненецкий АО	Республика Алтай; Тюменская область; Ямало-Ненецкий АО	Красноярский край; Томская и Тюменская области; Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО – Югра, Чукотский АО и Ямало-Ненецкий АО	Республика Алтай; Красноярский край; Томская и Тюменская области; Ханты-Мансийский АО – Югра

Источники формирования населения	Северные субъекты Российской Федерации, входящие в группу			
	2001 г.	2006 г.	2011 г.	2016 г.
1	2	3	4	5
превышения естественного прироста над миграционным оттоком населения	Республика Алтай	Республика Саха (Якутия), Республика Тыва; Ханты-Мансийский АО – Югра	Республика Алтай, Республика Тыва	Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва; Сахалинская область; Ненецкий АО и Ямало-Ненецкий АО

Источники: Численность населения Российской Федерации по городам и посёлкам городского типа на 1 января 2002, 2007, 2012 гг. М.: Росстат, 2002, 2007, 2012; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. М.: Росстат, 2017.

Среди 11 северных регионов, показавших в 2016 г. положительную динамику численности населения, следует особо выделить Республику Алтай, Красноярский край, Томскую и Тюменскую области, в которых демографический потенциал пополняется как за счёт естественного, так и миграционного прироста населения. В то же время наиболее благополучными в демографическом отношении северными регионами являются республики Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, Сахалинская область, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, в которых увеличение людности происходило главным образом за счёт естественного прироста населения. Попадание в число растущих в демографическом отношении регионов ведущих нефтегазодобывающих регионов, являющихся донорами российского бюджета, и четырёх дотационных автономных республик региона-донора российского бюджета объясняется сложившейся в них благоприятной возрастной и половой структурой населения.

В постсоветский период был принят ряд федеральных нормативно-правовых актов, регулирующих миграционные процессы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Потребность в этих законодательных актах была продиктована необходимостью выполнить обязательства государства перед северянами, которые потеряли работу в связи с закрытием нерентабельных предприятий и обслуживающих их деятельность населённых пунктов, а также возможность пришлого населения возвратиться в места прежнего проживания вследствие кардинального изменения экономической политики государства. Большинство из принятых в последние годы законодательных актов, регулирующих миграционные процессы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, направлено на решение комплексных проблем переселения избыточного нетрудоспособного населения Севера. Это должно было обеспечить переход к новой системе обновления состава северян за счёт замены выезжающих из северных регионов квалифицированными кадрами молодых трудоспособных возрастов [3].

С начала 1990-х гг. и поныне ведущей тенденцией демографического развития Российского Севера стало устойчивое сокращение населения, вызванное как естественной убылью, так и миграционным оттоком населения. Причём острота депопуляционных процессов в северных регионах страны была обусловлена не столько низкой рождаемостью, сколько высокой смертностью и вызванной этим низкой ожидаемой продолжительностью предстоящей жизни, являющейся одним из индикаторов социально-демографического благополучия. В связи с этим меры по снижению уровня смертности северян должны стать одним из основных факторов оптимизации параметров воспроизводства населения. Являясь одной из закономерных стадий развития демографического процесса, демографический кризис служит своеобразным сигналом для корректировки демографической политики, которая предусматривает разработку и реализацию системы взаимосвязанных мер по развитию демографических процессов, адекватных сложившейся демографической ситуации и способствующих выводу из демографического кризиса [4].

Для смягчения отрицательных последствий демографического кризиса и улучшения параметров демографического развития северных регионов потребуется системное воздействие государства на демографические процессы с целью поддержания необходимой динамики демографического развития и структуры трудового потенциала, отвечающих задачам обеспечения устойчивого развития северных регионов. Исследование динамики населения и особенностей воспроизводства населения Российского Севера в постсоветский период показывает необходимость оптимизации численности населения северных регионов с целью поддержания динамики и структуры демографического и трудового потенциалов, соответствующих потребностям устойчивого социально-экономического развития северных территорий. Для решения этой сложной проблемы необходимо:

- создать необходимые условия для привлечения, трудоустройства и закрепления в северных регионах молодых квалифицированных кадров;
- повысить эффективность использования местных кадров в сочетании с вахтовым методом организации труда квалифицированных кадров из других регионов России;
- разработать меры по стимулированию экономической активности функционирующих на Севере организаций и занятости работников, высвобождаемых в связи с закрытием и реструктуризацией градообразующих предприятий городских населённых пунктов;
- оказать содействие в переселении из северных регионов пенсионеров, инвалидов, безработных и других категорий нетрудоспособных лиц.

В последние годы появились новые возможности для стабилизации численности и улучшения возрастно-половой структуры населения северных регионов России. В соответствии с протоколом Государственной комиссии по вопросам развития Арктики от 9 марта 2016 г. № 1 при разработке новой редакции государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» был предложен новый механизм регионального развития арктических территорий, связанный с формированием и функционированием опорных зон развития Арктики вдоль трассы прохождения Северного морского пути. Важнейшими задачами развития опорных зон развития Арктики являются освоение минерально-сырьевых ресурсов арктических территорий, привлечение инвестиций и развитие Северного морского пути. В рамках данной государственной программы разработана подпрограмма № 1 «Формирование опорных зон развития, обеспечение их функционирования и сбалансированное социально-экономическое развитие Арктической зоны». Её реализация предусматривает непосредственное участие северных субъектов Российской Федерации с арктическими территориями и направлена на решение ряда конкретных задач экономического характера, связанных с привлечением капитала в экономику северных регионов за счёт создания и функционирования опорных зон развития Арктики и стимулирования инвестиционной активности; поддержки коммерчески эффективных отраслей северной экономики и развития транспортно-логистической, энергетической и иной инфраструктуры; реализация крупных межрегиональных производственных и инфраструктурных проектов, способствующих углублению экономического взаимодействия и интеграции арктических территорий с регионами Ближнего Севера и районами раннего промышленного освоения. Намеченные меры в конечном счёте должны обеспечить прекращение оттока населения и способствовать привлечению кадров из других регионов за счёт создания новых рабочих мест и увеличение уровня занятости населения [5].

Приоритетными направлениями демографической политики в северных регионах России должны выступать базовые демографические пропорции естественного воспроизводства населения и организации миграционных потоков, постоянного населения и временных мигрантов; поддержание демографической динамики коренного, старожильческого и пришлого населения; формирование трудового потенциала за счёт эффективного использования местных кадров в сочетании с вахтовым методом организации труда. Для успешного решения этих проблем потребуются координация целенаправленных действий федерального правительства, региональных властей и органов местного самоуправления северных территорий.

Источники и литература

1. Обедков А.П. Влияние миграций на формирование демографического и трудового потенциалов Российского Севера // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2016. Ч. 1. С. 510.
2. Статистические бюллетени «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2018 гг.». М.: Росстат, 2000–2018.
3. Обедков А.П. Экономическая география и региональная экономика Российского Севера. Сыктывкар: КРИОи ПК, 2009. С. 29–30.
4. Обедков А.П. Демографический кризис и государственное регулирование демографических процессов в северных регионах России // Национальная идентичность России и демографический кризис. М.: Научный эксперт, 2008. С. 226.
5. Обедков А.П. Северное регионоведение. Учебное пособие. В двух частях. Сыктывкар: ООО «Центр оперативной полиграфии», 2018. Ч. 1. С. 102–104.

В.М. Теребихин*

**К вопросу о валидности и актуальности использования идей
Питирима Сорокина о самоубийстве для анализа суицидального поведения
населения Республики Коми в конце XX – первом десятилетии XXI века**

В статье осуществлено тестирование идей П.А. Сорокина о феномене самоубийства на их актуальность и валидность применительно к современным тенденциям и флуктуациям суицидальной смертности в Республике Коми. Сделан вывод, что социоантропологическая теория самоубийств Эмиля Дюркгейма, разработанная в конце XIX – начале XX века, модифицированная, модернизированная и используемая П.А.Сорокиным для анализа суицидального поведения населения России начала и середины XX века, по многим параметрам является валидной и актуальной для изучения процессов суицидогенеза в современном российском обществе, в том числе, и на его родине, в Республике Коми в конце XX – первом десятилетии XXI века.

Ключевые слова: самоубийство, флуктуации суицидального поведения, суицидальная смертность, суициденты, валидность, индекс «сверхсуицидальности», суицидогенез, коэффициент суицидальной активности

V.M. Terebihin

**To the question of the validity and relevance of using Pitirim Sorokin's ideas
about suicide for analyzing the suicidal behavior of the population
of the Komi Republic in the late 20th – first decade of the 21st century**

In the article, the testing of the ideas of P.A. Sorokin on the phenomenon of suicide on their relevance and validity, in relation to modern trends and fluctuations in suicide mortality in the Republic of Komi. Concluded that the socio-anthropological theory of suicide Durkheim, developed in the late XIX – early XX century, modified and used for PA Sorokin analysis of suicidal behavior of the Russian population the beginning and middle of the XX century in many ways is a valid and relevant for the study suitsidogeneza processes in modern Russian society, including h follows, and in his homeland, in the Komi Republic in the end of XX – the first decade of the XXI century.

Key words: suicide, suididal behavior fluctuations, suicidal mortality, suicides, validity, “suicididal” index, suicidal genesis, suicidal activity coefficient

В общем дизайне антропологической концепции П.А. Сорокина свою «научную нишу» занимает теория самоубийств, его концептуальные идеи о самоубийстве как сложнейшем, многофакторном антропо-социально-психо-экзистенциальном явлении, «неизъяснимом феномене в нравственном мире» (Н.Карамзин).

Анализ работ П.А. Сорокина, в которых в той или иной степени представлены проблемы самоубийств, позволяет сделать вывод, что выдающегося макросоциолога интересовала вся совокупность исследовательских вопросов, связанных с суицидом: сущность самоубийства как социального явления, причины, факторы, динамика, тенденции суицидального поведения, флуктуации суицида в пространстве и времени, демо-

* Теребихин Владимир Михайлович (Сыктывкар) – кандидат философских наук, эксперт ГБУ РК Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина г. Сыктывкар, ул. Интернациональная, д. 196; e-mail: v.terebikhin@mail.ru

социальные, гендерные, этнические, конфессиональные, территориальные и многие другие многомерные аспекты суицидогенеза.

Для проектирования данной статьи автор попытался выявить валидность, актуальность идей П. Сорокина о феномене самоубийства, его анализу оценок уровня, динамики и причин суицида в начале – середине XX в. применительно к тенденциям и флуктуациям суицидального поведения населения на родине П.А. Сорокина, в Республике Коми в конце XX – первом десятилетии XXI в.

Реализация изложенного выше исследовательского подхода позволяет сделать обобщающий, интегративный вывод, что теория самоубийств Эмиля Дюркгейма, разработанная им в конце XIX – начале XX в., адаптированная, модернизированная, модифицированная и используемая П.А. Сорокиным для анализа суицидального поведения населения в начале и середине века двадцатого, является по многим параметрам актуальной и валидной для изучения тенденций самоубийств, суицидогенеза в современном российском обществе, в том числе, и на его родине, в конце XX – в первом десятилетии XXI в.

Прежде всего представляет интерес концептуализация П.А. Сорокиным категории «самоубийство». Это понятие представлено им в статье «Самоубийство, как общественное явление». По его мнению, этот феномен есть «сознательный и добровольный отказ от жизни, иначе говоря, добровольное хотение смерти, как цели, а не как средства для чего-нибудь другого» [1, с. 23].

Следует отметить, что в современной философской суицидологии самоубийство определяется «как сознательное, свободное, целенаправленное и самостоятельно осуществлённое достижение человеком смерти» [2, с. 45]. Таким образом, сущностное ядро концепта «самоубийство» как самоинициированной смерти, сформулированное П.А. Сорокиным в 1913 г., в полной мере сохранило научный потенциал, является основой концептуализации этой категории в современной философской суицидологии.

В уже цитируемой выше брошюре П.А. Сорокина «Самоубийство как общественное явление» он писал, «самоубийство ... растёт с поражающей быстротой, все больше и больше угрожая обществу и его членам. Раз это так, то, очевидно, есть какие-то особые причины, которые вызывают это «бытовое явление». Чтобы успешно бороться с ним – прежде всего, очевидно, необходимо найти и изучить эти причины; в противном случае всякая борьба с ними будет бесполезной» [1, с. 33].

В структуре каузального комплекса суицидального поведения П.А. Сорокин выделял главную общую причину и главную конкретную причину самоубийств. Так, согласно П. Сорокину «главная общая причина роста самоубийств – это рост одиночества личности, ее оторванность от общества, в свою очередь представляющая результат нашего беспорядочно организованного общества. На этой-то общей почве и развивается самоубийство. Ей мы обязаны тем, что достаточно, малейшей неудачи, чтобы человек свел счеты с жизнью... Причины или факторы самоубийства следует искать в социальной или общественной жизни людей» [3, с. 168].

Главная конкретная причина по П. Сорокину – «это нужда, голод и безработица – следствие того же беспорядочного устройства общества, поэтому высший процент самоубийц дают именно безработные» [1, с. 27]. Этот вывод подтверждается феноменологией самоубийств на первом десятилетии XXI в. на родине П. Сорокина. По данным Комистата, «каждый второй совершивший суицидальный поступок – безработный... лишь треть самоубийц имели работу» [4, с. 5].

Анализ динамики самоубийств в Республике Коми, (как и в целом в Российской Федерации), подтверждает вывод Э. Дюркгейма – П. Сорокина о том, что с началом реформ кривая самоубийств падает, поскольку «чувство индивидуального» уступает место чувству совместной принадлежности к общему делу» [3, с.201].

Начатая М.С. Горбачевым «реформа-перестройка» во второй половине 1980-х гг. оказала положительное влияние на динамику самоубийств. Так, если в 1985 г. коэффициент самоубийств (число самоубийств на 100 тыс. населения) в республике был 41.1, то к 1987 г. он снизился до 25.8 (т.е. в 1.6 раза). Сокращение суицидальной смертности в середине 1980-х гг. объясняется улучшением макропсихологического состояния общества с началом перестройки и усилением в этой связи у людей чувства совместной принадлежности к общему важному делу. Согласно закону «духовно-демографической детерминации», в этот период произошло повышение «воли к жизни», что проявилось в росте рождаемости, увеличении количества браков, снижении смертности, уровня преступности, разводов. Отмечался ряд других позитивных демосоциальных изменений. Этому способствовало и сокращение потребления спиртного, особенно на начальном этапе «антиалкогольной кампании».

Однако быстро наступившее разочарование «реформами» и начавшаяся социетальная трансформация начала 1990-х гг. послужили катализатором резкого скачка в уровне самоубийств с 1992 г.

Для большинства населения период «ревотрансформаций», «шоковой терапии» был периодом сложных экзистенциальных, психолого-эмоциональных испытаний. «Социотрясение» (Б. Грушин) начала 1990-х гг. способствовало усилению маргинализации населения. Населению была нанесена тяжелейшая биопсихологическая и «социокультурная травма» (П. Штомпка), сформировался социогуманитарный (антропологический) кризис.

Основной социодинамической характеристикой самоубийств, как одной из форм антропологического кризиса и чувствительным индикатором психосоциального дистресса, в первые годы «реформы» в Республике Коми (как и в целом в Российской Федерации) являлось значительное увеличение темпов прироста самоубийств. Так, уровень самоубийств в 1995 г. по сравнению с 1990 г. возрос почти на 90 % (по РФ в целом, на 56 %). Причинные суицидогенные основания резкого изменения кривой роста индекса самоубийств середины 1990-х гг. также могут быть объяснены концепцией Дюркгейма – Сорокина, согласно которой во время экономических кризисов, бедствий, психологического «голода» происходят разрывы социальных связей, что стимулирует ментальную дезинтеграцию и дезорганизацию, когда появляется психосоциальная изоляция. Не потеряло актуальности и сегодня классическое истолкование Э. Дюркгеймом и П. Сорокиным самоубийства, как ответа на потерю привычного образа жизни, невозможности адаптироваться к новым социальным условиям – аномии, социальной дезорганизации.

В «нулевые», «тучные годы» периода «постреволюционной релаксации» (С.С. Сулакшин) отмечалась тенденция снижения суицидальной активности. В целом за последние 18 лет количество самоубийств снизилось в Республике Коми в 1.5 раза. Но, и современный уровень суицидальной смертности является критически высоким. Он в 1.5 раза превышает предельно допустимые параметры, установленные Всемирной организацией здравоохранения. Заметим, что по нашим расчетам на территории Коми края в начале XX в. (1904–1913 гг.), уровень суицидальной смертности составлял три случая на 100 тыс. населения. В середине 90-х гг. XX в. показатель суицидальной активности составлял около 60 самоубийств на 100 тыс. населения, в первом десятилетии XXI в. – 31. Повышенный по сравнению со среднероссийским уровень самоубийств на родине Питирима Сорокина объясняется «повышенным суицидогенным фоном» в регионе. Прежде всего, об этом свидетельствуют такие предикаторы суицидального поведения, как более высокий по сравнению с общероссийским уровень алкоголизации (смертность от причин, связанных со злоупотреблением алкоголем в 2 раза выше), безработицы, разводов, более негативное соотношение браков и разводов, более высокий уровень социальной дифференциации (коэффициент Джини, коэффициент фондов) и ряд других индикаторов. Как известно, из теории самоубийств Э. Дюркгейма – П. Сорокина многие из отмеченных выше «показателей – предикаторов» являются предрасполагающими социопсихологическими суицидогенными факторами.

Феноменология, в том числе статистика суицидального поведения в республике, подтверждает вывод Э. Дюркгейма – П. Сорокина о гендерной специфике суицида, более высоком уровне самоубийств мужчин по сравнению с женщинами. П.А. Сорокин отмечал, что «женщины дают меньший процент самоубийств, чем мужчины. В общем, число самоубийств женщин так относится к числу самоубийств мужчин, как 1 относится к 3» [3, с. 169]. Индекс «сверхсуицидальности» мужчин (число самоубийств мужчин на одно женское самоубийство) на родине П.А. Сорокина составлял в среднем за последние 30 лет: минимальное значение 3,8 раза, максимальное – 6,4 раза. Каузальный комплекс сверхсуицидальности мужчин имеет многофакторные основания. В суицидологическом исследовательском пространстве пока не сложилось единых точек зрения по этой проблеме. Учитывая возможности формата данной статьи, отметим лишь, что сверхсуицидальность мужчин объясняется природным, более низким по сравнению с женщинами порогом биопсихосоциальной адаптации. А поэтому ухудшение или усложнение условий жизни мужчины переносят сложнее. Еще одним предрасполагающим к суициду фактором является более высокий уровень алкоголизации «сильной половины» по сравнению с женщинами. Об этом свидетельствует тот факт, уровень смертности мужчин трудоспособного возраста от причин, связанных с употреблением алкоголя, более чем в 3 раза выше, чем у женщин. П.А. Сорокин объяснял гендерные различия в уровне самоубийств тем, что «женщина в силу исторических условий отстала от мужчины, более привязана к семье, менее индивидуализирована, и ее жизнь более устойчива, чем жизнь мужчины» [1, с. 33]. Действительно, в отличие от мужчин женщины лучше социально интегрированы, они активно используют свои социальные связи для профилактики дистресса и таким образом получают психологическую помощь.

Суицидальная активность имеет определенные сезонные, темпоральные циклы-флуктуации. Питирим Сорокин в работе «Общество, культура и личность: их структура и динамика» отмечал, что «самоубийства имеют достаточно общие сезонные флуктуации, которые достигают своего максимума в мае или июне в европейских странах» [3, с.165]. Наш анализ темпорального, помесечного распределения суицидов показал, что на родине П. Сорокина, как и в России в целом, а также во многих европейских странах число суицидентов увеличивается в мае–июне и снижается в летний период.

Общепринятого объяснения данному, парадоксальному, с точки зрения здравого смысла явлению, нет. Питирим Сорокин, вслед за Эмилем Дюркгеймом отмечал, что «причина их увеличения в эти месяцы скрыта не в погоде или температуре, а в интенсивности социальной жизни и социальных конфликтов. Если кривая самоубийств падает до минимума во время июля, августа и сентября, причина опять-таки, кроется не в клима-

те или других физиографических факторах, а в ослаблении социальной жизни (отпуска и т.д.) и уменьшении социальных поводов к самоубийствам» [3, с. 165].

Этот суицидологический феномен, возможно, объясняется еще и таким социопсихологическим фактором, что весенне-летнее радостное оживление природы усугубляет состояние людей, находящихся в пре-суицидальной ситуации (в условиях потери значимого другого, ревности, измены, материального неблагополучия, неудачи, падения престижа, соматического заболевания, оскорбления, унижения, одиночества, утраты смысла жизни и т.д.) и провоцирует их к осуществлению суицидального акта.

Единственным «несоответствием» теории Э. Дюркгейма–П. Сорокина и флуктуациям самоубийств начала века современным суицидальным российским реалиям является тенденция более высокого уровня суицидов сельского населения по сравнению с городским. В брошюре «Самоубийство как общественное явление» П.А. Сорокин отмечал, что «самоубийства чаще бывают в городах, чем в селах и деревнях. И чем крупнее город, тем больше и самоубийств» [1, с. 37]. Эта оценка затем воспроизведена им и в более поздних работах: в третьем томе «Антологии сельской социологии» (1932) и «Общество, культура и личность: их структура и динамика» (1947). Но впервые эта тенденция была зафиксирована в одной из самых ранних публикаций П. Сорокина «Социологический прогресс и принцип счастья» (1912). Как известно, в этом же социологическом эссе он предложил использовать индикатор уровня самоубийств в качестве одного из объективных критериев «для решения вопроса увеличения или уменьшения счастья» [5, с. 508]. По данным современных западных суицидологов, в странах Европы среди населения крупных промышленных центров уровень суицидов в 2-3 раза выше, чем среди сельских жителей [7, с. 20].

Анализ распределения завершенных самоубийств по месту жительства суицидентов как на родине П. Сорокина, так и в России в целом выявил тенденцию значительного превышения уровня суицида сельского населения над городским. Коэффициент суицидальной активности жителей села и в «советский» и в «постсоветский» периоды истории был в 1,5–2 раза выше, чем горожан. Так, в 1980 г. разрыв в уровне самоубийств «горожан и селян» составлял в республике 1.8 раза, в 2013 г. – более чем 3 раза, в 2017 г. – в 2 раза.

Учитывая, что каузальный «системокомплекс» сверхсуицидальности сельского населения объясняющего это «несоответствие» – тема обстоятельного специального научного доклада, отметим лишь ряд значимых аспектов. Наша аналитическая позиция по данной научной проблеме заключается в том, что эта «флуктуация – отклонение» не отрицает выводы социологической концепции самоубийств Э. Дюркгейма – П. Сорокина, поскольку именно факторами «социокультурного сцепления, психосоциальной изоляции» это «отклонение» и объясняется. В XX в. на родине П.А. Сорокина, как и в России в целом, произошли радикальные социетальные трансформационные процессы, в том числе, и в поселенческой структуре и структуре расселения. Этот социетальный процесс концептуализирован исследователем А.С. Сеньевским как «урбанизационный переход» – переход от сельского общества к городскому... городское преобразование деревни» [6, с. 91]. В XX веке в результате урбанизации произошло существенное ослабление основных, традиционных для села ингибирующих факторов самоубийства: большая трехпоколенная семья, более высокий уровень религиозности, низкий уровень разводов, влияние общественного мнения, «мира» на регулирование многих проблем жизнедеятельности и др. «На селе» появились такие «городские» суицидогенные факторы, детерминированные процессами современной «демографической модернизации», как повышение уровня разводов, сокращение «детности» семей, повышение уровня алкоголизации, наркотизации, преступности и т. д.

В полном объеме каузальный «системокомплекс» сверхсуицидальности сельского населения представлен в нашей публикации [7]. Таким образом, тестирование изложенных в работах П.А. Сорокина идей о феномене самоубийства, его многомерных причин, суицидогенных факторов и иных характеристик суицидального поведения населения начала XX в. на их актуальность и валидность, применительно к тенденциям и флуктуациям суицидальной смертности в конце XX – первом десятилетии XXI в. в России, позволяет сделать обобщающий вывод, что социоантропологическая теория самоубийств Э. Дюркгейма, разработанная в конце XIX – начале XX в., модифицированная, модернизируемая и используемая П.А. Сорокиным для анализа суицидального поведения населения России начала и середины XX в., по многим параметрам является валидной и актуальной для изучения тенденций и флуктуаций самоубийств, процессов суицидогенеза в современном российском обществе, в том числе, и на его родине, в Республике Коми в конце XX – первом десятилетии XXI века.

Литература и источники

1. Сорокин П. Самоубийство, как общественное явление // Социологические исследования, 2003. № 2. С. 23–29.
2. Аванесов С.С. Введение в философскую суицидологию. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 456 с.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 453 с.

4. О суицидальных явлениях в Республике Коми. Информационная записка. Госкомстат Республики Коми. Сыктывкар, 2000. 45 с.
5. *Сорокин П.* Социологический прогресс и принцип счастья // Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 23–26.
6. *Сенявский А.С.* Урбанизация и этнодемографические процессы в России в XX веке // Историческая демография. Научное издание. Москва; Сыктывкар, 2007. 345 с.
7. *Положий В.С., Лазебник Л.И.* Современное состояние проблемы суицидального поведения. Аналитический обзор. ФГУ “Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского” Министерства здравоохранения и социального развития РФ. М., 2010. 35 с.
8. *Теребихин В.М.* Флуктуации суицидального поведения населения Республики Коми // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 48–55.

*В.В. Фаузер**

История развития демографических и социологических исследований в Республике Коми**

Рассмотрена история развития демографических и социологических исследований в Республике Коми. Раскрыты основные направления исследований, описаны организации, использующие социально-демографические методы исследований, отдельные персоналии, стоявшие у истоков республиканской демографии, социологии и этнографии. Приводится перечень публикаций по демографической и социологической тематике.

Ключевые слова: Республика Коми, демографические и социологические исследования, историческая демография

V.V. Fauzer

The history of the development of demographic and sociological research in the Komi Republic

The article includes an overview of the history of the development of demographic and sociological research in the Komi Republic, reveals the main directions of research, and describes the organizations using socio-demographic methods of research, scientists who stood at the origins of the republic demography, sociology and ethnography. In addition, the paper contains a list of publications on demographic and sociological topics.

Key words: Komi Republic, demographic and sociological research, historical demography

Введение. Ученые республики с 1960 гг. в своих исследованиях начинают широко использовать социологические методы. Анализ публикаций показывает, что опросы проводили представители разных отраслей науки: демографы, историки, социологи, экономисты, этнографы. Постепенно от единичных исследований, проводимых учеными-энтузиастами, социологические опросы становятся постоянным инструментом целых научных коллективов. В Коми филиале АН СССР создаются структурные подразделения, для которых демография, социология и этнография становятся постоянным занятием. Основная цель статьи – показать историю развития демографических и социологических исследований в Республике Коми, привести персоналии, стоявшие у истоков этих наук. Подробнее с публикациями по исторической демографии и экономической социологии можно ознакомиться на сайтах***.

Отдел экономики Коми филиала АН СССР. Применять социологические методы в начале 1960-х гг. стала Г.В. Загайнова при изучении миграции населения. Объектом исследования выступили шесть леспромов (Трактовский, Боровской, Сыктывдинский, Заозерский, Пезмогский, Троицко-Печорский) и Максакровский сплавной рейд (лето 1963–1964 гг.).

Основным источником информации стали учетные карточки работников, откуда наряду с данными, характеризующими различные стороны миграции, выбиралось и место рождения работника. Обследованию было охвачено свыше 10 % занятых в лесной промышленности республики. Выборка производилась на предприятиях с разным производственным процессом, расположенных в разных районах республики.

Было выявлено, что контингент работников лесной промышленности сформировался главным образом за счет прибывающих из-за пределов республики. Доля местных уроженцев – 22,6 %, из которых лица коренной

* **Фаузер Виктор Вильгельмович** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, руководитель лаборатории демографии и социального управления ФИЦ Коми научного центра УрО РАН Института социально-экономических и энергетических проблем Севера, 167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <http://vvfauzer.ru>

** Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР АААА-А19-119012190103-0, 2019-2021 гг.). Благодарности – Анне Гончаренко, Назару Журавлеву и Галине Фаузер за помощь в подготовке рукописи к печати.

*** Специализированные сайты по исторической демографии и экономической социологии: <http://illhkomisc.ru/library/nauchnye-zhurnaly>; <http://vvfauzer.ru>.

национальности (коми) составляют почти 95 %. Это уроженцы близлежащих к местам лесоразработок сел, владеющие необходимыми трудовыми навыками работы в лесу и составляющие наиболее устойчивую часть населения этих районов. На уроженцев городов приходится 2,5 %.

Свыше 15 % рабочих лесной отрасли сформировалось за счет населения прилегающих районов: Волго-Вятского, Северо-Запада и Урала. Это тоже уроженцы, прежде всего, сельской местности, доля горожан среди них чуть больше 13 %. Наибольшую долю рабочих не только из Волго-Вятского района (42,5 %), но и всех этих территорий дала Кировская область, имеющая довольно тесные производственные связи с южными районами Коми АССР и по сравнению с ней более плотно населена. Особенно возросло переселение рабочих-лесозаготовителей из северной среднетаежной части Кировской обл. в последние годы в связи с вырубкой лесосечного фонда и сокращением лесозаготовок.

Из районов Северо-Запада почти половину составляют выходцы из соседних Вологодской и Архангельской областей, территорий с более сходными с Коми АССР природными и экономическими условиями по сравнению с другими районами Северо-Запада, а также Псковской области. Свыше 50 % переселенцев Урала являются уроженцами Удмуртской АССР и Пермской области, т.е. наиболее близко расположенных к Коми АССР уральских территорий, подробнее в [1, с. 19–28].

Вторую проблему занятости женщин трудоспособного возраста демографы изучали в апреле 1967 г. Было проведено анкетное обследование занятости населения в городах Инта и Микунь, в четырех поселках Воркутинского горсовета, в поселках городского типа Жешарте, Березовке и Кожве. Большой процент охваченных обследованием жителей (в городах – 20–50 %, в поселках – сплошное обследование) обеспечил репрезентативность данных и позволил сделать обоснованные выводы. Объекты обследования выбирались с учетом их размещения, величины и специализации. Инта и поселки Воркутинского горсовета – центры угольной промышленности, Микунь – лесопромышленный центр и транспортный узел, Жешарт – поселок деревообработчиков, Кожва – поселок лесоперевалочной базы, Березовка – поселок центра леспромпхоза с цехом обработки древесины.

Полученные данные свидетельствуют о том, что состав и причины незанятости женщин общественным трудом довольно различны как между отдельными районами Коми АССР, так и внутри районов. Поэтому должны быть различны и пути вовлечения женщин в общественное производство.

Наибольшие резервы неиспользуемых трудовых ресурсов женщин в республике имеются в городах и рабочих поселках Печорского угольного бассейна. К тому же здесь более высок качественный состав неиспользуемых трудовых ресурсов. Но именно в этих районах из-за повышенной стоимости строительства производственных, жилых и культурно-бытовых зданий необходим особенно строгий подход к открытию новых предприятий и учреждений для расширения сферы использования женского труда. Создание новых предприятий в целях решения данной проблемы вызывает дополнительный приток населения из-за пределов республики и затрудняет решение вопросов трудоустройства местного населения. Так, в г. Воркуте в 1962 г. для занятости девушек-подростков и жен шахтеров было открыто медицинское училище. По данным личных дел учащихся (обследование 1966 г.) уроженцы Воркуты среди них составляли всего 11 % общего состава, проживающие в Воркуте до поступления в училище несколько месяцев – 44 %. Это в основном приехавшие специально на учебу из районов Украины, Белоруссии и Краснодарского края. Таким образом, в районах Крайнего Севера готовятся кадры для других районов страны.

Первоочередными мерами, способствующими вовлечению женщин в отрасли народного хозяйства, следует считать расширение сети дошкольных учреждений, расширение сферы приложения труда, перераспределение и замещение работников-мужчин женщинами в тех производствах, где разрешено использовать женский труд, предоставление работы с неполным рабочим днем, выполнение отдельных работ на дому [2, с. 111, 115–116].

Третья проблема, на которую обратили внимание демографы, – это обеспечение нефтегазовой промышленности, являющейся одной из ведущих отраслей народного хозяйства Коми АССР, трудовыми ресурсами. С этой целью было проведено изучение особенностей формирования ресурсов труда путем обследования основных предприятий: Вой-Вожского и Тэбукского нефтегазодобывающих управлений, Вуктыльского газопромыслового управления и Печорского управления буровых работ. Обследование проводилось в летний период 1972 г., в основу его было положено изучение карточек работающих, было охвачено свыше 20 % занятых в нефтегазодобывающей промышленности. Одни из предприятий связаны с освоением перспективных месторождений, с обустройством и эксплуатацией которых возникли новые поселки городского типа (Нижний Одес – 1965 г., Вуктыл – 1968 г., Усинск – 1971 г.), другие уже имеют тенденцию сокращения объемов производства (Вой-Вож – 1947 г.).

Было установлено, что основной особенностью формирования работников нефтегазодобывающей промышленности Коми АССР является преобладание в его составе выходцев из других районов страны (86,5 %).

Доля местных уроженцев колеблется от 7 % на предприятиях с формирующимся составом работающих до 18 % в управлениях уже с постоянными кадрами. Основные районы, за счет населения которых сложился костяк работающих, – Центральный и Поволжье, а также Украина. Большое значение в формировании трудовых ресурсов, особенно новых управлений, имеет приток населения из старых нефтегазодобывающих районов Башкирии, Татарии и Северного Кавказа. В обеспечении рабочей силой Усинска значительная роль принадлежит Поволжью (29,2 %), свыше 2/3 его уроженцев – уроженцы Башкирии. В последние годы для Башкирии характерен массовый переход на механизированный способ эксплуатации скважин и в соответствии с этим высвобождение нефтяников. Важным районом снабжения кадрами пос. Вуктыл является Северный Кавказ (17 %), более 3/4 переселенцев этого района – уроженцы Краснодарского края, в преобладающем большинстве тоже уже работавшие в нефтегазовой промышленности [3, с. 112–113].

Институт языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. У историков использовать социологические опросы стал д.и.н. Ю.В. Гагарин. Его интересовал уровень религиозности населения Коми АССР (религиозных пережитков). Исследования проводились в 1964–1968 и 1973–1974 гг. Автор проводил сплошные опросы взрослого населения ряда сел и деревень, что требовало длительных и сложных полевых работ, кропотливую ручную обработку огромного массива данных. Результаты исследований опубликованы в монографии – История религии и атеизма народа коми (М.: Наука, 1978).

По-настоящему профессиональные социологические исследования связаны с именем к.и.н. Г.П. Белоруковой. Ее внимание привлекли этнокультурные процессы в очень специфичной социальной среде – среди жителей лесных поселков республики, возникших в начале 1930-х гг., когда лесозаготовки из сезонного занятия крестьянского населения начали превращаться в специализированное промышленное производство. В таких поселках к началу 1970-х гг. проживала треть сельского населения Коми АССР. Большинство их имели смешанный состав жителей, доля с преобладанием коми относительно невелика.

Результаты исследования, осуществленного Г.П. Белоруковой в 1970–1971 гг., показали, что уровень квалификации рабочих разных национальностей (прежде всего русских и коми) примерно одинаков, а возрастной и половой состав у коми и русских различается – среди занятых на лесоразработках у коми доля женщин и молодежи заметно выше, чем у русских. У русских же выше средний уровень образования, но при этом характер культурного поведения и культурного потребления представителей обеих этнических групп существенно не различается. Интересны результаты ее анализа двуязычия и, прежде всего, характера речевого поведения респондентов. Оказалось, что лесные рабочие-коми на производстве предпочитают пользоваться либо только русским, либо русским и коми языками одновременно, а дома – коми; в то же время в поселках с преобладанием русских частота употребления русского языка коми как на производстве, так и в домашнем окружении выше, чем в поселках с преобладанием коми. Русские в основном и на производстве, и дома пользовались только русским языком, независимо от этнической среды обитания. В 1976 г. Г.П. Белорукова покинула Сыктывкар, и практика квалифицированных этносоциологических исследований на некоторое время прервалась.

Систематические этносоциологические исследования в Коми возобновились в начале 1980-х гг., когда в отделе этнографии сформировалась группа этносоциологов, которую возглавил М.Б. Рогачев. В нее вошли молодые исследователи Ю.П. Шабаев и В.Н. Денисенко [4, с. 104]. Сегодня сектор этнографии успешно продолжает работать и проводить этносоциологические исследования под руководством д.и.н. Ю.П. Шабаева.

Становление академической социологии. Развитие академической социологии связано с Институтом языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, где в 1978 г. по решению Коми обкома КПСС был создан сектор социологических исследований [5, с. 69–71].

За период существования сектора были выполнены следующие темы: «Эффективность существующих форм и методов обучения и воспитания в системе партийного образования» (1978–1980 гг.); «Совершенствование форм и методов коммунистического воспитания в условиях современного социалистического общества на примере Коми АССР» (1981–1985 гг.); «Формирование трудовой и общественно-политической активности трудящихся промышленных предприятий в условиях интенсивного освоения природных богатств Европейского Севера (на примере Коми АССР)» (1986–1990 гг.).

Первые результаты последней темы были опубликованы в сборнике «Формирование социальной зрелости трудовых коллективов» (1987). Вопросам формирования заинтересованного и сознательного отношения к труду посвящена статья Р.И. Зубовой. На основе конкретных социологических исследований, проведенных на предприятиях Коми АССР, выявлены существенные факторы, влияющие на состояние дисциплины труда, сделано сравнение в идентичных производственных коллективах Коми АССР и Архангельской обл. [6, с. 22–37]. Статья В.В. Фаузера посвящена поиску и анализу резервов повышения эффективности производства на Сыктывкарском ЛПК. Автор на конкретном материале раскрывает резервы ускорения социально-экономического развития предприятия, показывая возможности использования организационно-

экономических факторов на производстве. Опираясь на труды советских социологов и экономистов по избранной теме, на их выводы о связи различных факторов с эффективностью производства, автор развивает и дополняет научно-теоретические обобщения по данному вопросу [7, с. 38–52].

В статье Л.Е. Худяевой и Е.В. Овчинниковой анализируется участие трудящихся в общественном самоуправлении при бригадной форме организации труда. В статье введены в научный оборот материалы социологического исследования, проведенного в г. Воркуте в 1984–1985 гг. [8, с. 53–67]. В статье П.П. Кротова на основе интервью, данных социологического исследования и периодической печати показаны качественные изменения, происходящие в профессиональной подготовке молодых рабочих [9, с. 68–82]. Статья В.П. Чеснокова на основе социологического исследования раскрывает роль советских граждан, работающих в коллективах объединенных советско-болгарских лесозаготовительных предприятий в Коми АССР [10, с. 98–106].

В целом можно заключить, что до начала 1990-х гг. основными направлениями научных исследований в республике были: 1) социология пропаганды и общественного мнения; 2) социология классов, социальных групп и слоев; 3) социология труда и трудовых коллективов; 4) социальное управление, планирование и прогнозирование; 5) социология быта и досуга; 6) социология культуры [11, с. 47–56, 94–120, 188–200].

Развитие региональной и экономической социологии. 12 февраля 1992 г. два сотрудника сектора социологических исследований Института языка, литературы и истории УрО РАН были переведены в отдел хозяйственного механизма Института экономических и социальных проблем Севера УрО РАН (П.П. Кротов и К.Н. Колегов). 5 января 1993 г. в институте создается межотдельская социологическая группа, которая 22 апреля 1996 г. преобразуется в отдел экономической социологии. Первым заведующим отдела стал к.социол.н. П.П. Кротов. В последующие годы его возглавляли к.социол.н. С.С. Ярошенко и к.социол.н. Т.С. Лыткина.

Исследования проводились по четырем направлениям: социально-политические факторы трансформации экономики региона; реструктуризация производства, управления и трудовых отношений; адаптация домохозяйств и экономическое поведение населения; изменение структур социальных неравенств в регионе.

Особого внимания заслуживает проект «Великая инволюция» (1994–2000 гг.), осуществляемый под руководством Майкла Буравого в сотрудничестве с П.П. Кротовым и Т.С. Лыткиной. Авторы пришли к выводу, что модели адаптации населения свидетельствуют о совместном проявлении традиционных и индустриальных (рыночных) способов решения жизненных проблем в рамках каждой модели. В зависимости от основного источника, характера ресурсов и преобладающей стратегии было выделено четыре основных модели: доходной деятельности, домашней экономики, родственного взаимодействия и экономической зависимости. Данные модели использовались как инструмент для анализа стратегий жизнеобеспечения. Среди многообразия стратегий выживания постепенно формируется распространенный тип адаптации к новым условиям, представляющий собой трансформацию традиционных способов жизнеобеспечения, приспособленных к условиям ограниченных возможностей [12; 13; 14].

Тем не менее без ответа оставались вопросы: «Что определяет стратегию экономического поведения населения?», «Каков механизм ее формирования?», «Что является ведущим в характере поведения?». Попытка ответить на них была рассмотрена в диссертационной работе Т. Лыткиной «Экономическое поведение “новых бедных” в условиях социальной трансформации» (2005 г.). Автор определяет экономическое поведение населения как совокупность действий в социальной и экономической сферах общества, предполагающих задействование доступных (социальному слою) внутренних и внешних ресурсов, направленных на удовлетворение потребностей. Каждый элемент модели экономического поведения наполнен социальными и материальными ресурсами. Так под внешними ресурсами понимаются не только доступные рабочие места, но и льготы, предлагаемые государством (гражданские права) [15]. Особое значение для отечественной экономической социологии представлял исследовательский проект «Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели» (1998–2000 гг.). Данный проект являлся результатом совместной работы социологов Республики Коми и США (М. Буравой, П.П. Кротов, Т.С. Лыткина). В ходе социальной картографии г. Сыктывкара, т.е. выделения его районов по типам жилья и составу проживающего в них населения, был описан социальный облик современного провинциального города и проверена гипотеза о взаимосвязи жилищной и социальной дифференциации.

Впервые была предложена теоретическая модель взаимодействия трех классов (жилищного, экономического и социального), позволяющая концептуализировать изменения в советской системе жилищного обеспечения. В то же время работа имеет конкретно-исторический характер, поскольку в значительной мере основывается на архивных источниках, интервью со старожилами города, исторических исследованиях и посвящена истории формирования жилищных классов г. Сыктывкара [16].

«Объединяющим» стимулом исследований по гендерной тематике стало лонгитюдное исследование по проекту «Гендерные аспекты труда в постсоветской России» под научным руководством доктора Сары Ашвин (Лондонская школа экономики), проводимом в четырех регионах, в том числе и в Республике Коми. Основной

фокус был сосредоточен на официальных бедных. Определяющими факторами являлись непосредственный интерес С.С. Ярошенко, изучающей проблемы бедности [17] и Т.С. Лыткиной, изучающей социальные группы с ограниченными социальными и материальными ресурсами. В рамках проекта основной акцент на региональном уровне переносится от исследования рабочих депрессивных предприятий к официально зарегистрированным бедным [18; 19; 20], в числе которых чаще всего оказывались низкоквалифицированные рабочие.

Она рассматривает домохозяйство как элемент институциональной среды, которое в условиях экономической нестабильности привело к усилению властных позиций женщин в низкодходных группах населения [21; 22]. Произошло это потому, что, несмотря на декларируемое равенство полов и активное вовлечение женщин в общественное производство, в советский период перераспределения обязанностей внутри домашней сферы не произошло. Кроме того, государство всегда гарантировало мужчине более высокий заработок по сравнению с женщиной, в результате это вело к воспроизводству гендерных стереотипов, один из которых – распределение обязанностей по полу, согласно которому мужчина в семье – кормилец. В условиях экономической неопределенности, свертывания производства, распространения административных отпусков, мужчина оказался неспособным справиться со своей прямой обязанностью в семье, что вело к недовольству женщин, исключению мужчин из семьи, что вовсе не способствовало росту деловой активности у мужчин, а, напротив, ее снижению среди низкодходных групп населения [23].

Инновационными для региона стали сравнительные исследования, подчеркнувшие значимость институтов в организации повседневных практик, особенно в условиях кардинальных социальных трансформаций [24; 25; 26].

1 октября 2006 г. сектор экономической социологии был реорганизован, часть сотрудников перешла в лабораторию демографии и социального управления: к.социол.н. В.Г. Вячеславов, к.социол.н. Т.С. Лыткина, н.с. К.Н. Колегов. В настоящее время экономической социологией занимается лишь Т.С. Лыткина, проявляют интерес к социологическим исследованиям: к.э.н. А.В. Смирнов [27] и м.н.с. Н.Ю. Журавлев [28]. Продолжается сотрудничество с уехавшими из региона учеными [29; 30].

Демографические исследования в Республике Коми. В 1944 г. в Коми АССР создается База академии наук (с 1949 г. – Коми филиал АН СССР). В числе приоритетных научных направлений значится и демография [31]. Требовалось научное обоснование потребности республики в трудовых ресурсах [32]. Организатором демографического направления стал проф. В.П. Подоплелов. К числу его заслуг можно отнести построение таблиц смертности, разработанных совместно с А.И. Таскаевым и И.К. Косенко, что позволило сделать долгосрочные прогнозы численности населения [33].

С 1980-х гг. демографические исследования вновь стали дополняться анкетными опросами населения и опросами экспертов. Первое социологическое исследование по демографической тематике было проведено среди женщин Ижемского района в 1989 г. Основной научный интерес состоял в изучении репродуктивного поведения коми-женщин [34].

В начале 1990-х гг. научные исследования находят отражение в монографиях: «Проблемы формирования населения Республики Коми, 1993» [35]; «Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми, 1994» [36]; «Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения, 1996» [37]; «Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости, 1998» [38]. Особое место в изучении демографических процессов в Коми занимают две монографии: «Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи), 2001» [39] и «Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция, 2001» [40].

Следует отметить совместный вклад историков и демографов в изучении демографических процессов, начиная от первобытных стоянок до конца XX в. [41; 42; 43; 44; 45]. С 2008 г. в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН издается научный журнал «Историческая демография». Новой вехой в демографических исследованиях 1990–2000-х гг. стало изучение демографических процессов у финно-угорских народов. В опубликованных работах рассматривается демографическая динамика коми на фоне родственных финно-угорских народов [46; 47; 48; 49; 50].

Вклад демографии в развитие территории. В начале 1980-х гг. было обосновано предложение «расширить круг лиц, которым начисляется районный коэффициент, – это должно было относиться к студентам и неработающим пенсионерам» [51, с. 21].

В 1990-е гг. сделан важный вывод: демографический потенциал, созданный в северных районах, является достаточным для дальнейшего развития производительных сил. Его сохранение в последующие годы позволило бы иметь на Севере постоянное население при минимальной внешней миграции высококвалифицированных работников. Обоснована концепция формирования населения в северных районах, которая содержит ряд взаимосвязанных блоков: «экономика и хозяйство», «расселение», «экология», «региональная демографическая политика» [52; 53, с. 8–9].

Опыт освоения Севера показал, что природные ресурсы, необходимые для экономики страны, должны осваиваться собственными производительными силами. Выявлена зависимость между системой расселения и эффективностью формирования населения; доказано, что учет демографических структур в разные периоды освоения при формировании системы расселения позволяет значительно повысить приживаемость новоселов [54, с. 178–183]. Показано, что миграционная убыль последних десятилетий привела к потере постоянного населения наиболее дееспособных возрастов, замене их представителями стран дальнего и ближнего зарубежья, где особое место занимают мигранты из Средней Азии и Закавказья [55; 56].

Выявлено, что Север России перестал быть привлекательным местом как регион для постоянного или длительного проживания; раскрыто, что такой настрой у населения вызван экономической непривлекательностью, социальной дезорганизацией, потерей ряда льгот и гарантий, характерных для пионерного периода освоения [57; 58]. О последствиях колонизации Коми края с привлечением большого количества мигрантов достаточно полно сказано в работах Т.С. Лыткиной [59; 60]. В них делается вывод о том, что местные жители оказались исключенными из освоения и распределения социально-экономических благ, получаемых от эксплуатации природных ресурсов [61].

Ученые Республики Коми: демографы, историки, социологи, трудовики. С 1980-х гг. ученые республики начинают активно защищать кандидатские и докторские диссертации. По специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (специализации – экономика народонаселения и демография; экономика труда): **Фаузер В.В.** «Проблемы формирования населения в районах Севера (на примере Коми АССР)» (1983 г., к.э.н.); «Проблемы демографического развития Российского Севера» (1996 г., д.э.н.); **Попова Л.А.** «Проблемы демографического развития семьи в Республике Коми» (1996 г., к.э.н.), «Особенности современного популяционного кризиса в северном полиэтническом регионе» (2005 г., д.э.н.); **Котырло Е.С.** «Регулирование рынка труда с позиции маркетинга» (2000 г., к.э.н.); **Быковская Л.И.** «Механизм поддержки доходов и его влияние на снижение масштабов бедности» (2001 г., к.э.н.); **Истомина Е.В.** «Влияние структурных преобразований в экономике на занятость населения» (2002 г., к.э.н.); **Рожкин Е.Н.** «Этнические особенности демографического развития Республики Коми» (2002 г., к.э.н.); **Климашевская Е.В.** «Формирование и использование трудового потенциала энергетического комплекса Республики Коми» (2003 г., к.э.н.); **Клепиков Н.В.** «Демографическая дифференциация потребительских предпочтений жителей северных городов» (2006 г., к.э.н.); **Черных А.И.** «Демографическое измерение профессионального развития человеческих ресурсов в условиях всероссийской депопуляции» (2007 г., к.э.н.); **Климочкина Н.И.** «Формирование населения и использование его трудового потенциала в нефтегазовом секторе Республики Коми» (2007 г., к.э.н.); **Макарова В.Н.** «Экономические инструменты регулирования демографических процессов северного региона» (2009 г., к.э.н.); **Фаузер Вл.В.** «Демографическая дифференциация социально-трудовых отношений» (2010 г., к.э.н.); **Назарова И.Г.** «Демографические и трудовые проблемы северных регионов России: теория и практика» (2012 г., д.э.н.); **Юсупова И.В.** «Разработка мер государственного регулирования регионального рынка труда с использованием балансовой модели» (2014 г., к.э.н.); **Смирнов А.В.** «Методический инструментальный построения долгосрочных демографических прогнозов на уровне местных сообществ» (2017 г., к.э.н.). По специальности 22.00.03 – экономическая социология: **Ботош Н.Н.** «Материальное положение сельских женщин Республики Коми и факторы его дифференциации» (1997 г., к.э.н.). По специальности 22.00.03 – экономическая социология и демография: **Лыткина Т.С.** «Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации» (2005 г., к. социол. н.). По специальности 07.00.02 – отечественная история: **Жеребцов И.Л.** «Миграции населения Коми края в конце XVI – начале XVIII века» (1989 г., к.и.н.), «Демографические процессы в Коми крае в конце XV – начале XX века» (1998 г., д.и.н.).

С 1983 г. демографические исследования получают официальную прописку и проводятся на регулярной основе в Отделе экономики Коми филиала АН СССР, а затем в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН: 1) в секторе «Воспроизводства населения и трудовых ресурсов», заведующие В.П. Подоплелов (1983–1988 гг.), В.В. Фаузер (1988–1992 гг.); 2) в отделе «Социальной демографии и проблем занятости», заведующий В.В. Фаузер (1992, 1995–1999 гг.); 3) в секторе «Социального менеджмента», заведующий В.В. Фаузер (1999–2003 гг.); 4) в лаборатории «Демографии и социального управления», заведующий В.В. Фаузер (2003 г. по н/в).

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что научные исследования по исторической и региональной демографии, региональной и экономической социологии широко востребованы, публикуются в специализированных [62; 63] и многопрофильных российских журналах [64; 65; 66; 67], в зарубежных журналах и монографиях [68–72].

Источники и литература

1. Загайнова Г.В. Роль миграции в формировании населения лесных районов Коми АССР // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар, 1967. Т. 11. №1 (11). С. 19–28.
2. Загайнова Г.В., Подоплелов В.П. Занятость женского трудоспособного населения Коми АССР в общественном производстве // Труды Коми филиала Академии Наук СССР. Сыктывкар, 1970. № 20. С. 110–117.
3. Загайнова Г.В., Хапов В.А. Формирование кадров нефтегазодобывающей промышленности Коми АССР // Труды Коми филиала Академии Наук СССР. Сыктывкар, 1974. № 28. С. 112–116.
4. Шабаев Ю.П., Денисенко В.Н. Этносоциология в Коми: становление, результаты, перспективы // Социологические исследования. 2009. С. 103–109.
5. В научном поиске. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 72 с.
6. Зубова Р.И. Факторы, влияющие на укрепление трудовой дисциплины // Формирование социальной зрелости трудовых коллективов. Сыктывкар, 1987. С. 22–37. (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 39)
7. Фаузер В.В. Социальные резервы трудового коллектива: социологический аспект // Формирование социальной зрелости трудовых коллективов. Сыктывкар, 1987. С. 38–52. (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 39).
8. Худяева Л.Е., Овчинникова Е.В. Участие рабочих в управлении производством как показатель социальной зрелости коллектива // Формирование социальной зрелости трудовых коллективов. Сыктывкар, 1987. С. 53–67. (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 39).
9. Кротов П.П. Качественные изменения подготовки квалифицированных кадров рабочих в системе профессионально-технического образования // Формирование социальной зрелости трудовых коллективов. Сыктывкар, 1987. С. 68–82. (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 39).
10. Чесноков В.П. Интернациональное воспитание советских граждан, работающих в коллективах советско-болгарских лесозаготовительных предприятий в Коми АССР // Формирование социальной зрелости трудовых коллективов. Сыктывкар, 1987. С. 98–106. (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 39).
11. Марксистско-ленинская социология / Отв. ред. Г.В. Осипов, В.Н. Иванов. М.: Наука, 1988. 263 с.
12. Буравой М. Великая инволюция: реакция России на рынок // На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития. Сыктывкар, 2003. С. 13–54.
13. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City. In Victoria Bonnell and George Breslauer (eds.) Russia in the New Century. Boulder, Co.: Westview Press, 2000. P. 231–257.
14. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia // Ethnography. 2000. Vol. 1, no 1. P. 43–65.
15. Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 167 с.
16. Буравой М., Кротов П.П., Лыткина Т.С. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели. Сыктывкар, 2003. 120 с. (Коми научный центр УрО РАН).
17. Ярошенко С.С. Гендерные различия стратегий занятости официальных бедных в России // На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития. Сыктывкар, 2003. С. 127–161. (Труды Коми научного центра Уро Российской АН; № 168).
18. Лыткина Т.С. Распределение власти в семье как фактор стратегий занятости и организации домашнего хозяйства // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2001. № 16–17. С. 60.
19. Лыткина Т.С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 87–109.
20. Лыткина Т.С. Социальный капитал в решении социальных проблем: практики солидарности бедных в Республике Коми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 3. С. 130–154.
21. Лыткина Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. 2004. № 9 (245). С. 85–91.
22. Лыткина Т.С. Институциональные контексты одинокого материнства в России // Историческая демография. 2010. № 2(6). С. 61–71.
23. Лыткина Т.С. Экономическая адаптация домохозяйств в условиях социальной и гендерной трансформации // На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития. Сыктывкар, 2003. С. 162–197. (Труды Коми научного центра Уро Российской АН; № 168).
24. Лыткина Т.С. Социальное самочувствие и поведение сельских жителей Севера и Юга России (на примере Республик Дагестан и Коми) // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 181–189.
25. Лыткина Т.С. Трансформация гендерного порядка: от традиции к современности. Опыт этносоциологического анализа Северного Кавказа // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 96–125.
26. Лыткина Т.С. Трансформация семьи и домашнего хозяйства. Опыт социознотологического описания жизни табасаранцев // Социологические исследования. 2008. № 5 (289). С. 119–124.
27. Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 27–47. – DOI: 10.17323/1811-038X-219-28-3-27-47.

28. *Лыткина Т.С., Журавлев Н.Ю.* Устойчивое развитие в российских научных публикациях: контент-анализ // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера: Сборник статей Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (19–21 сентября 2018 г., Сыктывкар): в 3 ч. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2018. Ч. I. С. 133–141.
29. *Лыткина Т.С., Ярошенко С.С.* Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 101–123. – DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123.
30. Социальные режимы постсоветского производства / Коллектив авторов. Сыктывкар, 2008. 144 с. (Коми научный центр УрО Российской АН).
31. *Задорожный В.Н., Залевский В.А., Фаузер В.В.* Республика Коми: социально-экономическое развитие / Отв. ред. докт. экон. наук, проф. В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2011. 150 с. (Б-ка менеджера; Вып. 20).
32. *Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл.В.* Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / Отв. ред. Н.Д. Цадаева. М.: Экон-Информ, 2010. 174 с. (Б-ка демографа; Вып. 13).
33. *Подоплелов В.П., Таскаев А.И., Косенко И.К.* Население Европейского Севера СССР (Смертность и продолжительность жизни по данным переписей населения 1959–1970 гг.) / Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1974. 450 с.
34. *Фаузер В.В.* Детность семьи и некоторые установки репродуктивного поведения // Социально-экономическое развитие районов Севера. Сыктывкар, 1991. С. 61–68 (Тр. Коми НЦ УрО АН СССР; № 119).
35. *Фаузер В.В.* Проблемы формирования населения Республики Коми. М.: Союз, 1993. 93 с.
36. *Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В.* Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. Сыктывкар, 1994. 104 с.
37. Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения / В.В. Фаузер, Г.В. Загайнова, В.П. Подоплелов и др. Сыктывкар, 1996. 112 с.
38. *Фаузер В.В., Парначев А.А.* Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. 176 с.
39. *Сквозников В.Н., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П.* Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. 202 с.
40. *Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В.* Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. 124 с.
41. *Жеребцов И.Л., Фаузер В.В.* Демография сельского населения Коми края // Столетний вклад Российской академии наук в становление и развитие сельского хозяйства на европейском Севере: перспективы использования достижений фундаментальной науки. Сыктывкар, 1999. С. 11–12.
42. *Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В.* Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. 220 с.
43. *Жеребцов И.Л., Фаузер В.В.* Управление социально-демографическими и этническими процессами в национальном регионе (на примере Республики Коми XV–XX вв.) // Российский фонд фундаментальных исследований. Региональный конкурс «Урал – 2001» в Республике Коми. Сыктывкар, 2004. С. 361–383.
44. От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века / Жеребцов И.Л., Безносова Н.П., Вишнякова Д.В., Игнатова Н.М., Рожкин Е.Н., Фаузер В.В., Шабаетов Ю.П. Сыктывкар, 2014. 296 с.
45. *Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л.* Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // Региональная демография. Выпуск первый. Сыктывкар, 2003. С. 72–79.
46. *Фаузер В.В.* Демографическое развитие финно-угорских народов: общие черты и специфические особенности // Социальная и демографическая политика. 2006. № 3. С. 40–51.
47. *Фаузер В.В.* Прошлое и настоящее демографического развития финно-угорских народов // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2008. № 3–4. С. 27–36.
48. *Фаузер В.В.* Финно-угорские народы в современном мире // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 3. С. 111–125.
49. *Фаузер В.В.* Финно-угорские народы в современном мире: демографическое измерение // Идентичность и изменяющийся мир: Материалы V Всемирного конгресса финно-угорских народов (Ханты-Мансийск, 2008). Сыктывкар, 2008. С. 150–165.
50. *Фаузер В.В.* Финно-угорские народы: история демографического развития. Сыктывкар, 2005. 24 с.
51. *Фаузер В.В.* Проблемы формирования населения в районах Севера (на примере Коми АССР): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1983. 22 с.
52. *Подоплелов В.П.* Проблемы воспроизводства населения, формирования трудовых ресурсов и их рационального использования. Сыктывкар, 1972. 61 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми филиал Академии наук СССР. Вып. 3).
53. *Фаузер В.В.* Проблемы демографического развития Российского Севера: автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 1996. 34 с.
54. *Фаузер В.В.* Проблемы демографического развития Российского Севера: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05: защищена 15.03.1996. М., 1996. 328 с.
55. *Лыткина Т.С., Фаузер В.В.* Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 1 (84). С. 90–109.
56. *Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.* Государственное управление миграцией населения: от принуждения к

поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2015. № 3. С. 151–168.

57. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Вахтовый метод и демографический потенциал Российского Севера // Управленческие аспекты развития Северных территорий России: материалы Всерос. науч. конф. (20–23 октября 2015 г., Сыктывкар): в 4 ч. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. Ч. 2. С. 302–307.

58. Фаузер В.В., Назарова И.Г. Российский Север: проблемы работающих вахтовым методом и государственная политика переселений // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2011. № 2.

59. Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3. С. 33–47.

60. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. № 3. С. 144–151.

61. Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Трансформация семьи и гендерных ролей в России: прошлое и настоящее // Демографическая история России и регионов. Межрегиональный научный сборник. Выпуск 2: Динамика численности городского и сельского населения России. Сыктывкар, 2018. С. 109–122.

62. Жеребцов И.Л. Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России // Историческая демография. 2017. № 1. С. 87–98.

63. Фаузер В.В. История развития демографической науки: от теории к практике // Историческая демография. 2017. № 1 (19). С. 68–75.

64. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2 (22). С. 40–50.

65. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 18–31. – DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-18-31.

66. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика // Арктика: экология и экономика. 2018. № 3 (31). С. 3–22. – DOI: 10.25283/2223-4594-2018-3-3-22.

67. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям // ЭКО. 2018. № 7. С. 112–130. – DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-7-112-130.

68. Ashwin S., Lytkina T. Men in Crisis in Russia: the Role of Domestic Marginalization // Gender and Society. 2004. Vol. 18, no 2. P. 189–206.

69. Ashwin S., Tartakovskaya I., Ilyina M., Lytkina T. Gendering Reciprocity: Solving a Puzzle of Nonreciprocation // Gender and Society. 2013. Vol. 27, no 3. P. 396–421.

70. Fauzer V., Kuratova L., T., Fauzer G. Problems of the Population Reproduction in the Russian North / 6th International Conference “Application of new technologies in management and economy” (ANTiM 2018). Proceedings. Belgrade: University „Union – Nikola Tesla”, 2018. Vol. 1. P. 433–444.

71. Fauzer V., Lytkina T., Smirnov A., Fauzer G. Features of Ethnic Structure of the Russian North Population / 6th International Conference “Law, Economy and Management in Modern Ambience” (LEMiMA 2019). Proceedings. Belgrade: University „Union – Nikola Tesla”, 2019. Vol. 1. P. 191–203.

72. Fauzer V., Smirnov A., Lytkina T. Demographic Approach to Estimation of Sustainable Development in Russian Northern Regions // International Journal of Economics and Law. 2018. Vol. 8, no 22. P. 47–60.

*Н.С. Коровина**

Отражение миграционных процессов в коми фольклоре

В данной статье сделана попытка рассмотреть роль миграционных процессов в Коми крае (в частности, отходничества) в формировании и развитии таких жанров коми фольклора, как народная сказка и лирическая песня. Главными источниками статьи стали труды ученых, архивные материалы.

Ключевые слова: миграционные процессы, отходничество, коми народная сказка, лубочная литература, необрядовая лирика, частушка

N.S. Korovina

Reflection of migration processes in the Komi folklore

In this article the attempt to consider a role of migration processes in the region of Komi (in particular otkhodnichestvo) in formation and development of such genres of the Komi of folklore as the national fairy tale and the lyrical song is made. Works of scientists, archival materials became the main sources of article.

Key words: migration processes, otkhodnichestvo, Komi national fairy tale, primitivistic style literature, not ceremonial lyrics, chastushka

В конце XX – начале XXI в. огромное внимание российской общественности вызывают демографические процессы в различных регионах страны. Неудивителен поэтому и растущий интерес к этнодемографической проблематике в историко-культурной ретроспективе. Как отмечается в работах И.Л. Жеребцова, «изучение демографических процессов играет существенную роль для исследования всех аспектов истории и современного состояния каждого народа или региона, для прогнозирования условий его дальнейшего развития, поскольку движение и состав населения оказывают огромное воздействие на экономическую, социальную, политическую и культурную сферы жизни социума» [1, 15].

В социально-экономической жизни Коми края в конце XIX – начале XX в. заметное место занимал особый вид трудовой миграции населения – отходничество. Отхожий промысел получил широкое распространение в связи с проникновением в этот регион капиталистических отношений и принял устойчивый и массовый характер. Однако отходничество – это не только «особый вид трудовой миграции населения и особая модель экономического поведения. Это и новый образ жизни отходников, изменившийся политический статус этих людей, потенциал этих людей как новых «культуртрегеров» для своих местных обществ» [2, 35].

С характерным для Коми края явлением массового отходничества, особенно в XIX в., тесным образом связаны и судьбы коми фольклора. Поскольку на первых порах отходник еще теснейшим образом был связан со своим крестьянским хозяйством, крестьянская идеология, крестьянские формы ее выражения, в том числе и фольклор, занимали в его сознании первостепенное место. Русские сказки, русские песни, а позднее и частушки заняли прочное место в коми фольклорном репертуаре не без участия отходников.

Цель данной статьи – выявить роль миграционных процессов в формировании и развитии жанров коми фольклора. Рассмотрен этот процесс на основе анализа двух фольклорных жанров: сказки и необрядовой лирической песни.

Коми народная сказка – одна из самых богатых разделов фольклорного наследия коми народа. Собранный фольклорный материал свидетельствует о развитой сказочной традиции, об одаренных исполнителях народных произведений.

Общеизвестно, что сказка является одним из наиболее проницаемых жанров фольклора. Для нее не существует ни географических, ни территориальных границ. Интересные сведения, какими путями попала сказка на Мезень, сообщил Ф.В. Плесовскому один из его исполнителей – А.С. Селиванов. Когда-то очень давно отец исполнителя после неурожайного лета отправился со своим соседом на заработки «добывать хлеб». Занимались пилкой дров и другими делами. На обратном пути, проезжая вычегодские деревни, попали к одному старику, сказками которого они заинтересовались. И только за то, чтобы старик продолжал

* **Коровина Надежда Степановна** (Сыктывкар) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; e-mail: nadezhdakorovina@mail.ru

рассказывать сказки, они пилили ему двое суток дрова. Вернулись они весной без лошади, в санках волокли ее шкуру, но зато с запасом сказок [3, 492].

Сказки рассказывались, разносились разного рода странствующими сельскими ремесленниками: катанщиками, пимокатами, портными. В нижевычегодской и сысольских волостях Коми края, например, изготовление валяной обуви имело существенное распространение. Катанием обуви занимались исключительно по заказу и из материала заказчика. Из-за недостатка сырья для катания этот промысел был преимущественно отхожим. Уходили в Вятскую, Пермскую, Оренбургскую, Тобольскую губернии или же в другие волости, преимущественно северные, в своих уездах.

По сведениям И.А. Осипова, известный сказочник с. Большелуг Ф.Т. Мишарин знал сказки с детских лет, научился рассказывать их, когда ездил заниматься валянием [4, 253]. О сказочнике с. Корткерос Е.Д. Ладанове исследователь пишет: «... 36 туй ветлѡма заводѡ; заводяся ветлѡгон и медсясѡ велавлѡма мойдны, ѡтились да мѡдлысь» [5, 252] – «... 36 раз ездил работать на заводы; во время поездок на заводы и научился рассказывать сказки, от одного да от другого».

К числу известных мастеров-исполнителей следует отнести А. А. Шуктомову. Репертуар талантливой сказительницы не только велик, но и исключительно многообразен. За 16 лет А. К. Микушев записал от нее около 50 сказок. В 1980 г. вышел сборник А. К. Микушева «Ипатьдорса фольклор» (Фольклор села Ипатово, 1980), посвященный талантливой коми сказительнице. Он является пока единственным коми фольклорным изданием, где рассматривается творчество отдельного исполнителя. Во вступительной статье дается творческий портрет А. А. Шуктомовой. Кроме сказок А.К. Микушев записал от нее 100 песен, 60 причитаний, 150 частушек. В ее памяти хранится также громадный запас загадок, пословиц и поговорок. На всю округу она славилась как искусная плакальщица, знает не только свадебные, но и похоронные, рекрутские причитания. Причитать выучилась в своей деревне – еще в девушках. По рассказам, жизнь ее была не из легких. Работала прислугой, уборщицей. Вместе с мужем неоднократно ездили за Урал на отхожие промыслы, заготавливали лес, работали там на сплаве. Все это время она рассказывала сказки, узнавала там новые сюжеты сказок [6, 10].

В общем сказочном фонде коми народа имеется довольно большой пласт сказок, тесно связанный с русской книжной традицией, в основном с лубочной литературой. Она поступала в Коми «и через офеней во время ярмарок, книгами наряду с другими товарами торговали купцы, их привозили возвращающиеся из отхожих промыслов крестьяне, студенты и учащиеся...» [7, 83].

Лубочной книгой исследователи обычно называют дешевые массовые издания для народа, появившиеся в России во II половине XVIII в. Ее название «лубочный», по мнению большинства исследователей, происходит от названия лубочных листов, или лубков – картинок примитивного содержания с поясняющим текстом, напечатанных с «лубка», т.е. с липовой гравировальной доски, которой пользовались русские печатники в XVII и начале XVIII в. [8, 8–9]. Вслед за лубочными картинками во второй половине XVIII в. появились лубочные книжки, в которых остался лишь текст, а картинки украшали обложки или печатались как иллюстрации.

Первоначально основным содержанием этих книжек были жития святых (жития Николая-чудотворца, Марии Египетской), различные поучения, например, о вреде пьянства и брани, о неотвратимости Страшного суда. Постепенно значительное место в этих изданиях начали занимать легенды, былины, исторические сказания, сказки. Большой популярностью пользовались авантурные рыцарские повести о Бове-королевиче и Еруслане Лазаревиче, «История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королеве Ренцивене», повесть «Гуак, или Непереборимая верность», проникшие на Русь еще в XVI–XVII вв.

Некоторые издатели лубка (И.Д. Сытин, Е.А. Губанов, А.А. Холмушин и др.), привлекая потенциальных покупателей, старались максимально снизить отпускные цены своих книг (для этого использовалась самая низкопробная серая бумага), а низкое полиграфическое качество компенсировалось яркой обложкой с выразительными изображениями главных героев и заголовками, которые сразу бросались в глаза.

В настоящее время в коми фольклорном фонде имеются записи восьми вариантов сказок о Бове-королевиче, шести – о Еруслане Лазаревиче, семи – о Портупее-прапорщике и одного варианта – об Английском Милорде.

Необходимо отметить, что влияние лубочной литературы было в основном, конечно, опосредованным, сюжет усваивался со слов другого сказителя, знавшего произведение из книги. По словам слепого удорского сказочника И.И. Игушева, сказку о Еруслане Лазаревиче он перенял от коми исполнителя И.К. Федорова, прочитавшего книгу об этом герое, во время работы на лесопильном заводе в с. Каменка Архангельской области.

Однако нельзя исключить и возможность непосредственного усвоения грамотными исполнителями сказок из лубочных изданий. По сведениям исследователей, уже в XVIII в. коми население было двуязычным, что сыграло немаловажную роль в усвоении сказок [9, 137].

Сказки о Бове-королевиче и Еруслане Лазаревиче, записанные Ф.В. Плесовским в 1957 г. в с. Ужга Койгородского р-на от Ф.Е. Попова [10, 486 об.–497 об.], характеризуются довольно точным пересказом со-

держания лубочной сказки (в позднейших его обработках). Имена главных действующих лиц, например, фигурируют в нем без серьезных изменений. Можно предположить, что здесь не исключена возможность непосредственного усвоения исполнителем сказки из лубочных книг. К сожалению, собиратели фольклора не оставили никаких данных ни о личности сказочника, ни об источниках усвоения анализируемых сюжетов.

Отхожие промыслы стали одним из путей обогащения и коми песенного репертуара. Отходники возвращались в родные края с пустыми карманами, не забыв однако «прихватить» с собой новую модную песню или песню, сложенную такими же, как и они, отходниками. Сохранились даже конкретные указания о том, откуда была воспринята та или иная песня. Известно, что вымская молодежь часто шла на отхожие промыслы в Вятку. А.К. Микушеву удалось записать в д. Увдор Усть-Вымского р-на в 1964 г. русскую песню «Как у нас во мастеровой». Песня эта была сложена мастеровым человеком в Вятке и завезена коми отходниками на Вымь [11, 82].

В XIX – начале XX в. в коми устном творчестве формируется новый вид песенной лирики, стоящий на грани традиционных песен и частушечной поэзии. И родился он именно на рубеже двух веков, т.е. вслед за рождением нового частушечного жанра и в русском фольклоре.

Причем эти песни, по мнению А.К. Микушева, «Родились в тот момент, когда в коми деревне получило массовый характер отходничество, когда процесс классового расслоения в коми деревне стал особенно интенсивным. Именно отходничество явилось той основной социальной средой, в которой родился новый фольклорный жанр – частые песни-воспоминания и частушки. Именно отходники, наиболее мобильная часть коми населения, имели большие возможности первыми уловить новые веяния в русской народнопесенной культуре и под влиянием новых жизненных впечатлений создать свое отличное художественное творчество» [12, 11].

Основным создателем и потребителем таких песен была среда отходничества. Тема социальной несправедливости, торгового, найма рабочей силы отчетливо стала звучать в коми песнях позднего происхождения, бесконечно варьируясь от песни к песне. В текстах некоторых песен отразились даже два термина отходничества. «Гуляйтём» – так говорили, когда отходник отправлялся на заработки на одну зиму, на один сезон. «Зимогоритём» – так называли отходников, уехавших на промыслы на несколько лет.

Часто в новых песнях и частушках упоминался Богословский завод: «Кытчö сійö мунöма? – Богословö мунöма! – Мыйла сійö мунöма? – Брукила, колошила!» (Куда он отправился? – В Богослов отправился. – Зачем он туда отправился? – За брюками, калошами) [13, 110].

Богословский завод, построенный в 1770 г., к началу XX в. имел две церкви, богадельню, 8 тыс. жителей и множество пришедшего сюда – углежогов [14, 464–468]. Вот как писал о положении коми отходников на уральских отхожих промыслах Василий Немирович-Данченко: «Выносливость их (зырян. – Н.К.) выше всякого сравнения. Они вбивают в землю четыре низеньких столба, настилают на них крышу. Со всех сторон открыто. Под таким катафалком они спят в снегу месяцы, какие бы морозы ни стояли. Дров для себя не извозят; едят иногда сырое, например, соленую рыбу. Замерзают редко, хотя разумеется, и этот грех случается» [15, 292].

Вот в таких каторжных условиях приходилось жить тысячам вычегодских и сысольских отходников. «Коньбөрй да ратникбй» (Горемыка-ратник), «Коньбөрй да Ванькабй» (Горемыка-Ванька), «Коньбөрй Падласовбй» (Горемыка Падласов). В этих песнях отношение к отходнику выражено сразу в зачине песни, в главном эпитете, которым награждается отходник «коньбөр» (бедный, бедняжка, горемычный).

И всегда подчеркнуто поданы картины безысходности бедняка. В песне «Кор ме вöлі кык арöса» (Когда я был двухлетним), записанной от бывших отходников, которые искали счастья на уральских заводах, на кажимских и ярославских промыслах, сказано:

Кажим заводö пыри,	На Кажимский завод нанялся,
Куим во нажевитчи...	Три года зарабатывал...
Богословыс кö ылын,	Богослов-то далеко,
Ярославыс ылынджык.	Ярославль подальше.
Богословас кö сьöкыд,	В Богослове тяжело,
Ярославас сьöкыджык...	В Ярославле тяжелей... [16, 111].

Мотив безысходного горя не забыт верхневыходскими певцами, которые замечают:

Унмö кайны – пос абу,	К богу влезть – нет лестницы,
Муö пырны – розь абу,	Скрыться в землю – нет дыры,
Ваö пыран – пöдан,	В воду сунешься – утонешь,
Уна вожа туй мунö,	Много есть путей – дорог,
Толькö менам туй абу...	Только мне дороги нет... [17, 8].

Главным героем новых песен был коми отходник, молодой парень, безуспешно пытающийся выбиться в люди, наладить собственное хозяйство при помощи отхожего промысла. Чаше образ отходника раскрывается «со стороны», обычно от имени его возлюбленной «Менам милдой абу» (Милого моего нет), «Менам рытьяной абу» (Моего друга на вечеринке нет), «Ме кӧ петі рытьысьны» (Как-то вышла на посиделки).

Ме кӧ петі рытьысьны,	Как-то вышла на посиделки,
Менам друганой из во,	Мой друг не пришел,
Кычӧ сӧя мунӧма?	Куда он отправился?
Питимбургӧ мунӧма.	В Петербург отправился.
Мыйла бара мунӧма?	Зачем он туда отправился?
Машинала мунӧма.	За машинкой отправился.
Мый машинанас карӧ?	Зачем нужна машинка?
Кашемир кӧшель вурӧ,	Кашемировый кошель сшить,
Еджыд сарапан кӧрӧ.	Белый сарафан сшить [18, № 154].

Молодая девушка создает эмоционально-окрашенный портрет отходника:

Яран ты дорӧ ветлі,	К ненецкому озеру ходила,
Роч казакӧс аддзылі,	Русского казака повстречала,
Зелезеньӧн зипунӧн,	В железный тулуп одет,
Визьӧн кушакӧн,	Полосатым кушаком подпоясан,
Кукань ку да кепысьӧн,	Рукавицы из телячьей кожи,
Баля ку шапкаӧн,	Шапка из овечьей шкуры,
Тугья, тугья да вӧньӧн.	Пояс с кисточками [19, № 449].

Таков традиционный портрет отходника. В портретной характеристике отходника появляются детали нового фабричного костюма с обязательным реквизитом из калош, «сертука» (сюртука), «роч ной гач» (брюк из русского, т.е. фабричного, не самотканого сукна).

Каля ты дорӧ ветлі-а	К Каля озеру я ходила,
Роч казакӧс аддзылі,	Русский там стоит казак,
Визя кушака,	В полосатом кушаке,
Роч ной пальтоа,	В пальто из тонкого сукна,
Визя еджыд дӧрӧма.	В рубашке белой в полоску.
Галипея гача,	В брюках галифе,
Кромӧвей сапӧга да,	В хромовых сапогах,
Бобровка-шапка юрас.	На голове бобровая шапка [20, 72].

Нарядный щеголь, одетый в новые суконные брюки и в камаша с галошами, постоянно привлекал воображение бедноты. Такой щеголь, которому удалось скопить деньги, казался особенно счастливым парнем. Обычно отходники возвращались без гроша в кармане, постоянные штрафы и поборы выматывали их вконец.

Большая мобильность коми населения, широкое распространение отходничества способствовали активному появлению новых сказочных и песенных сюжетов в Коми крае, в том числе и новых песенных жанров – песен-частушек. Все это привело к обогащению коми национального фонда новыми сюжетными типами и версиями сказочных и песенных сюжетов и сюжетных типов. Русская сказка и русская песня органично вошли в коми устную фольклорную традицию. Этому способствовали давние коми-русские культурные связи и развившееся активное двуязычие.

Источники и литература

1. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар: изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1998. 174 с.
2. Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Новый мир. Научный журнал. 2015. № 1. С. 35–71.
3. Ф.В. Плесовский. Удорские сказочники // Сказки народа коми. Коми мойдъяс / Сост. Н.С. Коровина. Сыктывкар, 2009. С. 489–493.
4. Висер вожса сьыланкывьяс да мойдкывьяс (Песни и сказки Вишеры) / Сост. И.А. Осипов. Сыктывкар, 1941. 236 с.
5. Висер вожса сьыланкывьяс да мойдкывьяс (Песни и сказки Вишеры) / Сост. И.А. Осипов. Сыктывкар, 1941. 236 с.
6. Ипатьдорса фольклор (Фольклор села Ипатово) / Сост. А. К. Микушев. Сыктывкар, 1980. 184 с.
7. Роцневская Л.П., Ярошенко М.А. Издания И.Д. Сытина в Коми крае // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 77–83.
8. Корепова К.Е. Русская лубочная сказка. Н. Новгород, 1999. 244 с.
9. Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Сыктывкар, 1993. 184 с.
10. Научный архив Коми научного центра УрО РАН (далее – НАКНЦ). Ф. 1. Оп. 11. Д. 187.

11. НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 233а.
12. *Микушев А.К., Чисталев П.И.* Коми народные песни. 2-е изд. Сыктывкар, 1993. Т. I. 287 с.
13. *Микушев А.К., Чисталев П.И.* Коми народные песни. 2-е изд. Сыктывкар, 1993. Т. I. 287 с.
14. Урал. Северный, средний, южный. Справочная книга / Сост. Ф.П. Доброхотов. Петроград, 1917.
15. *Немирович-Данченко Вас.* Кама и Урал (Очерки и впечатления). СПб., 1890.
16. *Микушев А.К., Чисталев П.И.* Коми народные песни. 2-е изд. Сыктывкар, 1994. Т. II. 192 с.
17. *Микушев А.К., Чисталев П.И.* Коми народные песни. 2-е изд. Сыктывкар, 1993. Т. I. 287 с.
18. НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 233а.
19. НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 233а.
20. *Микушев А.К., Чисталев П.И.* Коми народные песни. 2-е изд. Сыктывкар, 1994. Т. II. 192 с.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» ЗА 2018 ГОД

2018, № 1 (21)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Сущий С.Я.** (Ростов-на-Дону). Войны в социодемографической динамике территориальных сообществ Юга России XVII – начала XXI века. С. 4–7.
- Аргудяева Ю.В.** (Владивосток). Русские старообрядцы в Приморье: миграция, эмиграция и реэмиграция их потомков из Южной Америки. С. 8–12.
- Нисковский А.А.** (Сыктывкар). Этнодемографический облик малых северных городов в 1940–1950-е годы (на примере г. Печоры Коми АССР). С. 13–16.
- Дашинамжилов О.Б.** (Новосибирск). Миграции и малый город в западносибирских регионах позднесоветского периода (1960–1980-е годы): тенденции и поиски решений проблемы депопуляции. С. 17–21.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Абдуразаков М.Ф., Садыков Т.С.** (Астана). Изменения динамики демографического развития жителей городов и сел в Казахстане. С. 22–27.
- Фадеева Е.В.** (Владивосток). Демографическая характеристика современной семьи ороков (уйльта) Сахалина. С. 28–32.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. МЕТОДОЛОГИЯ

- Игнатова Н.М.** (Сыктывкар). Демографические процессы на Европейском Севере в XIX–XX веках. С. 33–34.
- Силин В.И.** (Сыктывкар). Материалы социально-экономического обследования населения Верхне-Вычегодских волостей Коми края 1902 года. С. 35–49.
- Вишнякова Д.В.** (Сыктывкар). Подворные переписи начала XX века как источник по социально-демографическому развитию северного крестьянства. С. 50–76.
- Таскаев А.М.** (Сыктывкар). Подготовка, проведение и итоги Всероссийской переписи 1920 года и Всесоюзной переписи 1926 года в Коми автономной области: документы и материалы. С. 77–93.
- Безносова Н.П.** (Сыктывкар). Новые документы по статистике населения Коми АССР за 1937–1989 годы. С. 94–113.
- Игнатова Н.М.** (Сыктывкар). Архивные данные по Всесоюзному переучету выселенцев и спецпоселенцев 1949 года. С. 114–136.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Содержание журнала «Историческая демография» за 2017 г. С. 137–139.

2018, № 2 (22)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Мацук М.А.** (Сыктывкар). Дворность населенных пунктов как показатель колонизационных процессов в Коми крае конца XVI века. С. 4–12.
- Башнин Н.В.** (Санкт-Петербург). Историко-демографическая характеристика вотчины Вологодского архиепископского дома Св. Софии в Яренском уезде в первой трети XVII века. С. 13–16.
- Чагин Г.Н.** (Пермь). Крестьянская семья на севере Чердынского уезда в XVII – начале XX века. С. 17–22.
- Трифонов Е.К., Фахриев Р.Т.** (Сыктывкар). Потери среди уроженцев Коми края, участников Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. С. 23–27.

- Золотарев О.В.** (Сыктывкар). Отношение населения Коми автономии к работе по ликвидации неграмотности (1920–1930-е годы). С. 28–31.
- Мацук А.М.** (Сыктывкар). Динамика численности учащихся средних специальных учебных заведений на Европейском Севере России и РСФСР в 1950–1980-х годов: сходства и различия. С. 32–35.
- Бубличенко В.Н.** (Ухта). Изменение состава несовершеннолетних детских трудовых колоний НКВД – МВД СССР в 1940-е годы. С. 36–44.
- Попова Л.А.** (Сыктывкар). Развитие брачно-семейных отношений в Республике Коми в 1920–1990-е годы. С. 38–44.
- Задкова Т.Ю.** (Саранск). Брачность и разводимость в Мордовской АССР в послевоенный период. С. 45–49.
- Власова В.В.** (Сыктывкар). Православное таинство крещения в советский период: официальная статистика и реальность (на примере сельских районов Республики Коми). С. 50–56.
- Уваров С.Н.** (Ижевск). Влияние антиалкогольной кампании 1985–1988 годов на демографические процессы в Удмуртии. С. 57–62.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Хашба А.Ш.** (Сухум). Современные демографические процессы в селе Хуап Гудаутского района Республики Абхазия. С. 63–66.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. МЕТОДОЛОГИЯ

- Черкасова М.С.** (Вологда). Сравнительные методы демографического изучения монастырей в XVII – начале XVIII века. С. 67–70.
- Лейман И.И.** (Сыктывкар). Военно-статистическое обозрение Российской империи как источник изучения состояния путей сообщения и торговли на Европейском Севере России в середине XIX века. С. 71–75.
- Плотникова Г.Н., Плотников С.Н.** (Пермь). Источники по этнодемографической истории крестьянского населения Пермской губернии второй половины XIX века. С. 76–79.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

- II Международная научная конференция по исторической демографии и исторической географии (Информационное письмо). С. 80.
- I съезд историков Республики Коми (Информационное письмо). С. 81.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – Times New Roman; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный. Вставка символов – Symbol. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более семи слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5. Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)». Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.».

Название рисунка и комментариев располагаются под ним, курсивом, например: «Рис. 2. Источники роста населения Северного края.».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Названия публикаций приводятся полностью, сокращения названий, употребление слов «Указ. соч.», «Там же» и т.п. не допускается. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. **Автоматические сноски не допускаются!**

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

8. Если есть сокращения, прилагают список с расшифровкой, например:

9. **В конце статьи** указывается фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), ученая степень, должность, место работы (без сокращений), служебный адрес, адрес электронной почты, например: Иванов Иван Иванович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии Сыктывкарского государственного университета, 167982, г. Сыктывкар, Ленинский проспект, 222, ivanov@mail.ru; Петров Петр Петрович (Новосибирск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора демографии Института истории Сибирского отделения РАН, 000000, г. Новосибирск, ул. Академическая, 333, ppp21@bk.ru.

Научный журнал

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ
2019. № 1 (23).

Технический редактор Н.К. Забоева
Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Подписано в печать 03.02.2019.
Уч.-изд. л. 6,3. Тираж 300 экз. Заказ № 137.

Информационно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.